

JED MCKENNA

DREAM
STATE

A Conspiracy Theory

Jed McKenna

DREAMSTATE

A Conspiracy Theory

Wisefool Press
2016

<http://wisefoolpress.com/dreamstate/>

Джед МакКенна

ВО СНЕ

Теория заговора

Самоиздат
2016

<http://jmunpublished.wordpress.com/dreamstate>
grailmail@gmail.com

Реальность, что за идея.

Робин Уильямс

Перевод с английского:
grailmail@gmail.com

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вечеринка в доме.....	7
Где я жил и чего ради.....	12
Где мы и как сюда попали.....	23
Двери восприятия.....	29
Бедная капля воды.....	36
Алиса в Стране сновидений.....	38
Проблема ума.....	43
Опоры иллюзии.....	51
Карта царства сна.....	57
Волшебный фонарь.....	65
Проблема совершенства.....	69
Один маленький шаг.....	76
Что на обед.....	86
Алиса в Матрице.....	93
Повышение в звании.....	98
Иносказание о койоте.....	107
Баллада о Кене и Барби.....	114
<i>Creatio ex nihilo</i>	125
Миф о творении.....	134
Хвала абсурду.....	142
Зловещая долина.....	150
Великая головоломка.....	159
Белый кролик.....	166
Кукольный театр.....	172

Приложения

12 способов сказать то же самое.....	178
Еще 38 способов сказать то же самое.....	205
Смысл творения.....	217
Хорошего хорошо понемногу.....	231
Мысль о меде.....	234

ВЕЧЕРИНКА В ДОМЕ

...Можно ли доказать, что мы вот в это мгновение спим и все, что воображаем, видим во сне или же мы бодрствуем и разговариваем друг с другом наяву?

Платон, «Теэтет»

Должно быть, Лизабель пригласила меня на маленькую вечеринку, устроенную для друзей и коллег, потому что я стою перед ее домом с подарком, когда она открывает дверь, словно обычный человек, и приглашает меня в свой ярко освещенный и оживленный дом. Я беру ее пальто и передаю ей красный пропеллер.

— Это мои друзья Фредвин и Латрина, — говорит Лизабель на нашем секретном языке.

— О да, — киваю я.

— Это мой Джедвин, — объясняет Лизабель Фредвину и Латрине, — он говорит всякое-разное.

— Вот это, — отзывается Латрина, — да.

— Латрина, — говорю я, — это что-то связанное с туалетом¹?

— О нет, — отвечает она, — просто друзья.

— А ты, Фредвин?

— Кукурузные поросята, — говорит он. — Я в кукурузных поросятах. Насыщенный вкус, никакой

¹ Latrine (англ.) — отхожее место.

синтетики, высший класс.

Он наклоняется и шепчет мне:

— У нас места на *хорошей* стороне стола.

— Как будто я не знаю, — отвечаю я и похлопываю его по плечу. — Я должен идти.

— Пойдем со мной, — зовет Лизабель и сопровождает меня к патио позади дома, мимо джакузи, где Майкл Джексон подзывает меня не моим именем еще к одной парочке.

— Джедвин, — говорит Лизабель, — это Брэдвин и его жена Шугарбель. Я работаю над Шугарбель у растения во вторник. Брэдвин такой же, как ты.

— Ага, — говорю я.

— Джевин знает свое дело, — говорит Лизабель.

— О да, — отвечает Брэдвин. — У меня есть дядя.

— Здесь все так сверкает, — говорит Шугарбель.

— А что за дело? — спрашивает Брэдвин.

— Играю в гольф, Брэдвин. *Много* гольфа.

Мы от души хохочем.

— А ты, Брэдвин? Чем занимаешься, а?

— Земные блага, — отвечает Брэдвин и подмигивает. — Думаю, ты понимаешь.

— Вполне. — Я тоже подмигиваю ему и удивляюсь, не сплю ли я.

— А вы и теперь заняты своим делом? — спрашивает Шугарбель.

— Не уверен, — отвечаю я ей. — Вы имеете в виду настоящее *теперь* или теперешнее *настоящее*?

— Вполне, — говорит она.

На вечеринке много людей, и я рассматриваю их. Вот Тэдвин, он, насколько мне известно, с автомойки, а там м-р Рурк в белом костюме приветствует людей у дымящейся жаровни, где Сидни Гринстрит в белом костюме помешивает лапшу.

— А, — говорю я радостно, — я знаю Сидни.

А может быть, я думаю о Вупи Голдберг в белом

костюме, которая поглощает лапшу.

— Извините, — говорю я, но никто не отвечает, я один.

Я высматриваю, к кому присоединиться, и вижу юного Эллиота Гульда, к которому чувствую симпатию. Он носит армейскую полевую куртку, зеркальные солнечные очки и обвислые усы.

— Отличная вечеринка, — говорит он, не шевеля губами.

— Вполне, — соглашаюсь я.

— История во сне, — добавляет он.

— Сон в истории в истории во сне, — отвечаю я. — Во сне, — добавляю я, не совсем уверенный в том, что все правильно выговорил.

Он кивает, не двигая головой.

— Забавная штука, — говорит один из нас.

Если аквалангист в бассейне игрушечный, то игрушка сделана на совесть. Я тихо радуюсь тому, как устроено освещение. Я помню что-то, что никогда не происходило, но сейчас это произошло. С балкона наверху слышен голос и таинственное бульканье лапши.

— Да ну, — говорю я, подтрунивая, как принято на вечеринках. — Ничто не сравнится с хорошим леденцом.

Никто не отвечает.

— Сейчас что-то должно случиться, — говорю я без слов, и бесплотный голос сообщает, что все в порядке.

— То-то, — отвечаю я.

— Могу чем-нибудь помочь? — спрашивает голос.

— Наушники, — отвечаю я, — и приводной ремень.

Бесплотный голос исчезает, к моей радости.

— Здравствуй, — говорит человек, на котором мне не удастся сфокусировать взгляд, — меня зовут Джедвин.

— Здравствуй, Джедвин, — отвечаю я. — Меня тоже зовут Джедвин.

— Нет, — говорит он. — *Джедвин*.

— А, — понимаю я, — ты имеешь в виду *Чедвин*.

— Я так и сказал, — говорит он.

Что-то витает в воздухе. В глазах вспыхивает свет, и я задаюсь вопросом, ничего ли я не пропустил. Музыка превратилась в унылое глухое бумц-бумц, похожее на шум сломавшегося парохода. Помню, как страдал от гидромиандрии, и теперь я печален, но горд. Танцы прекратились еще до того, как начались. Джулианна Мур дарит мне многозначительный взгляд, и я столь же многозначительно смотрю в ответ. Я интересуюсь у нее, что нам известно.

— Тебе туда не попасть отсюда, — шепчет она.

Вот и все, что нам известно.

Я хочу пить и опускаю свою картонку. Что-то вот-вот должно случиться, а потом не случается. Мне скучно, я немного танцую, и получается довольно неплохо. Еще я знаю, что моя рука может пройти прямо сквозь этих людей, но я не хочу делать этого, потому что они мне самую малость нравятся.

— Вы веселитесь *от души*? — спрашивает меня Лизабель.

Я смотрю на нее, и она выглядит, как моя сестра-баронесса, так что я отворачиваюсь. Толпа разбивается на группы, и я вижу почему. Раздается отдаленный гул. Что-то приближается, но не приходит. Я все еще держу картонку, которая, по моим ощущениям, все объясняет.

— В ваших глазах изумление, — говорит блестящая женщина рядом со мной.

— Я не здесь, вот почему, — отвечаю я.

— Ну, — говорит она, — того и жди.

Я согласен, но не отвечаю. Что-то почти случилось. Я смотрю вокруг, не пропал ли кто еще. Я могу сказать, что уровни не те, но не должен дотрагиваться до ручки настройки. Жду, что будет дальше, и вот над садом ангел в белых одеждах попадает стрелой из света в ночь и называет это зимней луной. Майябель бежит ко мне, и я так счастлив. Я подхватываю ее на лету, предлагаю ей

красный пропеллер, но она выбирает вместо него мое ухо, и вот мы плывем ночью по океану, и вокруг тьма.

ГДЕ Я ЖИЛ И РАДИ ЧЕГО

То была легкая неоштукатуренная хижина, достойная приютить странствующего бога или богиню в величаво ниспадающем одеянии. И над моей хижинкой веял тот же ветер, который овеивает вершины гор, ветер, доносивший до меня лишь обрывки земной музыки, ее небесную часть. Утренний ветер веет всегда, и песнь мироздания звучит неумолчно, но мало кому дано ее слышать. На всех земных вершинах можно найти Олимп.

Генри Дэвид Торо

Мы с Майей прибыли сюда в конце ноября. Природа была по-осеннему блеклой, не считая зеленого цвета рододендронов, а день серым и дождливым. Наш таксист был доволен заказом на дальнюю поездку, но расстроился из-за последних нескольких миль по ухабистой гравийной дороге, подходящей только для серьезных полноприводных машин. Через двадцать минут мы одолели половину, а потом водитель стал сконфуженно разворачиваться. Полагаясь на GPS-навигатор, он решил, что осталось проехать пару километров. Но оставалось больше.

Мы сели в такси в том месте, где я сдал арендованную машину, в которой мы провели предыдущие десять часов. А теперь таксист предлагал вернуть нас обратно на то же место, но мы с Майей вышли и отправились

в путь своим ходом. Это Южные Аппалачи, довольно высокая их часть. Воздух был разреженным, сырым и прохладным, но не неприятным. Туман был облаками, которые мы видели, пока ехали вниз, где стояла табличка с сообщением, что начиная с этого места штат не отвечает за состояние дороги...

Мы шли и внимательно смотрели по сторонам. Я видел исцарапанные когтями деревья и знал, что это работа медведей. Еще я высматривал рысей, самогонщиков, варщиков мета, браконьеров, полосатых гремучников и мокасиновых змей и надеялся, что все они уже впали в спячку. Майя слегка понюхала воздух и вдруг застыла, уставившись в молочно-белую чащу, чуя что-то недоступное моему нюху, но никто так и не вышел из леса, чтобы нас убить.

Судя по следам на дороге, так далеко забирались только машины с самыми мощными протекторами. В какой-то момент дорога развернулась в обратную сторону, и в течение двадцати минут мы преодолевали ряд подъемов и спусков. Когда мы поднялись на вершину последнего из них, я посмотрел вниз и за голыми деревьями увидел то место, откуда мы вышли: за все это время и с таким трудом мы преодолели метров сто. Вот здесь я и понял: пара километров, посчитанных GPS, годились для ворона, летающего напрямую, а по извилистой дороге идти было куда дальше.

Что было неплохо. Мне нравится ходить пешком, а Майя терпит это. Некоторые склоны были высоковаты для нас обоих. У меня не было воды, а Майя пила из маленьких ручьев, струившихся на каждом повороте. Где-то в паре километров внизу виднелись несколько домов, но выше них попадались только приколотенные к деревьям знаки «Прохода нет» и «Участок продается». Я знал из досок объявлений и журналов по недвижимости, что в этих местах большим спросом пользуются высокогорные поместья с хорошими видами, искусственными водоемами и неровными полями для

гольфа, но мы поднялись слишком высоко. Там все заасфальтировано и дороги хорошие. Сомнительно, что роскошные лексусы и хромированные хаммеры, на которые я насмотрелся внизу, вообще когда-нибудь забирались в такие места.

Было уже и вправду поздно, до темноты оставался примерно час, а у меня не было телефона, так что если мы ошиблись с дорогой, то у нас неприятности. Я не беспокоился, но осознавал положение. Может, развести костер? Нет. Сколько времени займет спуститься к ближайшему дому? Два-три часа, а может и дольше, если действительно стемнеет. Я был легко одет, и под одежду уже проникал влажный холод. Майя была породы бордер-колли, выведенной в горах Шотландии, так что она меня переживет. Станет ли она есть мою плоть? Надеюсь, да, но только если это будет действительно голод, а не желание слегка перекусить, и еще я надеюсь, что она подождет, пока я умру.

Заморосил такой тонкий дождь, что я его едва заметил в нежном тумане, в котором даже не надо было набрасывать на голову капюшон. Дальше мы просто взбирались сквозь угрюмый лес, но изредка в тумане попадались разрывы, и я могу смело сказать, что если бы не облако, в котором мы стояли, вид сверху был бы замечательный.

Наконец мы добрались до места, где дорога заканчивалась круговым разъездом с двумя дорогами. Одна была заросшей гравийкой без разметки, другая начиналась двумя каменными столбами и открытыми железными воротами. Почтовые ящики остались в нескольких километрах внизу. Мы пошли по пути железных ворот и прибыли на место за несколько минут до наступления темноты. Это было шесть месяцев назад, когда мы с Майей нанесли Лизе пятидневный, как мы тогда думали, визит.

* * *

Другая дорога вела к домику, который тоже принадлежал Лизе. Здесь мы теперь и живем с Майей. Это дыра в лучшем смысле этого слова. В первые же дни, сообщив, что проведу здесь какое-то время, я занялся кое-какими улучшениями и теперь это место идеально подходит для нас с Майей. В сотне метров ниже стоит дом Лизы, и он действительно представляет из себя что-то особенное. Это большой, роскошный дом треугольной формы с террасами и зоной отдыха под навесом, полный мебели, с баром, кухней и камином, а от вида на открывающиеся один за другим отроги Голубого хребта перехватывало дыхание и замирало сердце. Интерьер дома был безумно хорош: девятиметровой высоты окна с исполинскими видами из них и хозяйская спальня наверху с окнами в другую сторону, откуда тоже открывались виды. Лиза сказала, что полюбила эту местность во время нашего путешествия в Вирджинию десять лет назад. Ей не нравилась долгая дорога наверх, но виды и уединенность того стоили.

* * *

Дни начинаются неспешно, с разжигания огня, кофе и легкого завтрака, а потом мы с Майей отправляемся гулять. Тропинок в окрестностях немного, так что сначала мы пользовались звериными тропами и ручьями и прорубали себе дорогу, но в конце концов нашли путь на другую сторону горы, где к ней примыкает лесной заповедник со множеством тропинок и пожарных просек.

Обычно мы возвращаемся через несколько часов, оба слегка утомленные. Я готовлю нам еду, и мы еще часок валяемся. Потом, если у нас нет никаких дел — а обычно их нет, — во второй половине дня я

немного пишу. Первые три или четыре месяца, проведенные здесь, по несколько часов в день я работал лесорубом. Между нашим домиком и основным домом расположено одиннадцать крытых и открытых мест для разведения огня, так что попав сюда впервые, мы отправились в город, где купили кучу устрашающего вида приспособлений для распилки деревьев: двадцатидюймовую цепную пилу и десяток принадлежностей к ней. У Лизы есть старый трактор с древокольной подвеской, доставшийся вместе с домом, так что мне удалось организовать целую операцию по заготовке дров.

Вот чем мы занимались после обеда в те мягкие зимние месяцы. Майя на самом деле не слишком хорошая помощница. Ее не интересовала вся эта суэта, и она предпочитала наблюдать за ней с расстояния. Мне не приходилось валить много деревьев, потому что лес был завален уже упавшими, разной толщины. Все, что нужно было сделать, — распилить, расколоть и складировать. За два первых месяца я обеспечил дровами каждый из очагов, не выходя за границу сорока лизиных акров территории. Оставшись без работы, я загрустил и научился складывать круглые поленицы высотой два с лишним метра, так что на пяточке три на три метра могла поместиться вся древесина, обработанная за неделю, и теперь по участку было разбросано несколько таких полениц.

— Здесь больше дров, чем я сожгла бы за десять лет, — сказала Лиза, когда увидела, чем я занят.

— Знаю, — ответил я, — но я привязан к действию.

— Будешь и дальше заготавливать дрова?

— Я привязан к действию, — сказал я.

— Тогда, полагаю, нам понадобится кострище побольше, — сказала она.

Над этим пришлось поработать. Я очистил и выровнял площадку в лесу между домами. С помощью каменщиков, выполнивших самую тяжелую работу,

я построил трехметровый круг из валунов, вокруг которого выложил из каменных плит патио, где расставил кресла-лежаки и пластиковые столы из переработанных молочных упаковок. Это был большой проект и на него ушло шесть недель и несколько тысяч лизиных долларов. Иногда мы с Лизой зависали здесь и пили вино у большого костра, а иногда только я и Майя.

Еще до того, как мы поселились в домике, я перечитывал кое-какие романы Джона Ле Карре про времена холодной войны, что приводило к чтению каких-то вещей сталинской эпохи, а потом гулаговских вещей Солженицына и Шаламова. Когда становилось невозможно, я принимался за юмористов, которых давненько не читал — Перельмана, Вудхауза, Вуди Аллена, Ринга Ларднера и других. Когда становилось чересчур легко, я переключался на чтение пьес, не помню почему. Это было примерно в то время, когда я попал сюда и, вероятно, я играл с идеей жизни как театра абсурда, что сподвигло меня на чтение «Театра абсурда» Мартина Эсслина, что подтолкнуло к чтению или перечитыванию Бекетта, Ионеску, Жене, Стоппарда, а потом Альби, Сартра и Пинтера. Я пришел к заключению, что все пьесы делятся на две категории: «В ожидании Годо» и все остальные.

* * *

Моим первым проектом в домике была пьеса под название «Федалла». Персонаж Федаллы в книге «Моби Дик» представляет Мистического Другого: древний, огнерожденный аспект самого Ахава, который, в свою очередь, является персонификацией темной стороны души Мелвилла, а она, в свою очередь, — отражение нашей собственной души. Вкратце, Федалла — это персонификация фигуры проводника, олицетворяющего собственную борьбу читателя с его собственным белым китом или что-то вроде этого.

Пьеса с одним героем, одной сценой и в трех частях описывала бы одну долгую ночь с Германом Мелвиллом в кабинете его загородного дома, известного как «Наконечник стрелы», где он не щадя сил создает свой шедевр и одновременно разрушает самого себя. Ночью в моем домике было довольно легко представить себе Мелвилла в его кабинете. Я пользовался только свечами и огнем очага, пока писал сотни страниц заметок и покрывал секции стены проиндексированными карточками и черновыми набросками.

Идея побуждала к очень динамичной сценографии. Свет, звук и зловещие тени на стене преобразили бы тихий кабинет Мелвилла в палубу «Пекода», безумную погоню и кровавый вихрь убийства, и даже более того — в бурлящий, вспенивающийся разум Мелвилла/Ахава. Бушующей снаружи грозе подражали бы похожие штормы внутри комнаты и внутри человека. Мелвилл смешался бы от холодной вдумчивости автора к жгучей мании истерзанной души, корчащейся в агонии затянувшегося самозаклания, и все это в одной темной комнате в одну темную штормовую ночь. Что-то типа того.

Когда наконец наступает рассвет, мы обнаруживаем полумертвого Мелвилла за его столом в окружении горы исписанных страниц, когда он дописывает последние слова об уплывающем ките, который оставил позади сироту, а океан перекачивает волны, как и пять тысяч лет назад. Занавес.

Дальше черновых набросков дело не пошло, но, возможно, когда-нибудь пойдет. Я бы написал пьесу для чтения, а не постановки, но, вероятно, потерял к ней интерес, когда понял, что эволюция образа от этапа «*Федалла превращается в Ахава!*» естественно вела к этапу «*Ахав! Мюзикл*».

* * *

Итак, я потерял интерес к пьесе и все сжег. Вместо нее я написал десятиминутную пьеску со слегка переиначенным диалогом между Ахавом и его первым помощником, где подчеркивалась суть борьбы Ахава. Потом накалякал еще несколько коротких пьес собственного развлечения ради, а когда собрал их все вместе, то обнаружилось, что в них есть неплохое развитие, так что я упаковал их в пьесу из семи частей и опубликовал под названием «Пьеса».

Потом по какой-то забытой причине я заинтересовался будущим искусственного интеллекта. Начал с Курцвейла и продвигался до тех пор, пока не пришел к ошеломительному осознанию, что ИИ в конце концов покончит с человечеством. До чего же круто! Я имею в виду, конечно, печально, но еще и довольно забавно. Мы гонимся за созданием синтетического разума, который без всякого злого умысла либо убьет нас, либо превратит в скот. И это не просто странная маленькая теория, это неизбежно, и многие интеллектуалы обеспокоены таким исходом. Итак, я написал на эту тему короткую пьесу, которую издатель распространяет бесплатно. Изначальное название «Неожиданное преимущество французского поцелуя с твоим тостером» пришлось поменять на «Хорошенькая игра в шахматы, или Как я научился не волноваться и полюбил технологическую сингулярность».

* * *

А потом я сел писать книгу о царстве сновидения. Это не было с самого начала проектом книги: просто наброски мыслей, приходивших на ум во время прогулок. Я начал записывать их, чтобы лучше понять, но предмет размышлений оказался трудным и увлекательным.

Хотя это странно, ведь единственное, что можно сказать об этом состоянии наверняка, — что об этом ничего нельзя сказать наверняка, и даже это нельзя сказать наверняка. Но несмотря на то, что об этом кое-что или ничего можно или нельзя сказать, здесь все еще есть, что сказать.

* * *

Деревянному домику, в котором мы живем, за семьдесят, но в середине 90-х здесь сменили двери и окна, установили бытовые приборы и положили зеленую металлическую крышу. Здесь есть вода из скважины, приличная кухонька и достойная ванная комнатка с душем и стиральной машиной с сушкой. За исключением ванной и туалета, все — одна большая комната. Южные окна, закрытые ставнями, большие и, в зависимости от сезона, погоды и наличия листвы пропускают разное количество солнечного света. Внутри дом кажется очень просторным. Большой каменный дымоход отделяет кухоньку от большей жилой и спальной части. На кухонной стороне дымохода расположена дровяная печь с прямым отводом дыма, а со стороны жилого пространства — большой очаг, который не так хорошо поддерживает тепло, как печь, однако сидеть перед ним куда приятнее.

Мебель в домике была вполне приемлема, но как временный вариант, и когда я понял, что задержусь здесь, то приобрел новую кровать, мягкое кресло, диван, постельное белье и кое-что еще. Диван, кофейный столик, кресло-качалка и мягкое кресло стоят перед очагом. В большой комнате есть еще обеденный столик, где я иногда пишу и ем. Заодно приобрел гелевый светильник: приятный свет ночника делает домик, скорее, уютным, чем зловещим, а издали в его сиянии мерещится что-то инопланетное.

* * *

Лиза всю неделю разъезжает по делам, но по выходным она обычно дома. Тогда-то мы и собираемся вместе, чтобы поесть или посидеть у огня, попивая вино и разговаривая. Из-за ее перерождения, которое началось десять лет назад в ходе нашего общения, мы понимаем друг друга лучше, чем кто-либо другой понял бы любого из нас.

Сдается мне, я пью вино каждую ночь. Последним человеком, в компании которого мне доводилось пить алкоголь, был лизин отец, Фрэнк, когда он пытался просветить меня в Мексике насчет односолодовых виски и сигар. Теперь это недорогое красное вино, душевный напиток, разливаемый в большие бутылки. Я ограничиваюсь двумя бокалами. Если выпить три, то они дадут о себе знать на следующий день. Я пью вино по ночам, сидя у огня, пока Майя лежит у моих ног, и читаю.

Таким был мой опыт жизни в горах с осени до весны, пока однажды не раздался внезапный стук в дверь.

ГДЕ МЫ И КАК СЮДА ПОПАЛИ

*Ты ученик лишь потому, что твои глаза закрыты.
В тот день, когда они откроются, ты увидишь,
что нет ничего, чему ты мог бы научиться у меня
или кого-то еще. Зачем же тогда нужен Наставник?
Чтобы заставить тебя увидеть его бесполезность.*

Энтони де Мелло

Прежде, чем я отвечу на стук в дверь, давайте убедимся, что наши часы показывают одинаковое время. В основе этой книги лежит по общему мнению смешное, но необратимо истинное утверждение, что вселенной не существует. Знание об Антарктиде может быть концептуальным, если оно получено в результате просмотра документального фильма о ней, или опытным, если ты сам отправишься в Антарктику. Есть еще связанный с этим феномен, когда ты засыпаешь за просмотром документального фильма, а просыпаешься посреди замерзшей пустыни. Звучит странно, но истина заключается в том, что ты спишь посреди бесплодной пустыни, видя во сне, что ты в другом месте, и здесь-то тебя застает пробуждение.

Чтобы оставшаяся часть книги была осмысленнее, можно поближе рассмотреть концепцию состояния сна. Представь себе мертвую планету: безжизненную, невыразительную, пустую. Это твой родной мир, который тебе не покинуть. Это весьма негостеприимное

место, но что еще хуже, здесь скучно. Жизнь на мертвом камне, дрейфующем в бесконечном ничто, сорвет башню кому угодно за полминуты, но у тебя возникает разумное решение: Ты засыпаешь, видишь во сне лучший мир и поселяешься в нем. Возможно, твой сон приятен, возможно, наполнен кошмарами, возможно, немного и того и другого, но это лучше, чем оставаться пробужденным на мертвом камне посреди ничто.

Видишь? Концептуально все очень просто. Истинный мир довольно унылое местечко, а мир Сна фантастически богат и прекрасен, и все, что нужно, чтобы оставаться в этой стране чудес, — не щипать себя для проверки. Что может быть проще? Все, что нужно делать, — это спать дальше, а все, что нужно делать, чтобы спать дальше, — это не просыпаться.

То, что угрожает нашему покою, — мышление. Мышление — это то, что мы можем делать, и то, что, по нашему мнению, мы делаем, но в действительности не делаем. Допустим, мы могли бы думать о пустяках вроде кроссвордов, ядерной реакции или что там на обед, но на самом деле лучше не думать слишком серьезно ни о чем, например, о том факте, что в этот самый момент ты не пробужден и всяком таком.

Но вот ты делаешь единственную вещь, которую вроде бы не стоит делать. Как Адам и Ева с яблоком: в твоём распоряжении этот восхитительный райский сад, и все, что от тебя требуется взамен, — не есть яблока, но это как раз то, чем ты занят прямо сейчас. Помни предупреждение Ницше: если ты вгрызаешься в яблоко, яблоко тоже вгрызается в тебя.

* * *

Вот как просто обстоят дела. Поистине существуют только две вещи, одна из которых не существует. Две вещи — это осознание и видимость. Осознание — это сознание, видимость — это содержимое сознания,

а все в твоей Я-вселенной — это одно или другое. Сознание истинно, содержимое сознания нет. Проще уже и не скажешь.

* * *

Есть три состояния, в которых может пребывать самоосознающее существо: недоосознанное и осознанное *во сне* и пробужденное *ото сна*.

Первое состояние, недоосознанное, означает закрытые глаза или сон *во сне*. В нем пребывает почти каждый. Оно охватывает ряд промежуточных состояний от недоосознанного до почти осознанного и приравнивается к предпубертатности. Это то, что подразумевается рождением *во плоти*. Еще это можно назвать Человеческой Незрелостью или Отделенным Состоянием.

Второе состояние, осознанное, означает открытые глаза или пробужденность в царстве сна. Оно приравнивается к постпубертатности, и лишь немногие заходят так далеко. Именно это состояние подразумевается под словами «перерождение духа» или «самоперерождение». Еще это можно назвать Человеческой Зрелостью или Интегрированным Состоянием.

Третье состояние — это пробужденность *ото сна*, что представляет собой отдельную и не связанную со сном парадигму. Пробуждение *ото сна* означает пробуждение на мертвом куске камня посреди ничто, что почти так же весело, как это звучит. Это единственное состояние, которое заслуживает быть названным духовным просветлением, все остальные состояния воображаемы.

* * *

Я пробужден *ото сна*. Мои глаза открыты, и это означает, что я обитаю в иной парадигме реальности,

нежели вы: моя отличается тем, что она не ложна, зато ваша куда ценнее с точки зрения возможности поразвлечься. Я обитаю и *во сне*. Раньше я обитал в нем так же полностью и без усилий, как всякий другой, а теперь это трудно.

Я пишу книги, описывая то, что вижу, и делюсь тем, что знаю. Я не гуру, не наставник, не глава духовной империи. Я парень, живущий со своей собакой в лесном домике среди гор, обдумывающий свои собственные дела и сочиняющий книги, наполненные чарующими сложносочиненными предложениями, потому что именно этим занят пробужденный-*во сне* персонаж. Я не принимаю слишком близко к сердцу свой персонаж и избегаю тех, кто так делает.

Я исхожу из предположения, что каждый читающий эту книгу хочет достичь Интегрированного Состояния, потому что считаю его естественным и подходящим для всех людей, миновавших пубертатный возраст. Однако наша неудача в естественном развитии на самом деле является заслугой того механизма, который продолжает делать состояние сна увлекательным.

Пусть у Интегрированного Состояния есть множество замечательных качеств, но ему недостает драмы и конфликта, и именно поэтому оно никогда не войдет в моду. Скука — враг осознанности.

* * *

Для пробуждения *во сне* или *ото сна* не требуются учителя и традиции, хотя мрачные тучи на горизонте и приливные силы подталкивают нас в сторону таких безопасных гаваней. Причина популярности систем верований в том, что мы сами хотим, чтобы нас тайно соблазнили и спасли от самих себя. Эти почитаемые учения и идеологии не нападают на нас на улице и не промывают мозги: мы сами идем к ним, словно в транс. Мы лишаемся чувств в их объятиях, жажда

прильнуть к какому-нибудь теплему, пушистому гур-милашке, который позволит нам спать дальше. Буддизм производит буддистов, а не Будд. Как и все измы. Если ты хочешь быть частью чего-то большого, безопасного и респектабельного, тогда к твоим услугам неугомный духовный базар, предлагающий широкий ассортимент товаров для твоего спасения. Если ты хочешь пробудиться, то ты сам по себе.

* * *

Состояние сна, которое мы называем реальностью, ограничено. У него есть пределы, и их можно пересечь намеренно, но можно и случайно. Вот ты прямо сейчас рыскаешь вокруг, и вдруг обнаруживаешь, что пересек черту, даже не зная, что она *была*, и пути назад уже нет.

Это выглядит так, будто ты спишь на вершине скалы. Пока ты спишь, ты в безопасности, но стоит тебе задержаться и начать ходить во сне, как все начинает меняться таким образом, к какому состоянию сна тебя не готовило. Ты переступаешь край, и все: нет кнопки «Назад», нет второй попытки, нет пути обратно. Только что ты шел во сне в одной парадигме, и вот уже низвергаешься в другую. Это действительно может случиться. Хождение во сне — вот как это может произойти, и именно этим ты занят прямо сейчас. Просто размышляя о своей ситуации, задаваясь вопросами, вгрызаясь в яблоко, ты рискуешь спонтанно вывалиться из недоосознанного состояния сна в запустение. Может, этого не случится, а может и случится.

* * *

Это не территория верований. Я ни в чем не пытаюсь убедить тебя, и никто не просит тебя поверить во что-то. Считать реальность сном было бы просто еще одним

верованием, а истинных верований нет. Верование — это функция состояния с закрытыми глазами, но мы говорим о видении открытыми глазами.

Духовность связана с уютной апатией в состоянии сна. Пробуждение во сне можно считать сверхдуховным, а пробуждение ото сна — антидуховным. Ни один из этих процессов не требует идеологии или учения, мнения или верования. Ты видишь это или нет, потому что твои глаза открыты или закрыты. Уловка здесь в том, что это звучит, будто мы говорим о тебе, но такой вещи, как ты, нет. Путь к пробуждению — это путь к не-я: это значит, что само я — лишь сновидение. И тогда возникает вопрос, для кого это все? Чей это сон, и кто хочет пробудиться?

* * *

Хорошо, а теперь посмотрим, кто там стучится в дверь.

ДВЕРИ ВОСПРИЯТИЯ

Все это творение по сути своей субъективно, а сон — это театр, где видящий сон является одновременно сценой, актером, суфлером, оформителем, автором, публикой и критиком.

Карл Густав Юнг

«Черт-те что и сбоку бантик!» Я заимствую это выражение еще до того, как входит его автор. Вопреки моему предположению, это не Лиза, а ее дочь Мэгги, которая была очаровательным одаренным ребенком, когда я видел ее последний раз в Мексике, а теперь превратилась в юную леди. У нее почти такие же светлые волосы, как у Лизы, и она так же завязывает их в хвостик. На ней теннисные туфли, спандексовое трико и футболка, на которой написано, что пятьдесят — это новые тридцать, и я сомневаюсь, что это ее майка, потому что ей нет и двадцати. Выглядит, будто только что из душа. Вероятно, вернулась из школы с тюками грязных вещей, приняла душ и нацепила чистую мамину одежду.

Не то чтобы ее визит был неожиданным. Я знал, что мы скоро увидимся, а в доме полно фотографий, так что ее легко было узнать. Она была дома на Рождество, но я уезжал в Гондурас, и мы разминулись. Я встал, готовый обнять ее и выполнить все положенные при встрече формальности, но она промчалась

мимо и навалилась на Майю, которая казалась не менее счастливой от этого воссоединения, а я вспомнил об их прежней нежной дружбе.

Когда они утихомирились, мы сели. Я предложил ей домашнего вина в стакане для сока, и она согласилась. Она в чрезвычайно энергичном настроении, которое радикально отличается от привычного мне состояния и в этом умиротворяющем домике выглядит извращенно неуместным.

— Я сюда всего один раз заглядывала, — сказала она, — и теперь тут намного уютнее. Вы сделали ремонт, я так думаю. Свет не включаете?

— Мне нравятся камин и свечи.

— Вы как Иеремия Джонсон или кто-то вроде него. Надеюсь, в тот дом часто заглядываете. Приводите Майю. Может, здесь чем-нибудь займемся, спустимся в город пообедать и чего еще.

— Я уже бывал в городе¹, — говорю я, но она не замечает аллюзию. — Твоя мама говорит, ты собираешься в колледж искусств, чтобы стать кинематографистом. Как с этим дела?

Отвечая, она гладит Майю, и мы пьем вино. На самом деле она каким-то образом посещает две школы искусств, но я не улавливаю деталей, однако самое главное, что она использует эти школы скорее ради собственных планов, чем торит путь к званиям, которые произвели бы должное впечатление на будущих работодателей. Вместо того, чтобы тратить время и деньги на выполнение бессмысленных требований, она подходит к выбору курсов, инструкторов и ресурсов избирательно, у нее собственные цели. Для меня это звучит намного разумнее, чем погоня за дипломом в долговую яму. Пришел, взял, что нужно, и ушел.

— Помнишь, как мы проводили время в Мексике? — спрашиваю я.

¹ Слова Иеремии Джонсона из одноименного фильма. — Прим. перев.

— Ага, кое-что. Помню Майю и дом, где мы жили, бассейн и фонтан с дельфином. Помню дедушку, это был последний раз, когда я его видела. Помню ваши книги и как мы работали вместе с мамой и готовили вопросы для вас.

— Кое-что из этого попало в книгу. Я очень признателен тебе за помощь.

— Ага, я читала. Отлично получилось. Сейчас тоже пишете?

— Нет, не совсем, только для себя. Не так уж много осталось сказать. Так чем ты занимаешься в этих своих школах?

— Вот, — сказала она застенчиво, — это как-раз то, о чем я хотела с вами поговорить.

Она поделилась своими планами поучаствовать в литературном проекте, а я кивнул и задумался. Ее идея была небезынтересной. В конце концов, она ушла домой, а я погрузился в глубокие раздумья.

* * *

Во сне нет знания за пределами Я-Есть, только антитеза — знание того, чего нет. За пределами этого я могу толковать абстракции так, как мне будет угодно, и раскладывать обрывки толкований таким образом, чтобы на результат было не слишком противно смотреть. При изучении реальности грандиозное прозрение невозможно. Никто никогда не видит состояние сна отчетливо, потому что здесь ничего нет. Я могу объяснить сон и знаю, что прав, насколько это вообще возможно, но никак нельзя подняться выше бесконечно снижающейся петли толкований мета-сна. Единственное твердое основание, которое можно найти, — это истина, а единственное место, где ты находишь истину во сне — нигде.

Мне и правда больше ничего не остается, как играть с Майей — богиней иллюзии, а не собакой, — что,

как она немедленно мне напомнила, и было единственным содержанием моих занятий. Все мои гениальные игры с идеями продолжают развлекать меня, но я по-прежнему сижу посреди нигде, а Майя — выбери сам, какая из них, — мой единственный друг. Я не уникален в этом отношении: то же актуально для любого человека, и разница лишь в том, знает он об этом или нет.

Здесь некуда идти, потому что негде быть. Эволюция — это просто название, которое мы даем иллюзии движения, а мудрость — просто мираж. Несмотря на все разговоры о пути, продвижении и росте, никто не сдвинулся и на миллиметр. Ты возникаешь в парке аттракционов, играешь в игры, катаешься на лошадках, а когда все закончено, уходишь тем же путем, каким пришел. Никогда не было ни одного шанса на что-то повлиять, потому что ты был такой же иллюзией, как и все остальное.

Когда бы мы ни оказались в этом дворце зеркал, все отражается настолько криво и искаженно, что неважно, насколько тщательно мы сосредоточиваемся и насколько хорошо мыслим — нам никогда не наполнить это смыслом. Мы допускаем, что зеркала отражают что-то реальное и если бы только мы могли успокоиться, взять все в свои руки, эти образы перестали бы расплываться и попали бы в фокус. Но мы никогда не можем увидеть вещи такими, какие они есть, потому что ничто не является тем, чем на самом деле является, и никакие самые упорные размышления или успокоение ума не могут сделать что-то из ничего.

Если бы двери восприятия были чисты, все представало бы человеку таким, как оно есть — бесконечным. Ибо человек запер себя сам и видит все вещи через узкие расщелины своей пещеры. (Уильям Блейк)

Возможно, блейковские двери восприятия следует

понимать как искажающие слои эго. Единственный способ видеть ясно — не очищать их, а устранить. Потом, когда их больше нет, ты узришь бесконечное, но как же так? Отлично, это бесконечное. И все дела! Итак, ты возвращаешься назад к веселой, хотя и нереальной реальности, которую покинул, чтобы иметь возможность узреть бесконечно неинтересное бесконечное, и — сюрприз — ты не можешь вернуться домой. Ты продал сон о чем-то за истину ничего, а теперь хочешь вернуть свое. Но ты не можешь им обладать.

Не то чтобы ты снова хотел попасть под чары заклятия, ты просто не хочешь скучать. Может, тебе лучше вернуться в Матрицу и стереть память об истине, но без серьезной травмы головы это уже невозможно. Ты сделал шаг из театра, парка аттракционов, сна, видеоигры и обнаружил, что снаружи скучно и что скука — это единственный настоящий враг, так что теперь ты крадешься назад и пытаешься заново внедриться в пространство сна, которое некогда называл реальностью. Это нелегко, но если даже ты сумеешь слегка одурачить себя, дважды подумай, стоит ли возвращаться, ведь тебе будет лишь чуть менее скучно. Ты сможешь в некоторой незначительной степени принимать участие, в некоторой незначительной степени иметь цель, в некоторой незначительной степени наслаждаться драмой. Однако тебе придется прилагать усилия или, по крайней мере творить иллюзию усилий, потому что стоит тебе замедлиться или позволить глазам сфокусироваться на какой-то точке хоть сколь-нибудь надолго, как эта вещь начнет растворяться. Никогда не фокусируйся — вот ключ. Пусть зрение блуждает и пусть сонное состояние сгущается обратно.

Как ни иронично, тебе придется учиться подпитывать и обхаживать иллюзию, из которой ты стремишься вырваться. Она чрезвычайно слабая, как сон, когда ты не устал. Ты ложишься, закрываешь глаза и пытаешься позволить сну охватить себя, но не можешь

снова уснуть. Любая мысль, любой звук, любое беспокойство — и вот тебя снова охватывает тревога, а утонченный мир сновидения исчезает, как будто его никогда и не было.

* * *

Давай потратим пару минут, чтобы доказать раз и навсегда, что никакого Бога нет. (Шутка, это займет еще меньше времени).

Я Есть — единственное, что известно разумному существу. Нет никого свыше, кто знал бы что-то, чего не знаешь ты, потому что ни одно сознательное существо не может знать больше, чем Я Есть. Ни у кого не может быть другого знания, потому что нет другого знания, которое можно обрести. Это не *твое* ограничение, не *человеческое* ограничение, это ограничение *сознания*. Никто не может знать что-то еще, кроме Я Есть, так откуда тут взяться Богу? Может ли существовать высшее существо, которое знает не больше твоего или моего? Высшее существо, которое целиком полагается на верования? Другими словами, бредит? Разумеется, нет. Стоит нам отбросить возможность знания, как мы отбрасываем возможность существования Бога. Вот так просто. Нет Бога, нет высших существ, нет всезнающих или посвященных любого рода. Но не трать напрасну слезинку на Бога или Аллаха или кого угодно еще, кто, как ты думал, существовал там, наверху. Истина намного лучше, чем сказочные истории.

Все, что за пределами Я Есть, — верования. Здесь нечего знать, потому что есть только сознание, и оно есть ты. Невежество не имеет отношения к тому, чего мы не знаем, оно о том, что все известное нам не является истинным. В царстве сна любое знание фальшиво, а истинное знание — это *sentio, ergo sum* [чувствую, следовательно, существую]. Я осознаю, следовательно, Я есть. Я-Есть/Сознание.

Итак, единственной алмазной пулей мы убили Бога, богов, науку, философию, религию и любых других претендентов на знание, и нам не потребовалось прибегать к вере, мы *доказали* это. Неплохо для пары абзацев. Я-Есть/Сознание — это оружие, которое разрушает вселенную.

Пасунатастра!

* * *

Ну что же, установив, что никто не может знать ничего, кроме Я-Есть/Сознание, что другое знание невозможно и что все иное лишь верования, а истинных верований не бывает, можно вернуться к предыдущему утверждению, что все творение можно свести к двум вещам, одна из которых не существует. Осознание есть истина, а видимость есть верование. Вместо слов «осознание» и «видимость» можно сказать «сновидец» и «сон», «видящий» и «видимый» или «инь» и «ян». О видимости можно многое сказать, но единственное, что можно сказать с уверенностью, — то, что она неистинна, так же как можно с уверенностью сказать, что неистинного не существует. Сознание истинно, и истина существует. Содержимое сознания неистинно, и неистинного не существует.

Хотя она неистинна, да и вообще не существует, видимость абсолютно необходима. Без видимости невозможна осознанность, но осознанность есть, так что должна быть и видимость. Если нечего осознать, то осознание не осознается. Инь и ян.

Отсюда возникает множество вопросов вроде «что было первым — курица или яйцо», и все они уничтожаются тем фактом, что сознание не существует во времени. В нем нет причинности, сначала-это-потом-то, есть только *Есть*. Это не слишком удовлетворительно, но это неопровержимо. Мы суть сновидец, а то, что мы называем реальностью, есть сон. Это все,

что ты можешь понять, когда начинаешь копать глубже, потому что неважно, где ты копаешь в этом сне, в нем любое копание продолжается вечно. Я не понимаю состояния сна, но я понимаю, что его нельзя понять. Ты можешь пробудиться *во* сне, а можешь пробудиться *ото* сна, но ты никогда не проснешься *в* сон. Там некуда просыпаться.

Чтобы объяснить природу реальности, сначала надо бы установить, что реальность действительно существует, чего в действительности ты не можешь сделать. Да, реальность очевидно реальна, но факты таковы, что никто ни разу не смог доказать, что реальность существует, и никто никогда не сможет сделать это, потому что никто ничего не может доказать. Нет такой вещи, как объективное знание, а единственное субъективное знание — это Я-Есть/Сознание.

Любое предполагаемое знание в действительности представляет собой веру, маскирующуюся под знание, а название для верования, маскирующегося под знание, — иллюзия. Если все, что, как ты думаешь, ты знаешь, есть просто верование и если верование по сути своей ложно, то твою реальность никоим образом нельзя отличить от сна. Во сне нет истины, потому что в истине нет сна.

БЕДНАЯ КАПЛЯ ВОДЫ

Разговор между персонажем книги «Острые бритвы» Ларри Даррелом и Сомерсетом Моэмом, ее автором. Ларри начинает...

По учению веданты, сущность человека, которую они называют «Атман», а мы называем душой, отлична от тела и его чувств, отлична от рассудка и разума; она не есть часть Абсолюта, поскольку Абсолют, будучи бесконечным, не имеет частей; она и есть Абсолют. Она не сотворена, она существовала всегда, и когда она наконец сбросит семь покрывал невежества, то возвратится в бесконечность, из которой пришла. Она — как капля воды, что поднялась из моря и дождем упала в лужицу, а потом стекла в ручеек, пробралась в узкую речку, потом в мощный поток, бегущий по горным ущельям и широким равнинам, отклоняясь то вправо, то влево, встречая на пути и каменные завалы, и упавшие деревья, и наконец вливающийся в бескрайнее море, из которого поднялась.

— Но к тому времени, когда эта бедная капля опять сольется с морем, она наверняка потеряет свою индивидуальность.

Ларри усмехнулся.

— Вам ведь хочется пососать кусок сахара, а не превратиться в сахар.

Что такое индивидуальность, как не проявление нашего эгоизма? Пока душа не избавится от него, она не может слиться с Абсолютом.

— Вы очень бойко толкуете об Абсолюте, Ларри, и слово это звучит внушительно. Но что оно, по-вашему, означает?

— Реальность. Что она такое — этого нельзя сказать. Можно только сказать, чем она не является. Она необъяснима. Индусы называют ее «Брахманом». Она нигде и везде. Она все подразумевает, и все от нее зависит. Это не человек, не вещь, не первопричина. У нее нет никаких свойств. Она за пределами неизменности и перемены, целое и часть, конечное и бесконечное. Она вечна, потому что ее законченность и совершенство не имеют отношения к времени. Она — истина и свобода.

«Ну и ну!» — сказал я про себя...

Сомерсет Моэм

АЛИСА В СТРАНЕ СНОВИДЕНИЙ

*Я не странная, не необычная и не сумасшедшая,
просто моя реальность отличается от вашей.*

Льюис Кэрролл

— А в вашем лесу много тигров и львов? — робко спросила Алиса.

— Это всего-навсего Красный Король, — сказал Траляля. — Расхрапелся немножко!

— Пойдем, посмотрим на него! — закричали братья, взяли Алису за руки и подвели к спящему неподалеку Королю.

— Милый, правда? — спросил Труляля.

— Красному королю снится сон! — сказал Траляля. — И как по-твоему, кто ему снится?

— Не знаю, — ответила Алиса. — Этого никто сказать не может.

— Ему снишься ты! — закричал Труляля и радостно хлопнул в ладоши. — Если б он не видел тебя во сне, где бы, интересно, ты была?

— Там, где я и есть, конечно, — сказала Алиса.

— А вот и ошибаешься! — возразил с презрением Траляля. — Тебя бы тогда вообще нигде не было! Ты просто снишься ему во сне.

— Но Красный король не видит во сне *меня*, — возражала Алиса со все большим смятением. — Я вижу во сне

его. Мне все это снится. Я задремала на берегу реки, пока моя сестра читала ужасно скучную книгу без картинок или разговоров...

— А вот и ошибаешься, а вот и ошибаешься, — прервал ее Труляля.

— Возможно, только в *тот* раз, — поправил его Траляля.

— Наоборот, это может быть только *этот* раз, — ответил Труляля.

— В этот раз ты пешка во сне Красного Короля, — заявил Траляля.

— И если ты разбудишь его, ты погаснешь — *бац!* — как свечка! — сказал Труляля.

— Нет, нет, нет, — закричала Алиса с заплаканными глазами, — если я сама разбужусь, вы все исчезнете!

— Но в этот раз ты не спишь, — сказал Траляля.

— В этот раз ты прошла через зеркало, — заметил Труляля. — Вопрос в том, *спустилась* ли ты в собственный сон?

— Или *поднялась*, — сказал Траляля, — в сон о тебе?

— Я бы сказал, что это загадка, — задумался Труляля.

— Если я всего лишь что-то в его сне, — запротестовала Алиса, — то кто вы, хотела бы я знать?

— То же самое, — сказал Траляля.

— То же самое, то же самое, — прокричал Труляля.

Они кричали так громко, что Алисе ничего не оставалось делать, как шикнуть на них:

— Тихо! Боюсь, вы разбудите его, если будете так шуметь.

— Ну и ну! Какой *тебе* смысл говорить о его пробуждении, — сказал Траляля, — если ты всего лишь часть его сна. Ты же хорошо знаешь, что ты не настоящая.

— Я настоящая! — сказала Алиса и заплакала.

— Плач не делает тебя чуточку более настоящей, — заметил Труляля. — Тут не о чем плакать.

— Если я не настоящая, — сказала Алиса, смеясь сквозь слезы — настолько это казалось забавным, я бы

не смогла плакать.

— Надеюсь, ты не считаешь эти слезы настоящими? — прервал ее Траляля с невероятным презрением.

«Я знаю, что они говорят чепуху, — подумала Алиса про себя, — и глупо плакать из-за этого».

— Итак, — сказал Труляля таким голосом, который Алиса сочла чересчур громким, — не пнуть ли нам спящего короля?

— Да, давай! — закричал Траляля. — Посмотрим, кто тут исчезнет!

— Нет, пожалуйста, нет! — сказала Алиса, вдруг потерявшая уверенность в том, кто тут спит, а кто снится, и совершенно не желавшая испытывать судьбу. Кто, в конце концов, захочет потухнуть — бац! — как свечка?

— Если бы я была всего лишь частью сна Красного Короля, — медленно и рассудительно сказала Алиса, — я бы ни не думала, что я *есть*, ни думала, что меня *нет*. Однако я думаю, что я *есть*, поэтому меня совершенно определено *нет*!

Она не была абсолютно уверена в своей логике, но надеялась обмануть братьев, что и произошло, хотя их замешательство было недолгим.

— Ни за что, никоим образом, — сказал Труляля.

— В запутанной логике нет смысла, — закричал Траляля.

— Вопрос, — объяснил Труляля, — в том, кто кого видит во сне?

— Тебе снится Красный Король? — спросил его брат.

— Или Красному Королю снишься ты?

— Мы все не можем видеть во сне друг друга! — сказал Траляля.

— Нет, — поддержал его брат, — такого никогда не будет.

— Как вам только не лень в рифму говорить весь день? — спросила почти хныкающая Алиса. — Это не потому что я глупая, просто смысл никак не нащупаю.

— Вот с чем ты ошибаешься, — заголосили братья, — и вот с чем мы ну никак не можем согласиться! Может, все это только кажется существующим, но во всем, что ты видишь, есть порядок, и какой бы безумной ни была игра, правила есть правила и они должны соблюдаться!

— Пешка не может ходить, как Конь, а Красная Сторона не может играть Белыми. У каждой фигуры свои ограничения, а у доски есть края, это мы и имеем в виду, когда говорим, что все только кажется, но без границ и краев в жизни не было бы порядка!

— Король, хоть он и могущественный, сам по себе слаб. Любая Пешка может стать Королевой, но Королеве не стать Пешкой. Ни одна фигура не обладает свободной волей. Правила для всех, даже Короли должны им подчиняться!

— А что получилось бы без правил? Без закона и порядка, не было бы ни тебя, ни меня! Думаешь, во сне может происходить что угодно, но даже во сне должны быть правила, и правила заправляют представлением.

— Вот это да, — сказала Алиса. — Охренеть можно.

И в этот самый момент она решила, что больше не будет рабой происходящего, не будет то вырастать, то уменьшаться и болтаться, как флажок на ветру. С этого момента, — решила Алиса, — пусть будет, что будет, но во что бы то ни стало она будет хозяйкой царства сновидений, в котором оказалась!

— Спасибо, — сказала Алиса, — вы показали мне то, что я так долго хотела увидеть: я просто пленница внутри сна и ничто здесь не то, чем кажется.

Она достала меч из близлежащего дерева и проворно обезглавила Траляля, и обнаружив, что это весело, быстренько насадила на клинок Труляля.

ПРОБЛЕМА УМА

*Вещи всецело таковы, какими они видятся,
и за их видимостью ничего больше нет.*

Жан-Поль Сартр

Вот забавный вопрос: существует ли ум? Если да, это осознанность или видимость? Если видимость, то в истине ума не существует и, следовательно, не существует вообще. Если осознанность, то ум должен быть синонимом сознания, а не его свойством, следовательно, бесконечное сознание и совершенный ум — одно и то же. Поэтому либо ум не существует в истине, либо он синонимичен сознанию.

Именно здесь мы натываемся на прочную стену истины и делаем шаг назад, и это значит, что начиная с этого утверждения сказанное нами не истина, а всего лишь лукавые домыслы. Сколько бы усилий ни было приложено, мы неизменно топчемся с той же стороны стены, что и наука и религия с их верованиями. Конечно, мы способны на большее, чем они, но все еще не можем достичь знания.

Впрочем, можем.

* * *

Отвлечемся на минутку для пояснений. Брахман есть сознание: безличностная, лишенная

свойств бесконечность. Майя — творец сна, Атман — аспект Брахмана, который созерцает творение Майи. Они не сущности, они инструменты для понимания. По ту сторону стены, где истина, — Брахман. Майя и Атман на стороне верований. А теперь возвращаемся к основной теме.

* * *

Начнем с определения того, что мы подразумеваем под умом. Сходу, без подготовки, я бы сказал, что это сила для манифестации связанной видимости. Таким образом, ум — это замкнутый сам на себе вечный двигатель сновидения, в котором бесконечное сознание (Брахман) создает видимость (Майя) исключительно для собственного (Атмана) развлечения. Связанная видимость, представленная таким образом, определенно была бы лишена сущности и смысла. Ее созерцание, возможно, приятно, а возможно, неприятно (царство сна).

Видимость — иллюзия [illusion]. Вера в том, что видимость реальна — бред [delusion]. То, что Майя-аспект Брахмана может создавать иллюзию, не означает, что Атман-аспект Брахмана может быть ей обманут, а без этого проблема скуки Брахмана неразрешима. Мы вернемся к этому ниже, а пока я просто скажу, что ты и есть решение этой проблемы.

* * *

Из утверждения, что царство сна существует, с необходимостью следует, что ум существует. Увы, здесь есть загвоздка: поскольку мы не можем утверждать, что царство сна существует, это утверждение нельзя использовать, чтобы утверждать что-то еще. Как не можем мы утверждать и то, что ум является *свойством* сознания, потому что бесконечность определенно не

может иметь свойств.

Но вот в чем логический изъян: *совершенный ум* не был бы *свойством* сознания, он был бы его *синонимом*, и тогда совершенный ум и бесконечное сознание оказались бы двумя способами сказать одно и то же. Я не уверен, что мы можем это сказать, но нам, вероятно, придется.

Вопрос ума, само собой, не так прост. Дедуктивные рассуждения уверенно подводят нас к мысли, что сознание истинно, а вселенная видимости — неистинна, и это неистинное не существует. Однако утверждение, что бесконечное сознание и совершенный ум синонимы — это пример индуктивного рассуждения. Оно неплохо смотрится, соответствует наблюдаемым данным, разумно звучит, у него нет веской альтернативы, однако оно не бесспорно, и этого не изменить.

* * *

Слово «связный» в выражении «связанная видимость» относится к совершенно организованной структуре видимости, которую мы наблюдаем во всех вещах. Если мы не видим этого совершенства, то не потому что видимости нет или она несовершенна, а потому что смотрим на нее через оптику эго. Перефразируем высказывание Уильяма Блейка: если бы мы могли видеть без искажений, обусловленных эго, все предстало бы человеку таким, какое оно есть, — совершенным.

Двери моего восприятия очищены, так что я вижу все, что есть, и ничего из того, чего нет. Вижу ли я ум? Нет. Ну, технически говоря, нет, но на самом деле — да. Но все-таки нет. И да. Я вижу царство сна, но вижу его насквозь. Изнутри сна я вижу это, но я вижу, что сон нереален. Если вещь отмечается как всего лишь видимость, отмечает ли это творческий ум, обуславливающий видимость? Возможно, нет, но и доказать это становится затруднительно. Теперь ты

видишь, насколько все это ненадежно. Может быть, Декарт потому и выбрал *cogito* [мыслю] вместо *sentio* [чувствую]? Он просто хотел избежать этих вызывающих мигрень рассуждений.

* * *

Я наблюдаю ум, но нет такой неоспоримой картезианской максимы, которая бы доказывала ум. Я могу сказать: «Я осознаю, следовательно, осознанность существует», но не могу сказать: «Я разумен, следовательно, ум существует». Мне в равной степени не известно, разумен я или я дельфин с воспоминаниями о прошлой жизни. Мир — просто видимость, которую я почтительно описываю. Пребывая на Земле, поступай, как земляне.

Поскольку нам неизвестно, мыслим ли мы, Декарту следовало сказать *sentio, ergo sum* — чувствую, следовательно, существую. *Cogito* [мыслю] — это просто еще одна видимость, которой я могу быть обманут, в отличие от *sentio*. Различие между «думаю» и «чувствую» и есть то место, где мы увязли. Я знаю, что чувствую, но я всего лишь верю, что мыслю.

Мы почти что можем сказать, что ум должен существовать, чтобы его можно было наблюдать, и, следовательно, наблюдение доказало бы его существование. Почти, да не совсем. Заблуждение кроется уровнем ниже восприятия, и ничто не обязано существовать, чтобы быть наблюдаемым. Мы почти что можем сказать, что ум должен быть исключением, но снова не совсем.

И это приводит нас к реальному вопросу. Зная, что содержание сновидения неистинно, можем ли мы сказать, что ум сновидения истинен? Возможно ли, что то, что видит во сне Брахман — неистинно, но истинно, что Брахман видит сон? Звучит не так плохо, но нет, мы не можем ответить наверняка. Даже

структурные элементы сновидения все еще сделаны из обрывков того, что снится, и ты не можешь сделать что-то из ничего.

* * *

Итак, вот элементы величайшей тайны. Единственное, в чем мы можем быть уверены — это бесконечное сознание. Все остальное — лишь наши потуги описать существование видимости, на которые мы обречены с самого рождения. Окончательное решение тайны видимости в том, что она не существует, так что и тайны нет. Вот здесь-то на самом деле все и заканчивается. Мы только тем и заняты, что пренебрегаем этой суровой истиной, пытаюсь решить загадку сновидения изнутри сновидения, что невозможно, и для этого в какой-то момент переключаемся со знания на веру.

* * *

Забавный факт: сейчас мы вышли за пределы всех систем верований, достигли самых дальних горизонтов философии, а все, что нужно было сделать — проявить немного уважения к уму [*cogito*].

* * *

Почему Яго так распахивался из-за Дездемоны с Отелло? Шекспир так решил, вот почему. Это сон во сне, и как бы мы ни старались найти в этом смысл, ничего не выйдет. Можно попытаться понять, в чем обвинялся Йозеф К. в «Процессе», но мы никогда не узнаем, потому что нет фактов, на которые можно опереться. Не было никакого Йозефа К., не было преступления и не было суда. Все это продукт воображения Кафки. Некоторые вещи могут быть истинными в контексте

истории, но сама история — вымышленный контекст. Это относится и к истории, которую мы называем реальностью. Нет фактов, из которых можно исходить, все это просто воображение, включая видимость связности, ум. Нельзя удержать состояние сновидения для его описания, и нельзя вызвать автора, чтобы потребовать прямого ответа, потому что автор — просто еще один персонаж в истории.

Что естественно приводит нас к следующему вопросу: были ли пуленепробиваемыми яйца Супермена? Ответ, разумеется, да. Почему? Да он же Супермен, вот почему. Его яйца можно раскалить в кузнечном горне и расплющить их на наковальне, погрузить в лед, заставить их слушать музыку кантри, скормить пираньям, пинать, как боксерскую грушу, попросить официанта натереть их на терке в порцию пасты с креветками в чесночном соусе и брокколи, позволить щенку испробовать на них свои острые зубы, завязать узлом мокрое полотенце и хорошенько врезать по ним, тыкать раскаленные иглы в вудуистскую куклу этих яиц, а Супермен все еще будет выглядеть так, будто ты зря тратишь время. Почему? Потому что в суперменской вселенной у Супермена суперяйца. Можно даже вспомнить парадокс. Если он настолько супер, он должен суметь сокрушить собственные яйца, но если его яйца могут быть сокрушены, то какой же он супер? Я называю это парадоксом суперменских яиц. Ладно, неважно, вопрос был... ммм... ох черт, я забыл вопрос. Это нехорошо, я ведь был так близок к тому, чтобы взорвать к черту всю эту проблему с умом. Будьте вы прокляты, стальные яйца!

* * *

Хватит хихикать, как пятиклассник, посмотри лучше на инь-ян. Белая часть — это осознанность, черная — видимость, круг — искусственная ограниченность,

а бесконечное белое поле, в котором покоится символ — это сознание. Черное — это Майя, белое внутри круга — Атман, а белое вне круга — Брахман. А теперь все вместе: инь-ян — это символ тебя, по ошибке поверившего, что ты существуешь, я, а бесконечное белое пространство — это ты, каков ты есть в реальности, *не-я*.

Итак, в одном символе представлена вся полнота царства сновидений, но где же в этом символе поместить ум? Если ум относится к черному, то он — несуществующая видимость. Если ум относится к белой части, то он — свойство сознания, лишеного свойств. Единственное место, где можно поместить ум — бесконечное поле сознания, а единственное условие для этого — ум и сознание одно и то же.

Итак, если ум существует в истине, он должен существовать как сознание, а если так, то должно быть истинно, что совершенный ум и бесконечное сознание — скорее одно и то же, нежели одно свойство другого. Но мы можем это утверждать только в том случае, если истинно утверждение, что ум *вообще* существует, а нам это доподлинно не известно. Мы можем утверждать только то, что он кажется очень-очень реально существующим.

* * *

Если для описания ума сознания есть три варианта — ничто, несовершенство и совершенство, — то после применения метода исключения остается только совершенство. Может ли сознание быть свободно от ума? Я бы сказал нет, и несовершенный ум определенно тоже можно исключить, так что здесь мы возвращаемся к утверждению, что совершенный ум синонимичен бесконечному сознанию. Мы почти что не можем утверждать, что ум *не* существует, и мы не можем утверждать, что он существует как свойство сознания, и

это приводит нас к логическому изъяну: мы утверждаем, что совершенный разум — синоним бесконечно-го сознания и надеемся, что никто не назовет это абсурдом, хоть это и абсурд. Мы уже близко, еще немного.

И вот где подводится черта. Мы можем *знать*, что сознание — это все, но можем сделать *умозрительный* вывод, что ум существует, так что нам остается только *верить*, что сознание и ум — это одно и то же.

Итак, существует ли ум? Невозможно сказать наверняка, существует он или нет, поэтому я воспользуюсь ради достижения целей этой книги художественной вольностью и скажу — да. Бесконечное сознание и совершенный ум — это два способа сказать одно и то же.

Совершенный ум — это истина. (*подмигивает*)

ОПОРЫ ИЛЛЮЗИИ

Все есть загадка, а ключ к загадке — это еще одна загадка. У иллюзии столько опор, сколько снежинок в снегопаде. Мы просыпаемся из одного сна в другой. Игрушки, занимающие нас, разнообразны и в зависимости от нужного качества обмана более или менее утонченны. Интеллектуалу нужна изысканная наживка; позабавить горького пьяницу куда легче. Но каждый пьян собственным безумием, и зрелищное представление разыгрывается непрерывно, с музыкой и флагами...

Ральф Уолдо Эмерсон

Сейчас примерно полночь. Я полулежу на диване перед очагом, завернутый в шерстяное одеяло, пью вино, а на моей ноге лежит собака, и мне интересно, ясны ли мои мысли и верно ли я изложил их на бумаге, но если судить по этому осоловелому абзацу, это не так.

В данный момент меня беспокоит, достаточно ли написанного. Неважно, лишнее можно вычеркнуть позже. Настоящая проблема — это девочка, спящая в кресле и храпящая, как мультяшный злодей. Похоже, она стала жертвой какого-то сказочного заклятия: хорошенькая юная леди днем, ужасный рокочущий великан ночью. Кто-нибудь вооруженный милосердной

жестокостью и скальпелем должен вмешаться и починить ей перегородку. Я осматриваюсь в поисках достаточно острого и не слишком ржавого инструмента, когда она переходит с утробного рычания на человеческую речь.

— Ох, — говорит она, потягиваясь, — должно быть, задремала. Я храпела?

— Не громче посапывания маленькой принцессы.

— Моя соседка по комнате говорит, что я храплю, как лесоруб.

— Это возмутительно. Все известные мне лесорубы спят весьма элегантно. Помню одного, мы звали его Пьер Сладкохрап. Он был таким замечательным храпуном, что люди скорее...

— Кофе есть?

— Если сварить.

— Вы работаете над сценарием?

— Незримо.

— А собираетесь?

— Уже собрался.

— Но незримо?

— Да.

— Хорошо, мне надо идти.

— Хорошо.

* * *

Сценарий — это проект Мэгги, над которым она хочет поработать вместе со мной. Не думаю, что это к чему-нибудь приведет, но я вообще никогда не думаю, что какой бы то ни было литературный проект куда-нибудь может привести, пока это не случится, так что стараюсь ничего не отвергать сгоряча.

Она хочет написать сценарий и сдать его в одну из своих школ, потому что прошедшие отбор проекты будут финансироваться и обеспечиваться оборудованием, так что если мы напишем что-нибудь, что пройдет

на конкурсе, она сможет снять свой первый фильм. Ее идеей была новая версия «Моего обеда с Андре», что имело смысл, учитывая ограниченность ресурсов. Одна сцена, пара главных героев и несколько второстепенных, ни сложных погонь, ни дорогих спецэффектов. Впрочем, проблемой было наполнить сценарий содержанием и найти кого-нибудь, способного молотить чепуху на протяжении девяноста минут, не впадая в кататоническую кому. Жюри в общем-то все равно, справится с этим Андре или нет, но потянет ли этот план Мэгги? И тут на сцену выхожу я, ее козырной туз. Обед будет не с Андре, а с Джедом.

Я отказывался на протяжении нескольких недель, но идея будто просочилась мне в мозг в качестве предположительно перспективной с точки зрения передачи информации платформы, хотя смотря какая информация. Я начал размышлять об этом, не задумываясь, будет ли реализован проект, потому что сам литературный процесс мог оказаться занятым. К тому времени, когда обдумывание зашло достаточно далеко, я понял, что в проекте нам понадобится еще и Лиза, потому что моему Андре нужна его Уолли, и это не должно было ее слишком напугать.

* * *

Если мерить сторонника теории заговора мерками его теории, то я самый чокнутый из всех. Я верю, что реальность нереальна, что нет такой вещи, как эго, и что вселенная — это просто тщательно продуманная мистификация, создаваемая таинственным кукловодом под кодовым именем Майя.

Теория заговора должна состоять из трех частей: легенда, теория и правда. Легенда — это история, в которую нас просят поверить, а теория — это история, которую мы ставим под сомнение. Правда — это незримое средоточие, которое приводится в движение

совокупностью заговоров и вообще-то на удивление бессмысленное.

Истории, такие как фильмы, пьесы, телешоу и романы, — это повествования, субъектами которых мы охотно делаем самих себя и которыми по собственной воле обманываемся. Магия повествования — это своего рода заговор, в котором мы игриво сдерживаем свою веру, стараясь заглянуть за пределы повествования, и считаем представление удавшимся, если нам это не удалось. Политика — это заговор, который заходит еще дальше. Хищнически манипулируя надеждами и страхами, нас заставляют сдерживать свое недоверие вопреки здравому смыслу и историческому опыту. Реклама еще постыднее: это искусство и наука превращения страха в деньги. Религия и духовность схожи с политикой в той степени, в какой сила нашего духовного голода компенсируется невозможностью проглотить повествование. Наука схожа с религией и духовностью в том, что ее сторонники действительно верят повествованию. Если окинуть взглядом весь диапазон повествований, на левом его краю окажутся сказки, мифологии и религии, на правом математика, а остальное будет разбросано между этими крайностями, и единственное, что объединяет все повествования — неистинность.

Итак, когда мы говорим о заговоре, вопрос не в том, обманываемся ли мы время от времени, а в том, есть ли в нашей жизни хоть один потайной уголок, свободный от лжи, и ответ на этот вопрос — нет. Не то чтобы мы встречаемся с каким-то небольшим враньем посреди огромной правды: сама реальность — фальшивое повествование, и само я является ложью. Жизнь всего лишь сон, а во сне нет истины.

* * *

Если ты хочешь найти истину внутри, то место,

куда тебе придется отправиться — внутренняя черная дыра. Не к дыре, а сквозь нее. Это тот внутренний туалет, которого мы так искренне стыдимся, что не можем признаться в его существовании даже самим себе. Мы проживаем свою жизнь, вращаясь внутри унитаза, зажатые между центробежной силой жизни, тянущей нас вверх, и гравитацией смерти, тянущей вниз. У эго много инструментов для поддержания баланса этих сил, в то время как другие грани эго угрожают его разрушить.

Этот внутренний туалет сильнее, чем Борг¹ с его непреклонной неотвратимостью: сопротивление бесполезно, ты будешь поглощен [assimilated]. Коллектив ждет, его нельзя отвергнуть, и никто не спасет тебя, потому что ты на самом деле никогда не знал, что значит быть непоглощенным [de-assimilated]. Твое жалкое чувство индивидуальности — это просто маленькое облачко сна в небе универсального разума.

Как бы мы ни старались и как бы ни желали иного, внутренний стульчак нельзя ни заткнуть, ни засорить, и мы отвлекаем себя от него при каждой возможности, а когда не удается отвлечься, убеждаем себя, что это путь к чему-то лучшему. Иногда нам рассказывают, что система дала задний ход и кто-то вернулся с той стороны западни, чтобы убедить нас, что наши самые отчаянные надежды оправданны, что сток из этого туалета ведет в куда лучший туалет.

Качество нашего жизненного опыта зависит от нашей способности оставаться блаженно неведающими о болезненно очевидной истине, что с каждым проходящим мгновением водоворот тащит нас в бездну. Недостаточно сопротивляться этому тревожному погружению, мы должны поддерживать действенное неведение об этом, в то же время стараясь не осознавать,

¹ Борг — коллективный организм, поглощающий индивидов, из вселенной Стар Трек. — Прим. пер.

что мы заняты Двоемыслием. Это довольно сложно, но это замечательно справляется с духовными сантехническими работами, поскольку спроектировано именно для них.

Неприятно думать, что Дворец Иллюзий Майи — это фарфоровый сральник или что жизненное странствие — водоворот, ведущий к забвению. У большинства людей, вероятно, лишь несколько раз в жизни вспыхивает проблеск понимания о неизбежном пункте назначения, и они немедленно отворачиваются. Чтобы жизнь была счастливой, лучше никогда не смотреть вниз, никогда не признаваться в своем положении, даже если это выглядит как слабоумие. Быть немного глупее или придурковатее, чем дано от природы, — это небольшая цена за поддержание себя в состоянии блаженного неведения. Эта темная дыра в центре унитаза — выход из вымышленного тебя, так что если ты думаешь об ней, как о вратах к истине, то цена искомого — это конец искателя, а прямое направление духовного поиска — это не *Познай Себя*, а *Смой Себя*.

КАРТА ЦАРСТВА СНА

*Цель достигнута, когда самость
настолько полно сонастроена с точкой покоя,
что больше не может сдвинуться от этого центра.
Ее больше нельзя испытать ни силой, ни суждением,
ни сдвинуть ветром перемен, и в этой точке самость
больше не годится для выполнения своих функций.
Она больше не нужна, бесполезна, и жизнь может
продолжаться без нее.*

Бернадетт Робертс

Добро пожаловать в эту главу. Здесь мы рассмотрим карту царства сна, в которой космическая черная дыра служит метафорой черной дыры во внутреннем космосе. Я люблю теории заговора, так что пока мы говорим о черных дырах мне кажется уместным взглянуть на их главного пресс-секретаря.

На момент написания этой книги мы исходим из предположения, что профессор Стивен Хокинг все еще раскатывает в своей коляске по Земле. Мы принимаем этот факт, поскольку, ну, почему бы и нет? Но если на секунду остановиться и задуматься, то может показаться вполне допустимым, что настоящий Хокинг умер еще в середине 80-х, а вместо него по какой-то гнусной причине орудут некие гнусные «они». Эта полуправдоподобная история намного развлекательнее

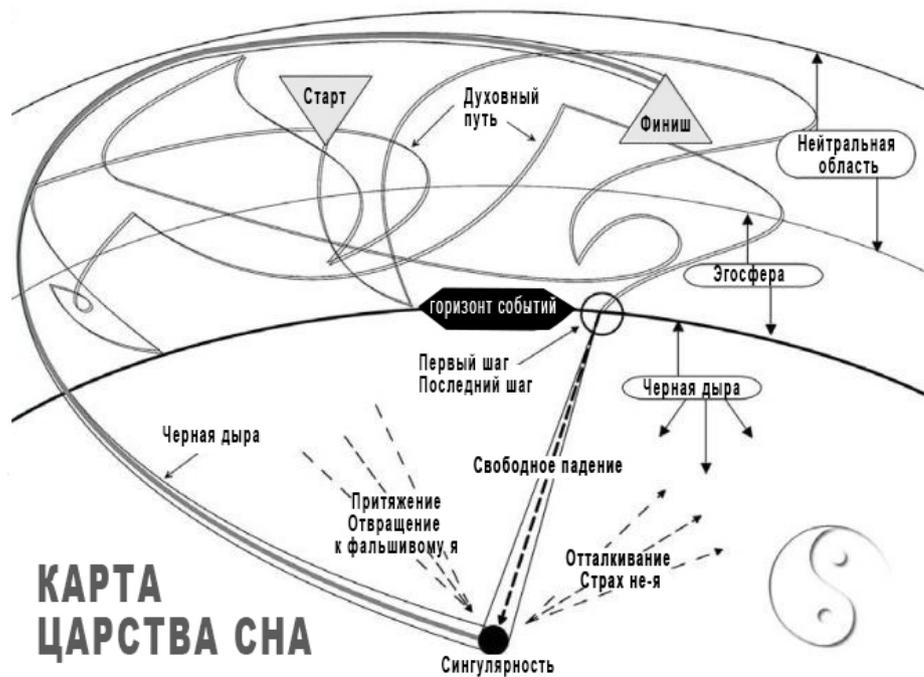
истории, что это и правда он, и здесь я перехожу к морали сего повествования, согласно которой в царстве сна лучше поразвлечься, чем быть правым.

А теперь я воспользуюсь этим абзацем, чтобы плавно вернуться к теме этой главы, которая посвящена не космическим черным дырам, а той дыре, что расположена в центре тебя.

Узри же Карту Царства Сна.

Духовный путь

Эта извивающаяся узкая дорожка на карте представляет собой твой духовный путь, который в сущности представляет собой твою жизнь. Ты начинаешь там, где начинаешь, и движешься туда, куда движешься.

КАРТА ЦАРСТВА СНА

Не имеет значения, где ты начал или куда идешь или во что веришь или что делаешь. Имеет значение только пересечение горизонта событий. Пока эта линия не пересечена, независимо от любых соображений, ты все еще персонаж на сцене, разыгрывающий роль, а любая роль в контексте пробуждения ничем не отличается от любой другой. Итак, каждый твой шаг — это новое начало, и ты либо движешься в направлении сингулярности, либо продолжаешь петлять.

Твой духовный путь пересекает эгосферу в разных направлениях, а духовный накал то усиливается, то слабеет. Какая-нибудь здравомыслящая спящая личность может всю жизнь закладывать петли рядом с точкой отправления, а другие, стремящиеся к пробуждению, в результате озарения совершают рывок к сингулярности черной дыры без всякого петляния. Однако ни у кого из последних нет резона читать эту книгу, так что вам, вероятно, ближе извилистая дорожка на карте.

Духовный путь на карте дважды почти пересекает горизонт событий, прежде чем повернуть вспять. Это работа тех весьма впечатляющих эго-сил, которые удерживают нас от прогулки к краю скалы. Когда благодаря какому-нибудь вдохновению или прозрению тебя охватывает безумная жажда истины, включаются защитные механизмы и твоя энергия саморазрушения перенаправляется в безопасном направлении. Затем они приводят тебя в равновесное состояние, пока ты не заведешься в очередной раз. Это эго в его режиме самосохранения, по-моему, вторая крутейшая штука в царстве сна после собак.

Сингулярность

Если возвращение — движущая сила Дао, то это возвращение к сингулярности, и, вернувшись к ней, ты осознаешь, что никогда на самом деле не покидал ее, и все

это тебе просто привиделось во сне. Сингулярность — это истина тебя, Брахман, Я-Есть/Сознание, истинный центр твоей Я-вселенной. В самом центре царства сна, которое не есть ты, расположена сингулярность бесконечного сознания, которое есть ты.

Притяжение и отталкивание

Ненависть и страх — это тяни-толкающие силы гармонии царства сна. Ненависть к фальшивому я тащит тебя к сингулярности, а страх перед не-я выталкивает прочь. Двоюродным братом страха не-я будет страх смерти, и любая сильная страсть, которая заставляет тебя пренебрегать этим страхом, будет кузеном ненависти к фальшивому я. Мы не чувствуем, как эти силы крушат нас или рвут на части, потому что они сбалансированы, но когда настройка сбивается, они чувствуются довольно явственно.

Единственная энергия, которая есть в твоём распоряжении — это эмоция, так что если ты хочешь совершить путешествие в направлении сингулярности, то придется обуздать и сосредоточить свою эмоциональную энергию. Это может случиться намеренно или спонтанно: ты либо прыгаешь ласточкой сквозь горизонт событий, либо незаметно для себя минуешь эту границу, но в любом случае результатом будет сдвиг от относительно стабильного опыта нейтральной области плавучести к поддерживаемому гравитацией курсу на столкновение с истиной.

Нейтральная область плавучести

Нейтральная область плавучести — это состояние духовного равновесия, в котором большинство людей проводит всю жизнь. Нейтральная плавучесть — недоосознанное состояние, когда противоположные силы страха и ненависти сбалансированы: шар,

наполненный горячим воздухом, взмывает вверх, но не для того, чтобы покинуть атмосферу. Пока энергия жизненной силы обеспечивает полет горячим, шар может сопротивляться гравитации смерти и поддерживать высоту.

Эти силы, которые держат нас в состоянии духовного равновесия, не злые и не порочные, и нет никакой демонической силы, состоящей в заговоре против нас, это просто регулирующий процесс, который позволяет нам играть без осознания, что мы выступаем в роли клоунов в цирке, поскольку это может испортить весь эффект. Идея, что это плохое, а духовное взросление хорошее — это просто еще одна из многих мотивационных морковок у нас под носом, чтобы мы не покидали арену цирка.

Эгосфера

Опасная зона вблизи горизонта событий — это то, что ученые называют эгосферой, но нам подходит эгосфера.

В эгосфере много пугающих сетей безопасности, в которые нас заманивают и потом мягко удерживают. Кажется, будто эти ловушки предлагают именно то, что ты ищешь, но в действительности они задержат твоё внутреннее странствие и развернут его в безопасном направлении. Например, ты можешь почувствовать, что из тебя уже бьют струи пара, пришло время засучить рукава и предпринять серьезные усилия, так что ты открываешь книгу о пробуждении, а книга довольно неплохая, потом ты открываешь следующую, и вот уже духовные книги удовлетворили твою жажду духовного прогресса и опасность действительных перемен предотвращена. (Делает ли это меня агентом заблуждений? Ты умный, сам подумай).

Как указано на карте, твой духовный путь может приводить тебя в эгосферу и уводить из нее много раз.

Ты можешь сделать ряд подходов и отступлений или найти новую зону комфорта поближе к горизонту событий. Все может выглядеть так, будто чем ближе ты к горизонту событий, тем более пробужден, но сдвиг парадигмы не происходит поэтапно. Быть ближе к горизонту — не значит быть более пробужденным, но всего лишь чувствовать себя менее комфортно.

Горизонт событий

Самое важное, что нужно знать о горизонте событий, — это то, что ты никогда не узнаешь, где он, пока не пересечешь его, и тогда уже слишком поздно.

Последний шаг плоти отмечает первый шаг духа, и он же будет последним. Это такой же шаг, как любой другой, но теперь это последний шаг, потому что в отличие от других шагов этот переносит тебя через горизонт событий, и ты больше никогда не испытываешь иллюзии твердой почвы под ногами. Как у Нео, которого отключили от Матрицы и смыли из системы, пути назад нет. Страшно открыть глаза, если ты провел всю жизнь, не подозревая, что они закрыты. Первое, что ты увидишь — вся твоя жизнь выдумка и теперь этому пришел конец. Твои глаза болят, потому что прежде ты ими ни разу не пользовался, и ты начинаешь жалеть, что не выбрал синюю пилюлю.

Свободное падение

Пересечение горизонта событий — это то, что я называл Первым Шагом, он же и последний. Для космической черной дыры горизонт событий обозначает начало притяжения такой силы, что даже свет не может вырваться обратно. Для внутренней черной дыры он обозначает абсолютную точку невозврата. Стоит пересечь линию, как происходит сдвиг парадигмы и кто-то умирает для старой реальности и заново рождается

в новой. Длительность свободного падения зависит от разных факторов, но единственное, что поддается твоему контролю — твое собственное сопротивление процессу. Сопротивление не только тщетно, оно еще и болезненно.

Пересечение горизонта событий может показаться психотическим срывом, особенно для внешнего наблюдателя, оставшегося позади. Пузырь царства сновидений лопаается, и иллюзия твердой почвы под ногами сменяется реальностью свободного падения. Чувство падения исходит от измельчающегося и разваливающегося на части эго. Когда этот этап закончен, ощущение движения сменяется чувством текучей непривязанности, которое так и остается.

Черная дыра

Когда сорван последний лоскут эго, сингулярность достигнута и ууууух, тобой выстреливает через трубу туда, откуда ты начал. Теперь ты здравомыслящ, а все остальные неправдоподобно чокнутые, так что можешь веселиться. Но сначала тебе придется пройти все виды обучения и акклиматизации, которые соответствуют процессам взросления и развития, с которыми ты уже знаком.

* * *

Достигнув сингулярности или, другими словами, завершив отсечение эмоциональных привязанностей, кульминацией чего выступает убийство Будды, каким бы именем ты его не называл, или, еще раз другими словами, сорвав собственную версию покрывала с крысиной клетки и выбравшись из комнаты 101, ты поймешь, что такое черная дыра, потому что обнаружишь себя в том самом царстве сна, которое покинул, только сейчас ты во сне, но больше не снишься.

Теперь ты поймешь всю эту штуку с горой, потом не горой и снова горой. Теперь ты будешь пробужденным во сне, хотя сон, если вдуматься, довольно нелепое место для пробуждения.

Таково это духовное странствие на самом деле, и неважно, насколько глубоким или сложным оно кажется для эго. Пересекай горизонт событий или не пересекай, делай первый шаг или не делай, не имеет значения. Что такое просветление? Что такое интегрированное состояние? Ответа не найти в словах мудрецов или в глубинах человеческого сердца. Он находится в черной дыре, и горизонт событий надежно разделяет парадигмы. Может, совершить духовное путешествие и нелегко, но это определено просто.

ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ

— *Будь таким,* — сказала Герцогиня, — *каким хочешь казаться, или, если хочешь, еще проще: ни в коем случае не представляй себе, что ты можешь быть или представляться другим иным, чем как тебе представляется, ты являешься или можешь являться по их представлению, дабы в ином случае не стать или не представиться другим таким, каким ты ни в коем случае не желал бы ни являться, ни представляться.*

Льюис Кэрролл

Алиса со Шляпником, Соней и Мартовским Зайцем стояла посреди королевского двора, где собрались Королева, Герцогиня и все королевские подданные.

— Где я, — удивилась Алиса уже не в первый раз за последнее время.

— Если это *сейчас*, — сказал Шляпник, — то это, должно быть, *здесь*.

— Я страшно устала от *здесь* и *сейчас*, — пожаловалась Алиса. — Для разнообразия мне бы очень хотелось побыть *там* и *тогда*.

— *Тогда* было вчера, — ответил Шляпник, — а завтра ты будешь *там*, но сегодня ты *здесь*, и это *сейчас*.

— Но что насчет сегодняшнего утра? Кажется, я припоминаю, что когда проснулась, это было *там* и *тогда*.

— И да и нет, — сказал Шляпник.

— Сейчас это было *тогда*, но тогда это было *сейчас*.

— И это было *здесь*, когда ты была *там*, — заметила Соня, — но когда ты была *там*, это было *здесь*.

— Нет, нет, — поправил ее Мартовский Заяц. — Ты имеешь в виду, что это было *здесь*, когда она была *там*, но сейчас, когда она *здесь*, это *там*.

— Я так и сказала, — произнесла Соня.

— Да, с этим не поспоришь, — задумчиво сказала Алиса, — но я начинаю думать, что я *всегда* здесь и это *всегда* сейчас, что означает, что ничто никогда не меняется и мне должно быть ужасно скучно!

— А мораль этого, — сказала Герцогиня, — в том, что всегда лучше быть *где-то*, чем *где-нибудь*, но где-нибудь лучше, чем *нигде*!

— Нет, — возразила Алиса, — не думаю, что здесь вообще есть мораль.

— Ты права! — воскликнула Герцогиня.

Королева прислушивалась к каждому слову Алисы и почувствовала, что может разрешить все затруднение целиком четырьмя короткими словами.

— *Голову ей с плеч!* — закричала Королева.

— *Нет!* — крикнул Шляпник.

— *Нет!* — крикнула Соня.

— *Нет!* — крикнул Мартовский Заяц.

— *Да!* — крикнула Алиса. — *Голову мне с плеч!*

Теперь весь двор замер в молчании, все безмолвно уставились на Алису.

— Забирайте ее, — потребовала она. — Глупая луковица, от нее одни неприятности!

И хотя Алиса сама удивилась от того, что произнесла такие безумные и пугающие слова, она почувствовала, что наконец-то близится дно норы, в которой она летела с самого начала своего путешествия.

— Кажется, все мои неприятности начинаются с моей головы, — сказала она придворному собранию. — Отрежьте ее, говорю вам, и посмотрим, что получится.

— Но как ты посмотришь на *что-нибудь*, — спросила Соня, — если у тебя не будет головы?

— *Тело мне долой!* — внесла исправление Алиса. — Я сохраню голову, а вы можете оттяпать мне тело. У Чеширского Кота есть только голова, и он выглядит вполне довольным.

(*В этот момент Шляпник зашептал Алисе на ухо, что у Чеширского Кота на самом деле есть тело и ей не стоит желать отрубания своей головы, потому что это весьма невероятная и вероятно невозможная идея, будто тела и головы могут существовать отдельно друг от друга*).

— Что бы я ни делала, — сказала Алиса, — куда бы ни шла, я вечно застреваю внутри этой выпуклой тыквы, которая всегда смотрит, но никогда не видит. Почему, — размышляла она, не вполне понимая как именно она это делает, — мне не следует сомневаться, не проекция ли это волшебного фонаря и не окружающий ли мир выходит из моей головы, вместо того чтобы в нее входить. Я ведь не знаю, как дело обстоит в *действительности*, не так ли?

Алиса была очень довольна *этой* мыслью и уже была готова подумать *другую*, как вдруг ей пришло в голову, что она еще не совсем закончила с первой.

— Давайте-ка это проверим, — сказала она и стала подтверждать свои подозрения с помощью силы своего ума, перевернув весь двор и всех его обитателей с ног на голову.

— *Ага!* — закричала она. — Я так и думала! С помощью простого применения искусства мышления я изменила закон гравитации и поставила всех вас на потолок!

— Но, дорогая моя, — мягко возразила Королева, — ты просто перевернула *себя* с ног на голову. Мы все там же, где и *были*.

Алису совершенно не взволновало столь ничтожное возражение.

— Естественно, вы и не можете сказать иначе, — перевозразила Алиса, — но едва ли я могу принять мнение того, кто стоит *вниз* головой по вопросу о *вверх*головости, не так ли? Все, что для *меня* имеет значение, как мне кажется, это то, что кажется *мне*. Если бы меня заботило, что кажется *вам*, я *была бы* вами, и кем бы тогда были *вы*? А кто был бы *мной*?

Но тут кровь ударила Алисе в голову — по ее предположению, из-за злоупотребления властью — и она перевернула зал обратно и сделала книксен, вызвав бесшумную овацию.

— А мораль этой истории вот какая, — взревела Герцогиня, — *гравитация в глазах смотрящего!*

— Нет, — сказала Алиса, — я так не думаю.

— Да-да, ты *совершенно права*, — согласилась Герцогиня, — и мораль *этой* истории такая: мораль истории — это то, что ты о ней *думаешь*.

— Возможно, не во всем *есть* мораль, — предположила Алиса.

— Верно! — воскликнула Герцогиня, — и мораль *этого* в том, что *ни в чем нет никакой* морали.

— Проклятие, — сказал Пух. — Опять я забрел не в ту вселенную.

ПРОБЛЕМА СОВЕРШЕНСТВА

Я не вполне уверен, вижу ли я сон или это воспоминание, прожил ли я свою жизнь или увидел ее во сне. Как и сновидение, память заставляет меня глубоко осознавать нереальность, мимолетность мира — ускользящий образ в текучей воде.

Эжен Ионеско

Предположим, гипотетически, ты смотришь вселенную по ТВ. Каналов у тебя бесконечно много. Можно смотреть что угодно, но это еще не изобретено, так что у тебя сплошь каналы о природе. У тебя есть универсальный пульт управления, и ты мастерски им владеешь. Ты можешь смотреть что угодно, где угодно и когда угодно, и что ты выбираешь? Как вода течет? Как трава растет? Как вращаются планеты? Как едят газели и как их едят? Что насчет рек, подтачивающих скалы, и ветров, придающих очертания горам? Что насчет рождения океанов, звезд или жирафов? Все, что душе угодно, все, о чем только можно подумать.

Понимаешь, к чему я клоню, верно? У тебя на самом деле нет *бесконечного* числа каналов, у тебя только один канал, и он настолько уныл, что ты выходишь из себя, и не после миллиардов лет просмотра, а через полчаса. Ровно столько и надо, чтобы у тебя поехала крыша. И ты не можешь выключить Вселенная-ТВ, чтобы почитать книжку или пойти поиграть,

потому что Вселенная-ТВ — это все, что есть. Есть только видимость, и любая часть видимости одинаково скучна. У тебя для развлечения есть целая вселенная, но эта вселенная попросту незабавная, что представляет собой проблему, поскольку она существует только для того, чтобы тебя забавлять. У нее нет другой цели. Осознанию нужно осознать что-то. Что-то нескучное. Нет осознания без видимости, но не всякая видимость подойдет. Тебе подошла бы? Как долго ты мог бы смотреть неотредактированный, не снабженный текстом и перебивками канал о природе? Ты бы еще до обеда превратился в слюнявого идиота. Скука — это проблема, для решения которой существует вселенная, но работающая как часы вселенная не решает ее, в ней нет задела для несовершенства, которое добавило бы перцу.

Пока мы с этим разбираемся, не забывай, что вселенной на самом деле не существует. Вселенная изображает существование без того, чтобы на самом деле существовать, так же, как сновидение изображает существование, не существуя на самом деле. Ничего на самом деле не существует, кроме бесконечного, безличного сознания — Брахмана.

Итак, вот как все обстоит. Вселенная видимости скучна, и скука — не самая маленькая проблема, как могло бы показаться. Для Брахмана это поистине серьезнейшая из проблем. Это проблема, с которой нельзя смириться. Вселенная, какая она есть, существует, как она существует, в качестве противоядия от скуки, но она скучна и не может не быть скучной. Работающая как часы вселенная, которая существует исключительно ради развлечения, не развлекает и не может развлечь.

Пока мы не ушли далеко, давай рассмотрим проблему одинокого зрителя. Сколько существует Атманов? Если говорить о числе видящих сновидение в сновидении, то правильный ответ образовал бы знание и,

следовательно, это непознаваемо и представляет собой исключительно поверхностный домысел. Три возможных ответа о том, сколько существует отдельных разумных существ (вроде тебя): 1) одно (только ты, что звучит неправдоподобно), 2) целая куча нас (так это выглядит) и 3) бесконечное число (почему бы и нет?).

Что до третьего варианта с бесчисленными Атманами, то я бы не хотел трактовать бесконечность как число, но поскольку мы говорим о подлинной бесконечности, никаких пределов нет, так что можно сделать исключение. Третий вариант соблазнителен еще и на тот случай, если тебе захочется истолковать царство сна как фрактальную голограмму или еще что-нибудь столь же заумное, но всего лишь гипотетическое.

Варианты два и три имеют смысл, а первый вариант нет. Мы не можем его отбросить, но единственная причина верить, что я есть единственная разумная сущность, одинокий зритель, в том, что теоретически это возможно, причем в силу той же теоретической вероятности, что и для остальных двух вариантов. Помни, ответов нет ни для одного из них. Никто *не знает*, потому что такой штуки, как объективное знание, не существует. Итак, как мы убедились, возможности нельзя превратить в вероятности. Второй вариант может нравиться больше, чем первый или третий, но все они одинаково возможны.

В конечном счете ответ, разумеется, прост. Единственный зритель — Брахман.

* * *

А теперь вернемся к проблеме скучной вселенной. Посмотри на себя. У тебя не меньше прав и авторитета, чем у любого другого, чтобы участвовать в споре. Если ты во всем подобен мне, у тебя крайне низкий порог терпимости скуки. Мы все похожи на детей,

елозящих на заднем сиденьи во время долгой поездки в жаркую погоду. Может, и существует какой-нибудь отдаленный гималайский культ любителей скуки, которые весь день пялятся на грязь, но вообще-то мы не созданы для созерцания сохнувшей краски или растущей травы. Скука — отстой. Я говорю это не только как персонаж, но и как Атман, а раз как Атман, то и как Брахман. Скучная видимость так же плоха, как и полное отсутствие видимости.

Майя бесполезна для Брахмана, если она собирается просто сидеть и читать телефонную книгу, но есть ли у нее выбор? У нее нет сценария или пьесы для постановки, нет стихов, чтобы их почитать, или песен, чтобы их спеть, нет драмы или конфликта, чтобы его разыграть. Все, что она может сделать — это поддерживать часовой механизм, а результат — работающая как часы унылая вселенная, которая не решает единственной проблемы, ради решения которой она была наколдована.

Совершенство творения может и не быть очевидным с точки зрения эго, которое опять возвращает нас к парафразу утверждения Блейка: когда восприятие лишено эго, все видится таким, какое оно есть, — совершенным. Если совершенство творения неочевидно с твоей точки зрения, это имеет смысл, потому что твоя фальшивая точка зрения и есть целиком точка тебя. Только этим в действительности ты и являешься — ошибочной точкой зрения.

* * *

Ты скажешь, что Майя, имея в своем распоряжении совершенный разум, могла бы слегка встряхнуть вселенную, исказить ее, посеять тут и там хаос, привнести в нее собственные драмы и противоречия, но это невозможно. Это не развлекает. Она может лишь сидеть на месте, тикая, как швейцарские

часы, — абсолютно совершенная, без единого сюрприза. Можно расхваливать швейцарские часы на все лады, но нельзя сказать, что подолгу смотреть на них весело.

Нет, ты предпочел бы смотреть не на швейцарские часы, а на швейцарские часы с кукушкой: ты сидишь и смотришь, а твой ум заплывает тиной, и вдруг из дырки выскакивает придурочная птица и производит такой шум, что ты пугаешься до усрачки. Потом она уползает обратно и ты погружаешься обратно в легкую созерцательную кататонию, пока в конце концов — *бабах!* — снова не выскочит сволочная птица. Выдающимся таким развлечением не назовешь, но это лучше, чем наблюдать за часами. Что-то и правда происходит. Теперь у нас есть драма, напряжение, тревога, эмоциональное содержание, и *это* — зрелище.

* * *

Нас всех занимает ответ на величайший вопрос. Как ни перефразируй его — «В чем смысл жизни?», «Какова моя цель?», «В чем дело?», «Кто я?», «Что есть истина?» и так далее — мы прямо сейчас смотрим на одно и то же объяснение всего. Можно и дальше прояснять проблему, сокращая ее до двух вещей, которые, как мы знаем, существуют, хотя одна из них не существует: осознанность и видимость. Когда бы мы ни задавали величайшие вопросы, мы спрашиваем о видимости. Почему видимость видна? Единственный возможный ответ, очевидно, такой: видимость видна ради осознанности. Что еще? А почему осознанности нужна видимость? Потому что если оно не осознает чего-то, то оно не осознает вообще ничего, но здесь нечего осознавать, поэтому нужно что-нибудь выдумать.

Это странное и неудовлетворительное объяснение — совсем не то, что мы надеялись или ожидали услышать, но элементы уравнения несомненны и складываются

только одним способом. Если не принимать во внимание верования, то пространственно-временная, энергетически-материальная, дуалистическая, причинная вселенная очевидно является зрелищем ради зрелища. Царство сновидений для Брахмана то же, что кино, ТВ, истории, игры, пьесы, книги для нас. Здесь нет высшего смысла, нет ценности искупления: никто никуда не попадает и ничто не имеет значения. Но ты складываешь числа, и в итоге все сводится к единице. Это доступно для прямого и несомненного знания, так что если ты сам подумаешь, то именно к этому и придешь.

* * *

Вот самый простой способ сказать это: Единица существует. Единица окружена Двойкой и Нулем, причем они не существуют, но оказывают влияние на Единицу. Ноль отталкивает Единицу, а Двойка притягивает к себе. Ноль пустой и скучный, Двойка пустая, но забавная. Единица не может *стать* Двойкой, но может с помощью совершенного бесконечного ума сконструировать виртуальную симуляцию Двойки. Она может видеть сны.

И вот что мы имеем: осознанность и видимость. Других элементов нет, и даже видимость в реальности не существует, так что на любой вопрос, начинающийся с *почему* — «Почему небо голубое?», «Почему есть зло?», «Почему мамочка меня не любит?», «Почему я душу этого болтуна?» — ответ должен быть такой: «*Ради развлечения Брахмана*».

Это единственно возможный ответ.

* * *

В самом простом смысле, смысл — это проблема, а абсурд — это решение. Абсурд, тем не менее, нельзя

породить с помощью системы строгой логики. В логике нет места случаю, беспорядку, спонтанности или хаосу. Брахман с Майей не играют в кости.

Итак, вот она, загвоздка. Майя, пусть и несуществующая, должна выполнять жизненно важную, но невозможную функцию развлечения Брахмана. Это невозможно потому, что бесконечное сознание не способно быть конечным, а совершенный разум не способен на несовершенство. Хаос невозможен, изъяны и ошибки невозможны, иррациональность и неточность невозможны. Абсурд невозможен. Все совершенно и не может изображать несовершенство. Проблему нельзя исправить, потому что проблемы нет.

И это проблема.

ОДИН МАЛЕНЬКИЙ ШАГ

Тот факт, что мнение широко распространено, не означает, что оно не является предельно абсурдным; на самом деле ввиду глупости большинства людей широко распространенное верование будет скорее дурацким, чем разумным.

Бертран Расселл

А сейчас я открою вам тайну прилунения «Аполлона», которого не было. Никто никогда не бывал на Луне. На основании какого свидетельства я пришел к такому заключению? Развевающиеся флаги? Неправдоподобные тени? Сияние? Радиация? Еще что-нибудь из бесчисленных баек и разоблачений, на которые укажет общество разоблачителей лунной аферы? К счастью, нет, нам не надо продирается через свидетельства, можно просто взглянуть незамутненным взором и увидеть, что подлинный триумф лунных миссий изрядно отличается от провозглашенного, и последний представляет для нас куда больший интерес.

Не знаю, насколько распространена вера в посадку на луну сейчас, когда ты это читаешь, но когда я это писал, большинство людей все еще верили рассказам. Не то чтобы большинство людей заново изучили проблему, заново оценили свидетельства и вынесли

взвешенное решение по этому предмету, просто нужно быть чудаком, чтобы думать, что мы на самом деле не были на Луне, а большинство людей не любят, когда их считают чудаками. Лично мне все равно.

Причина, по которой большим дурацким заговорам уделяется столько внимания в книге под названием «Во сне», может быть поначалу неочевидной, но что такое сновидение, если не большой дурацкий заговор? Нам нравится думать, что мы способны отличить истину от лжи, но этот маленький тщеславный пузырь легко лопается. Быть способным думать и действительно думать — две совершенно разные вещи. То, что мы способны думать, не означает, что мы думаем. Мы не просто не являемся хладнокровными уравновешенными мыслителями, какими себя считаем, мы вообще на другом конце диапазона, и не только самые тупые или самые эмоциональные из нас — все мы. Подлинное учение великих религий состоит в том, что мы поверим в любую безумную чепуху, если в нее поверят другие, и мы все верим столь же безрассудно, что и большинство членов самых диких культов с промытыми мозгами. Эта нездоровая доверчивость характерна не для одной или двух сфер нашей жизни, это сама ткань нашего существования. Это видно во всем, куда ни глянь, и власть заблуждения зависит от того, видим мы это или нет.

Так давай посмотрим.

* * *

Причина моего мнения о том, что лунные миссии были сфальсифицированы, в том, что шанс на успех миссий был неприемлемо мал, а цена ошибки безбожно высока. И все. Свидетельств обмана горы, и с ними можно поразвлечься, но шансы на провал миссий и цена ошибки — это все, на что нужно смотреть.

Учтем всего несколько вещей, необходимых для

успеха миссии: запуск, полет в четверть миллиона миль в одну сторону, включая два незащищенных полета через пояса Ван Аллена, прилунение, выживание при низкой температуре и высоком уровне радиации, запуск с Луны, стыковка, обратный путь, вход в атмосферу, приводнение и спасение, и все это в 60-е, сляпанное в безумной спешке, и все с очень небольшим практическим опытом и незначительной историей успехов даже в самых элементарных вещах. Учти еще все сопутствующие сложности и без труда поймешь, что когда умники с их циркулями и логарифмическими линейками сели за стол и попытались считать шансы, они согласились, что вероятность успеха микроскопически близка нулю.

Теперь вспомни, что целью всего предприятия были не научные открытия или подвиг, не отчаянная попытка спасти Землю от астероида-убийцы, а гигантская, словно во времена войны, программа расходов, замаскированная под пропагандистский ход. Кеннеди пообещал, денежные мешки пролоббировали — на кону было идеологическое превосходство. Поэтому бесконечно важнее *действительного* успеха была *видимость* успеха, а видимость создать намного легче, чем добиться подлинного успеха.

* * *

Представим, как выглядел бы провал: идея американской исключительности рухнет навсегда, потому что благодаря ей Луна человечества превратилась из романтической жемчужины в вечернем небе в орбитальное кладбище и монумент человеческому безрассудству. Или так: останки американских героев описывают круги вокруг Земли, пока не окажутся похороненными при входе в атмосферу. Или сверкающий гроб уплывает в космос, как ужасающая межзвездная визитка. Или наши героические парни

возвращаются домой к парадам и славе только за тем, чтобы через несколько месяцев умереть от лучевой болезни, а юная Барбара Уолтерс взлетает в рейтингах со своими интервью у смертного одра.

В общем, один ужасающий результат за другим, все сплошь полная противоположность тщеславным целям программы, и ведь хоть одна из бед случилась бы наверняка. Провал был не просто единственным вариантом, он был неизбежен, и вместо доказательства превосходства демократии над коммунизмом, как задумывалось, программа «Аполлон» заставила бы Америку выглядеть преступной и комично никудышной до окончания веков.

* * *

Между прочим, на самом деле мы говорим не о прилунениях, они не имеют отношения к делу. Для меня нет такой вещи, как документальные свидетельства, так что анализ программы «Аполлон» — то же, что анализ кинофильма или сновидения. Говорить об «Аполлоне» здесь уместно, потому что все, что с ним связано, касается восприятия, эмоций, разума и веселья всех сортов, что идеально соответствует нашей основной теме о том, как легко одурачить всех людей во все времена.

Если ты сопоставишь вероятность мистификации и вероятность шести успешных приземлений и одной зрелищной ошибки, то твой вывод на самом деле будет зависеть только от тебя. Можно менять свое мнение по несколько раз в день, а можно твердо занять одну или другую сторону и придерживаться своего выбора. Разум по сравнению с эмоциями играет здесь второстепенную роль, как и во всем остальном. Изучая этот вопрос несколько лет назад с опорой на свидетельства и здравый смысл, я метался с одной стороны на другую в зависимости от того, на что смотрел.

Самое забавное, это то, что у обеих сторон есть весьма веские доводы.

Но когда ты отступаешь на шаг от свидетельств и с некоторой долей отстраненности смотришь на всю картину целиком, то это приводит к совершенно иному способу оценки вероятностей, и ты можешь прийти ко вполне уверенному заключению. Для этого требуется не особая духовная перспектива, а всего лишь толика объективности. Как и со всеми остальными заговорами, тебе не надо смотреть глазами эксперта, нужно просто смотреть. Трудно достичь уравновешенной точки зрения *изнутри* спора, но сделай шаг назад, *один маленький шаг*, и тебе откроется все сразу. Нет, прилунения не представляют для нас интереса, нас интересует этот шаг прочь от искажений эго, от чего проясняется взгляд.

* * *

А теперь представь себя на собрании руководящего звена самого высокого уровня, где принимаются решения да/нет. Посади там Президента США — вот о какого уровня собрания мы будем говорить. На самом деле, ты и есть Президент. И помни, что это не просто еще одна космическая миссия, это что-то *значительнее*: за этим собранием будет наблюдать весь мир, все человечество. Выше ставок не бывает. Цена ошибки неизмеримо перевешивает любой выигрыш в случае успеха.

Итак, ты президент и ты должен принимать решение. Ты просишь главных экспертов за столом подвести для тебя итоги. «Каковы, — спрашиваешь ты, — шансы?»

Ты тот, кто должен дать зеленый свет, так что задумайся: какие шансы для тебя приемлемы? Какой уровень гарантий должны предоставить эти убийцы-болтуны перед тем, как ты дашь отмашку проекту, ошибка в котором навсегда покроет позором твою нацию и

ее наследие? Сказал бы ты «да» при шестидесяти процентах на успех? Когда проводится собрание? Если это 1967-й, то ты, как Президент, должен помнить, что три астронавта, включая изобличителя программы, только что сгорели во время репетиции запуска, которая и опасной-то не считалась.

А если они скажут — семьдесят процентов? Значит, только тридцать процентов отделяют всю затею от вечного национального позора и автоматической победы Советского Союза. Как насчет восьмидесяти процентов? Значит, один шанс из пяти, что любой взгляд на Луну будет навевать воспоминания о тех симпатичных ребятах, которыми Америка пожертвовала ради национального тщеславия. А если скажут — девяносто процентов на успех? Поскольку ты не полный идиот, то отнесешься ко всему, что говорят эти ангажированные эксперты, с изрядной долей скепсиса. Девяносто процентов на успех, понимаешь ты, выглядят скорее как ноль целых девять сотых.

Так какие шансы для тебя приемлемы?

Попробуй учесть дух того времени, реалистичные шансы на успех, насколько ты доверяешь так называемым экспертам и ужасающие последствия ошибки. Когда ты взвешиваешь все эти факторы, выбора на самом деле не остается. Итак, теперь ты, Президент Соединенных Штатов Америки, даешь единственный возможный ответ.

«Черт возьми, нет, — говоришь ты, — плевать на наследие Кеннеди. Категорически против, все отменяем. Я не знаю, тупые вы или безумные, парни из NASA, но если вы думаете, что я позволю двигать дальше этот смехотворный прожект и выставлять свою страну на посмешище для всего мира и бесчисленных поколений, то, вероятно, вы все же тупые, как ящик с лунным грунтом. Нет абсолютно ни одного шанса, что эта штука сработает, и когда последствия провала обернутся против нас, то страна уже никогда не восстанет из-под

своих гротескных руин. И честно говоря, я бы вам, яйцеголовым, не доверил бы даже часы мне заводить. Вы ведь только что поджарили трех наших мальчиков в одной из своих жестянок. Если мне понадобится коллекция идиотов, я вас позову. А теперь убирайтесь к черту из моего офиса!»

* * *

Но они не убираются из твоего офиса, верно?

Нет. На самом деле, головастый парень, который сидит наискосок, даже не удивился твоему решению. «Да, сэр, — говорит он, — но упоминал ли я о плане Б?»

Теперь до тебя, как Президента, наконец дошло. Эти ребята никогда и не думали, что ты одобришь план А. Они не хуже тебя знают, что вся идея — попросту бессмыслица и заоблачные мечтания. Эта техника называется «меньшее зло»: они делают предложение, зная, что ты хлопнешь дверью, а потом выдвигают другое предложение, *настоящее*, которое на контрасте с предыдущим выглядит довольно не так уж плохо. Ты видишь, что все представление послужило всего лишь подготовкой к предложению настоящего плана.

«И какой план Б?» — спрашиваешь ты.

«Ну, сэр, — отвечает он, — план Б состоит в том, что мы просто фальсифицируем весь проект. Найдем киношников и устроим постановку. Всего несколько человек будут знать правду».

«Вы совсем с ума посходили?» — резонно спрашиваешь ты.

«Ммм, довольно странно, но нет, сэр, — говорит он. — Не думаю. План Б — это примерно сто процентов успешного исхода и ноль шансов захлестнуть ночное небо мертвыми американцами. План Б уже много раз реализовывался без ошибок, и, разумеется, у нас есть Голливуд. План Б предполагает только выигрыш и никакого риска. Вы совершенно правы, что *настоящая*

миссия на Луну с астрономически большой вероятностью провалилась бы, но в очковтирательстве мы знаем толк. В конце концов, г-н Президент, мы правительство, и это наше основное занятие».

И вполне возможно, что ты найдешь смысл в очковтирательстве. Может, единственная причина принять такое решение заключается в том, что ты попал в этот офис в результате госпереворота, который был полностью сфальсифицирован. Может, ты начал войну на основе информации, которая, и ты знал об этом, была сфальсифицирована. А теперь тебя, как президента, просят одобрить не полоумную миссию на Луну, а старое доброе американское очковтирательство, которое обещает идеологический и космический триумф. Теперь все и ежу понятно: ты даешь зеленый свет, а они соглашаются назвать центр управления полетами в твою честь.

* * *

Вот какова моя маленькая теория и как она пришла мне на ум. (Тебе надо увидеть мой список «Тридцать три разумно разумных причины усомниться в высадке на Луне», который я решил не включать в приложение к этой книге, потому что, ну правда, кому до этого есть дело?)

Возможно, в первый раз подделка удалась так хорошо, что они пошли дальше и организовали еще одну, но больше никто не заинтересовался, так что финансирование иссякло, и им пришлось подделать очень драматичный, тщательно спланированный несчастный случай в космосе, чтобы все могли поерзать на узком стуле, но с чудесной голливудской концовкой.

А потом было еще четыре посадки на Луну, всего шесть, тысячи замечательных фото лунной поверхности, которые можно подделать, но ни одного фото звезд, которые подделать нельзя. Почему бы не

настроить выдержку, стать в тени и нацелить камеру? *Бац!* Вот доказательство. В каком еще качестве может быть интересна Луна, если не в качестве небесной обсерватории? Если вы можете притащить туда багги для езды по дюнам, то, вероятно, смогли бы доставить и фототелескоп, и потом показывать что-то еще помимо камней. Я не эксперт, разумеется, но я бы решил, что если ты шесть раз был на Луне, то это можно доказать, учитывая насколько легко было бы просто сделать фото звездного неба.

* * *

Моя теория полетов на Луну нравится мне больше, чем общепринятая история, хотя в 60-е, будучи ребенком, я был чрезвычайно увлечен этими событиями. У меня на стене висели потреты астронавтов, была подборка книг о NASA и миссиях «Аполлонов», и я очень внимательно следил за этой темой. В 1969-м я был таким же поклонником лунных миссий, как и футбольной команды «Метс», что показательно.

Сейчас я интересуюсь этой темой только ради развлечения. Уверен ли я, что на Луну высаживались люди? Это царство сна, ты ни в чем не можешь быть уверен, но интересно же заглядывать за кулисы, и кто знает, может быть, даже написать целую главу об этом. Разгадывать загадки, смотреть свежим взглядом — это увлекательно. Видеть короля во всей его бесславной наготе неприятно, но поучительно.

Небольшие заговоры вроде «Аполлонов», 9/11 или убийства Кеннеди — как и большие заговоры науки, пропаганды, религии, рекламы, политики и других форм массовой промывки мозгов и заблуждения — могут многому нас научить, если мы возьмем на себя труд присмотреться к ним.

И вот каков сухой остаток. Мы можем сделать шаг назад, отключить наши эмоциональные привязанности

и попытаться увидеть вещи такими, какие они есть. Нелегко всматриваться в туман. Мы должны хотеть всматриваться, знать, куда всматриваться, и быть способными на это, пусть даже мы будем вознаграждены не ясным видением объекта нашего внимания, а осознанием, что единственное, что скрывается за клубящимся туманом, — еще больше тумана.

ЧТО НА ОБЕД

Пусть, пусть я болтун, безвредный, досадный болтун, как и все мы. Но что же делать, если прямое и единственное назначение всякого умного человека есть болтовня, то есть умышленное пересыпанье из пустого в порожнее.

Ф. Достоевский, «Записки из подполья»

О чем это я думал? Ах да, обед. Что там будет вкусного? Фондю? Фондю. Фондю? Можно сделать фондю. Люди еще готовят фондю? Мы готовили фондю, когда? В семидесятых? Семидесятые, боже. Картер, власть, отключение света. Форд, газ, Никсон. Диско. Боже. Сыр? Сырное фондю? Фу, гадость. Мясное фондю? Гадость. Шоколадное фондю? Не думаю, что делали шоколадное. С чем, с пастилой? Звучит отвратительно. Мы правда это ели? Я нет.

«О черт, ключи забыл?»

Нет, идиот, вот они, висят на чем-то. У нас была эта красная эмалированная фондюшница с такими длинными острыми заточенными штуками. Она работала на спирте из жестянок, который бомжи пьют.

Правда? Звучит как-то неправильно. Никогда не смотри в глаза бомжам со станции, сынок, иначе они от тебя не отцепятся. Бомжи уже не те.

Нужны новые полотенца. Горячее масло и шампуры, боже, фондю правда опасно. Детей к такому и близко нельзя подпускать. Не в наши дни. Интересно, где она. Наверное, в подвале, на полках, в ящике с пометкой. Мы пользовались ей тем вечером, когда на маме было зеленое платье. Мясо. Фу. Другая одежда тоже была зеленая, или синяя, а может серая. В подвале, в ящике с пометкой. Пропало. Куда пропало? Новый дом. Помойка. Свалка. Она еще существует? Сломалась. Заржавела. Может, и нет ее больше. Просто исчезла. Как и не было. Исчезла. Пропащая пропажа. Ее не было, потом была, потом опять нет. Просто память, просто мысль. Довольно глубокие мысли. Я могу быть глубоким. Этот парень собирается возвращаться?

«Давай, приятель. Первый день? Ты справишься. Молодец».

Может, где-то на полке, среди старья. На ней должно быть предупреждение для детей. Не проливайте кипящее масло на колени. Иск.

«Не ждите их, идите. Ой, извините. Это я виноват».

Вещи из моей жизни стали антиквариатом, вот что странно. Наверное, кое-что. Китч семидесятых. Китчевый китч. Кое-какое кое-что. Выкинулось. Доброжелательное что-то. Добрая воля. Кто выкинул это? Чья это работа? Выкидывать чье-то барахло вот так? Уже семь? всю жизнь копилось, и вот в один прекрасный день уходит, и у них есть люди для этого. Загрузить в кузов. Отвезти барахло. Свалка. Пятьдесят центов. Может, в другом подвале теперь. Если еще существует. Еще красное. Музей. Музей мусора. Полка. Если еще существует на свете? Фондю? небезопасно. Мы не делаем фондю на обед. Ты произносишь это, и все вспыхивает. Вечно нужна мазь от ожогов из-за сраного фондю. Теперь подумай, что на самом деле. Думай. Что? А, ребрышки. Ребрышки? Ребрышки. Ребрышки? Ребрышки. Хорошо, ребрышки. Заказать их, забрать их. Все в жиру. Собаки счастливы. Все счастливы.

Такой бардак.

«На что ты смотришь, приятель? Попробуй на себя. Кто тебя за руль пустил?»

Ребрышки? А это здоровая пища? А бывает такое? Кто знает? Что поделаешь? Можно попробовать есть здоровую, но кто знает. Масло полезно. Масло вредно. Не уследишь. Что толку пытаться? Кофе, красное вино, шоколад, заткнитесь. Они говорят, что знают, но нет. Никто ничего не знает.

«Ну ладно, леди. Я один тут знаю, как машину водить? Давайте поднажмите, ребята».

Мне, наверное, нужно пить сырое молоко, но это же отвратительно. Коровье или козье? Человечье? Фу. Почему человечье звучит отвратно? Коровье или козье должно звучать отвратно. Человечье должно звучать нормально. А звучит отвратно. Не хочется воображать себе молочный завод. Который час? Черт, я пропустил свою очередь? Может, надо вслух.

«Черт».

Где моя голова? Питаться правильно, отвратно. Все по отдельности не может быть отвратным. Вот, ребрышки на знаке. Хороший знак. Мироздание велит мне купить ребрышек. Зачем они вернули ребрышки в макдональдсе? У них ребрышки дрянь. Глянь на картинку. Это мясо отвратительное. Что остается? Маринованные огурчики. Небось детишки умерли, пока эти огурцы собирали. Детки, собирающие огурчики. Бедняжки собиратели огурчиков. Боже, я что, расстраиваюсь? Надо включить радио, чтобы не слышать эти идиотские мысли все время. Вкусного хлеба больше не найти. Люди вообще больше не знаю, что такое хлеб. Съедобная губка. Интересная мысль. Я интересный парень. Я люблю ребрышки. Ребрышки это вкусно. Не отвратно. Может, жадная фармкорпорация пожалела Монсанто гликозиля эстрогена, от которого рост ускоряется, так что у рыб мозги наружу, но не отвратно. Окей, ребрышки. Довольно хорошая мысль.

Я хороший мыслитель. У меня проблема, я думаю об этом, я нахожу решение. Что на обед? Ребрышки! *Бац!* Хорошая работа. Просто сосредоточиться и сообразить. Зачем эта свалка с миллионом глупых мыслей.

«Нельзя на красный? Серьезно?»

Боже, что это? А, голод. Ребрышки. Так, окей, значит ребрышки. Вот как ты принимаешь решение. Сколько в жизни приемов пищи? Пятьдесят тысяч? Окей, в это раз ребрышки. Успокоиться. Расслабиться. Ни магазина. Ни тележки. Ни людей. Ни очереди. Ни бумаги, ни пластика. Боже, не говори мне. Все эти разговоры абсолютно не нужны. Хорошо в машине, тихо, никто не вопит все время. Думать в машине лучше всего. Ребрышки вкусные, хорошая мысль. Завтра вечером будет люцерна. Что такое люцерна? Это еда? Парень с волосами. Спанки? Нет, Люцерна. Понятное дело. Что за черный парень? Их было немного. Гречка? Эдди Мерфи. Это расизм? Может, это не гречка была. Гречишные блины и салат из люцерны: Спанки, Дарла, маленькая Баретта, Фрогги и тот пацан. Я расист? Не знаю, что это. Может, все расисты. Если все расисты, то никто не расист, и все успокаиваются. Проблема решена. Что не так с миром? Это я? Ребрышки расисты? Боже, я не думаю об этом. Лапша? Лапша расист? Зависит от сорта, наверное. Нужен перерыв. Окей, это чей-то маленький расист, наверное. Или, может, думать, что это расист, это расизм, а может, не знать об этом. Какой я расы? Белые раса или отсутствие расы? Такое надо знать.

«Нет места на парковке. Поехали вместе. Вот хороший чел».

Возможно, раса. Кавказоидная? Окей, чересчур. Нельзя через это проходить каждый раз, чтобы поесть. Пятьдесят тысяч. Это много. Не скажу, что это много для каждого в отдельности. Попробуй думать о чем-нибудь полезном. Это место с ребрышками открыто по понедельникам? Сегодня не понедельник.

Надо выкинуть все лишние мысли и просто принять решение. Так должен поступать каждый, и во всем станет больше смысла. Ты не такой сумасшедший. Вся эта штука с Ближним Востоком — безумие. И новости тоже. А что насчет спорта? Черт.

«Эй, эй, эй».

Черт, язык прикусил? Когда это случилось? Надеюсь, я не подхвачу эту штуку. Ох, тут коп, спокойно. Веди себя нормально. Круто? Круто. Смотрит на меня? Не смотрит. Окей, ушел. Люди еще говорят «круто»? Ну и тормоз. Какой тормоз? Шестидесятые, какая движуха, все пропустил. Где я был? Ах да, новости и всякие новостные штуки и все штуки в новостях. Боже, я не люблю думать о новостях, о любых новостях. Была одна вещь в новостях, тот парень делал эту штуку, было хорошо, но я собираюсь чихнуть. Вот оно. Куда оно делось? Россия? Россия в новостях, Греция, Непал. Непал? Это где? Что там еще? Бангладеш? Бутан? Да, Бутан. Бунай? Это место? Бруней? Это страна? Бхопал. Это город. Это где у них эта штука была, злая корпорация потравила людей газом.

«Да ладно, народ, давайте соберемся. Вы, девушка с телефоном, думаю, вы лучше справитесь».

Какой штраф за сбитого пешехода? Мог бы позволить себе несколько. Боже, хорошо, что никто не слышит, что я думаю. Они бы думали, что я мудака. Вот блин, расистский мудака. Вот блин? Вот блин. Гоблин. Гоблин? Дублин. Дублин? Это город. Всегда попадается в кроссвордах. Эму? Нелетающая птица. Боже, тут, похоже, семь букв. Неплавающая рыба? Негуляющая собака? Кроссворд путает слова. Они больше никогда не пригодятся. Иудейские месяцы? Что? Я должен их помнить? Один тупой незаполненный квадратик остался, потому что я не знаю среднего имени осла матери жены Исава? Заткнись. Я наказываю себя, что не знаю этого? Насколько я хорош хочу быть с кроссвордами? Что, самый лучший? Зачем? Потом я буду ездить везде

как самый лучший разгадывальщик кроссвордов? Ну и отстой. Хорошего хорошо понемногу. Хороший девиз. Не отличный девиз, просто хороший.

«Хорошего хорошо понемногу».

Звучит хорошо, звучит мудро. Боже, у тебя столько всего, о чем можно подумать, ты не можешь болтаться и быть супермастером всего на свете и всегда. Может, одна или две вещи, но не всего. Хорошего хорошо понемногу.

«Боже, что это за запах? Это от меня?»

Ох, нет, это тот грузовик, слава богу. Хорошего понемногу. Хорошего хорошо понемногу. Это хороший девиз. Супер-девиз, супер-шмупер. На майке сделать. Тату. Где? В каком-нибудь месте, чтобы не выглядело глупо, когда я буду старый и толстый. Насмешил на вскрытии. Плечо. Нет, должна быть мама, или флаг, или какой-нибудь крутой китайский символ, что-нибудь глубокое, и не говори. Аборигены. Могу поспорить, у них крутые символы. Аборигены негроиды? Австралийские. Выглядят негроидами. Негроид это расизм? Нет, это название расы, не так ли? Негроид, кавказоид, ромбоид, тироид, дельтоид. Эскимосы кто? Монголоиды? Боже, это точно расизм. Я эскимосский расист? Лицо Майка Тайсона. Дерьмо, опять эта штука про черных. Вот блин, у меня штука про черных? Вот блин? Гоблин? Дублин? Тату плохо смотрятся на черных людях. На белых тоже. Выглядит, как родовые метки. Пометки. Отметки. Фондю отменилось. Как бы мама выглядела на тату? Или тату на маме? Или тату мамы на маме? Почему женщины не набивают тату с мамой? Почему я пью столько кофе? Мне это хоть нравится? Я не знаю, что мне нравится.

«Не та полоса, маэстро».

Мне нравится Эллиот Гульд, но мне не нравится он как он, мне просто нравится. Это не странно. Марлоу и Соколиный Глаз это другое. Кофе мне полезен. Может быть. Возможно, вреден. А, вот она, эта картинка.

Зеленое платье? Черно-белое. Где это было? В клубе? Может быть. Мне это приснилось? Где это теперь? Ящики. Ящик с какой-то пометкой. Возможно, фото. Подвал, полки, фондюшница, выкинули. Странно. Чешется? Чешется. Чешется? Почему у меня ребра чешутся? Да, ребра. Вселенная напоминает. Умница вселенная. Дальше налево. Сделать звонок. Да, окей. Ребрышки. Ребрышки? Мочалка. Мочалка? Откуда ты знаешь, когда менять мочалку? Боже, спорю, эти штуки отвратительные. Ни к чему нельзя присматриваться вблизи. Может, почистить их. Может, прокипятить? Кипяченая мочалка. Выглядит, как лапша. Есть хочу. О чем я думаю? А, да, обед. Что бы такого вкусно придумать? Фондю. Фондю? Фондю. Нет, погоди...

АЛИСА В МАТРИЦЕ

Большинство людей верит, что ум — это зеркало, более или менее верно отражающее мир снаружи них, не осознавая, что все наоборот: мир сам по себе и есть основной элемент творения.

Рабиндранат Тагор

— Догадываюсь: сейчас ты чувствуешь себя Алисой, падающей в кроличью нору.

— Да, — сказала Алиса с наигранной скромностью, — можно и так сказать.

— Это как заноза в твоём уме, — произнес лысый чёрный здоровяк в зеркальных очках, сидящий в протертом кожаном кресле напротив. Алиса посмотрела вниз и увидела, к своему ужасу, что её синее платье с буфами и белым передником и туфли на завязочках сделаны теперь из блестящей чёрной кожи.

— Что именно как заноза в моём уме? — спросила она. — И кто, позвольте спросить, я такая? И где, также позвольте спросить, я нахожусь? И как, позвольте спросить наконец, я сюда попала?

— Меня зовут Морфеус, — сказала огромное одетое в кожаную одежду существо. — А это, — добавило оно с драмой в голосе, — Матрица.

— А что такое, — спросила Алиса столь же драматично, — Матрица?

— Это, — ответил лысый верзила, — вопрос.

— Я знаю, что это вопрос, — почувствовала раздражение Алиса. — Я как раз задала его. Как я сюда попала?

— Ты никогда не бывала где-то еще.

Алиса вытянула шею, внимательно осмотрела комнату и обнаружила, что она ей не слишком знакома.

— Я не о комнате, — сказала последнее прибавление к вечно расширяющемуся зоопарку воображения Алисы, — о мире, о реальности, обо *всем*.

Алиса хмыкнула, скрестила маленькие ручки и усе-лась поглубже в кресло.

— Ты выглядишь, как маленькая девочка, которая ничему не удивляется, потому что ждешь, что вот-вот проснешься. Ирония в том, что ты недалеко от истины.

Алиса, как и все начитанные девочки ее возраста, точно знала, что означает слово «ирония», и то, что как раз сейчас ей не удалось вызвать из памяти его значение, только усилило растущую в ней досаду.

— Позволь рассказать, почему ты здесь, — сказал Морфеус, имя которого, если Алису не подводила память, означало не то Бог Сновидений, не то Смерть От Скуки.

— Уж будьте любезны, — коротко сказала Алиса, чувствуя, что этот разговор можно было бы промотать на куда большей скорости.

— Ты здесь, потому что ты кое-что знаешь.

— А и правда-корявда, — попыталась внести в этот разговор хоть каплю веселья Алиса, поскольку ускорить его не было никакой возможности. — Да, правда-корявда, знаю! [...]

— Да, но то, что ты знаешь, ты не можешь объяснить, — продолжил Морфеус. — Ты рабыня. Ты была рождена в неволе, в тюрьме, которую нельзя понюхать, ощутить на вкус или коснуться. В тюрьме для твоего разума.

«Шляпник, конечно, был сумасшедший, — подумала,

ерзая, Алиса, — но эта тварь дала бы ему фору».

— Но ты чувствуешь, — продолжал Морфеус в ответ на ее жест руками, — ты чувствуешь это всем своим...

— Послушайте, я прошу прощения, но не могли бы вы позволить мне быть столь непростительно грубой, чтобы прервать вас, — сказала Алиса, не в силах раздобыть в себе еще одну капельку терпения. — Я вижу, вы приготовили замечательную речь, но все же не будет ли для вас слишком мучительным перейти к чему-нибудь более содержательному?

Алиса, наклонив голову, наблюдала, как смуглый гигант перематывает документ у себя в уме, бормоча: «Эээ, да, конечно, давай посмотрим, эээ, что-то не так с миром... ты не знаешь, что... как заноза в уме...»

— Да! — воскликнула Алиса с веселым хлопком в ладоши. — Думаю, это как раз то место, когда я вошла. И почему же именно у меня в уме эта нехорошая заноза?

«...Сводит тебя с ума», — закончило бормотать забавное создание.

— Все еще заноза? — спросила Алиса. — Да, слегка сводит с ума. Так мы могли бы поднажать?

— Ты знаешь, о чем я говорю?

«О боже! — воскликнула про себя Алиса, — это существо хуже Гусеницы, когда дело доходит до сути!»

— Что ж, — сказала Алиса самым своим вежливым тоном, — возможно ли, что речь идет об этой штуке, Матрице, которую вы давным-давно упоминали?

— Хочешь ли ты знать, что это такое?

Внешне Алиса оставалась спокойной, но при этом едва сдерживала нарастающую волну раздражения.

— Да, м-р Морфеус, если вас это не слишком затруднит.

— Матрица везде, она вокруг нас, даже в этой комнате. Это мир, который натянут на твои глаза, чтобы не дать тебе узнать правду.

— Да, что ж, хорошо, да.

— К сожалению, — сказал Морфеус, — никому

нельзя объяснить, что такое Матрица.

Алиса воспользовалась возможностью, предоставленной драматической паузой Морфеуса, чтобы сделать глубокий вдох и медленно сосчитать до десяти.

— Вот с этого и можно было начать, не так ли? — сказала Алиса...

— Ты сама должна это увидеть.

«Длиннее всего те дороги, что ведут к началу», — подумала Алиса и отметила про себя, что это высказывание неплохо бы записать на тот случай, если оно мудрое.

Морфеус держал красную пилюлю в одной руке и синюю в другой.

— Позвольте догадаться, — сухо сказала Алиса. — Одна таблетка сделает меня больше, а другая меньше?

— Это твой последний шанс, — сказал Морфеус. — После этого пути назад не будет... Ты выбираешь синюю пилюлю, и истории конец. Ты проснешься в своей кровати и будешь верить в то, во что веришь.

Алиса нетерпеливо заерзала крошечной ножкой.

— Ты принимаешь красную пилюлю и остаешься в Стране Чудес, а я покажу тебе глубока ли кроличья нора.

Алиса даже съежилась от того, что ее собственные приключения используются в качестве такой жалкой метафоры.

— Помни, — торжественно произнес Морфеус, — все, что я предлагаю, — это правда. Ничего больше.

Этого бедная Алиса уже не могла стерпеть.

— Мой дорогой м-р Морфеус, — сказала она, — пусть это останется между нами, но, боюсь, это именно вы, сэр, понятия не имеете, насколько глубока кроличья нора. Вы похожи на человека, который проехался из одного города в другой и решил, что достиг пределов мира. Я прошла целые миры и думаю, что мне еще только предстоит покинуть дом. Это вам, м-р Морфеус, следует проглотить вашу красную пилюлю, а потом

еще одну, и еще, и еще. Путешествие в тысячу миль *начинается* с единственного шага, но не заканчивается им. Вы болтаетесь, вцепившись в корни, в самом начале норы, мой многословный друг, и я предлагаю вам разжать руки и *самому* узнать, насколько глубока кроличья нора.

Произнеся эту тираду, Алиса в первый раз заметила зеркало рядом со своим креслом. Он потянулась, чтобы дотронуться до него, и увидела, что пальцы исчезли за рябью зеркальной поверхности.

— Слава богу! — взвизгнула она и просочилась в зеркало, чтобы продолжить свое путешествие.

ПОВЫШЕНИЕ В ЗВАНИИ

Возможно, все драконы в нашей жизни — это принцессы, которые только и ждут, чтобы однажды увидеть нас прекрасными и храбрыми.

Райнер Мария Рильке

Мы ожидаем бурю с юго-запада: наши кресла развернуты в ее сторону и мы устраиваемся поудобнее. В предыдущую нашу встречу мы вспоминали ее отца, и теперь продолжили с того же места, словно и не было перерыва в две недели.

— Моего отца беспокоило, что он не понимает тебя, — говорит Лиза, как только мы уселись и и речь зашла о нашем прошлом. — Думаю, он считал, что ты можешь оказать дурное влияние на меня и Мэгги. Он слегка потерялся после смерти моей матери. Ему всегда не хватало собранности, особенно в сравнении с ней, но я помню, что он казался взволнованным, когда речь заходила о тебе, о твоём участии в жизни его семьи, будто он мог призвать что-то, с чем не справился бы, как в «Ученике чародея». Интересно, пожалел ли он об этом?

— Нет, — говорю я.

— Нет что? Не пожалел?

— Я не принимал участия в жизни твоей семьи.

— Ну, я имею в виду через тексты или как-то так. Когда он работал над продолжением

«Космического сознания» и наткнулся на твои книги.

Я замираю, как человек, который услышал щелчок и задумался, не наступил ли он на мину.

— Это не совсем то, что произошло, или этого не происходило до некоторых пор. — Я выжидаю момент, чтобы обдумать ситуацию. — Я думал, ты все знаешь. Сначала со мной связалась твоя мать. Твой отец узнал обо мне от нее.

— Моя мама? Нет, не думаю. Ты никогда даже не видел ее. Моя мама? Ни за что.

Я жду.

— Что, ты шутишь? Моя мать? Ты знал мою мать?

— Лично не знал. У нас был недолгая переписка, в которой речь шла, технически говоря, о ее отце.

— Лучше замолчи, — советует она.

Я-то молчу, это у нее рот не закрывается.

— Ни за что, — трясет она головой. — Нет, я очень в этом сомневаюсь.

Она долго смотрит на меня, потом встает и начинает шагать, то и дело останавливаясь. За ней темные тучи обещают бурю, но медлят с ее началом.

— Боже, Джед, о чем, черт возьми, ты говоришь? У тебя тайная история с моей семьей?

— Я думал, ты знала.

— Знала *что*? — спрашивает она настойчивым адвокатским тоном.

— После того, как вышла первая книга, твоя мать связалась со мной с кое-какими вопросами о своем отце.

Она смотрит на меня так пристально, как только она умеет.

— Ты со мной шутики шутишь? Ее отец погиб на войне, на испанской гражданской войне. Моя мать была похожа на самого израненного человека на свете, а ты похож... Я даже не знаю, что ты такое. Я не могу даже представить тебя и мою маму в одном... да хоть в чем.

— Мы никогда не встречались. Твоя мать написала мне письмо. У нее были вопросы, и она думала, что я мог бы помочь с ответами.

— Она думала, что у тебя могут быть ответы? И ты ответил?

— Да.

— На какие вопросы?

— У нее была пачка писем от ее отца, с войны. Ты знала о них?

— Нет.

— Это были письма, которые ее отец написал ей, пока был на войне. Они явно были очень важны для нее, но она никогда не понимала, о чем они на самом деле. Каким-то образом ей попалась «Прескверная штука», и возникла идея, что я мог бы быть полезен.

— И ты помог ей?

— Да.

— Боже, я никогда не знала ничего такого. Всегда думала, что это мой отец нашел тебя по поводу писем о философии и учебного курса на основе твоей книги, который он задумал сделать бесплатным, легкодоступным и вообще.

— Нет, это была твоя мать, на несколько лет раньше. Потом отец начал присылать мне письма по электронной почте, потом твоя мама умерла, но я не знал об этом. Все это случилось пятнадцать лет назад. Думаю, так все и было.

— Боже, я не могу это переварить. Знаешь, семья моей мамы была из испанской знати.

— Да, я догадался.

Майя запрыгивает на шезлонг и сворачивается в клубок у меня между ног. Я треплю ее за уши и наблюдаю, как Лиза пытается осмыслить эту новую главу в своей истории.

— Ее отец, — сказала она. — Я, очевидно, никогда не видела его, но он был из аристократии или что-то вроде этого, землевладелец. Она правда никогда не

говорила о нем. Ей было вроде как два или три года, когда он умер, и ты, значит, говоришь, что он писал письма младенцу?

— Полагаю, да.

Она шагает, думает, переваривает, переспрашивает меня. Даже забавно за этим наблюдать.

— Ее семья перебралась в Америку после его смерти. Им пришлось бежать от Франко. Они потеряли все. Ты знаешь об этом?

— Не припомню.

— Правда? Я думала у тебя та еще память, стихи и все прочее. А что насчет писем? Их ты помнишь?

— Она мне их прислала. Они были на кастильском наречии, разумеется, и в довольно плохом состоянии физически, как ты можешь догадаться. У меня был человек, который прочитал их мне, и я ответил твоей матери на ее вопросы. Это не заняло много времени. Я написал ей письмо, она прислала короткое письмо с благодарностью, и все. Спустя несколько лет стали приходить письма от твоего отца, который, полагаю, узнал обо мне от нее».

— Эти письма все еще у тебя?

— Нет.

— Ты не оставил их?

— Я ничего не оставлял, — говорю я. — Ну, — добавляю, теребя нос Майи, — принадлежащего ей.

— А как моя мама могла найти твою книгу?

— Понятия не имею. Она попросила, вселенная ответила.

— И ты отправил ей обратно письма ее отца?

— Да.

— Я перебрала все ее вещи, но не видела их.

— Может, она развела небольшой костер и бросила их туда?

— Зачем бы ей так поступать?

— Я просто предположил, но точно не знаю, что она могла с ними сделать.

— С чего бы тебе такое предположить?
 — Горят хорошо.
 — Ого. И ее устроили твои объяснения по поводу писем отца?
 — Разумеется.
 — *Разумеется?*
 — Мои объяснения были несомненно верными. Возможно, она и сама все понимала, когда связалась со мной, но ей нужно было подтверждение. Это довольно очевидно.
 — Что очевидно? Что ее отец не любил войну? Что скучал по маленькой дочери?
 Вдалеке вспыхивает молния. Гром скорее чувствуется, чем слышится.
 — Эти письма были процессом духовного саморазрушения [autolysis] твоего деда. Не просто записями о его перерождении, но и средством перерождения. Каким-то образом твоя мама услышала о духовном саморазрушении — она использовала это понятие в своем письме, — нашла меня, спросила, и я ответил ей — да, ее отец проходил через тот же процесс, что описан в «Прескверной штуке». Процесс принял форму писем, адресованных маленькой дочери, но на самом деле там описывалось, как он разрушал собственное эго.
 Она смотрит на меня тем же тысячемильным взглядом, который я заметил еще много лет назад. Я жду.
 — Ты имеешь в виду, что мой дед был, ну, просветленным? Как ты?
 — Зависит от того, как долго он прожил после того письма, что я видел, но я бы сказал да, он, вероятно, полностью завершил начальный процесс. Повысился в звании, в некотором роде.
 — Я имею в виду — *просветленный* просветленный? В твоем смысле этого слова? Вроде как пробудившийся ото сна? Осознавший Истину и все такое?
 — Да, с учетом того, что это на самом деле не имеет отношения к духовности. Это естественный

жизненный процесс, и, однажды начавшись, он не останавливается.
 — Но почему? Из-за войны?
 — Определенно это один из факторов. Экстремальные обстоятельства благоприятны для пробуждения. Война была чем-то вроде реальности в концентрированном виде, намного более интенсивной, чем, скажем, сидение в ашраме или вроде того.
 — А какие там еще были факторы?
 — Понятия не имею. О боже, это уже слишком.
 Она пьет свое вино и садится. Она садится и снова встает. Она садится, положив руки на бедра, словно собирается наброситься на меня с бранью, потом опять начинает шагать. На ее фоне даже наша буря уже не так заметна.
 — По большей части письма были очень бурными и явно не предназначались для ребенка, — продолжаю я, — и все же это действительно были письма к дочери. Похоже, что это была его реакция на ряд все более мощных откровений, которые снисходили на него слишком быстро, чтобы с ними справиться, и он был вынужден обратиться к их записыванию. Возможно, письма служили не только для размышлений, но и для переваривания вулканирующих эмоций. Может, он взрывался, чтобы выразить то, через что проходил, но не мог поделиться этим с однополчанами, и поэтому записывал то, что изливалось из него, едва скрывая это под видом писем к маленькой дочке.
 — Но почему? Зачем скрывать это все? Почему просто не писать дневник?
 — Процесс духовного саморазрушения, использование письма, чтобы сосредоточить и усилить силу нашего разума, чтобы переварить все более мощные и сложные эмоции, естественным образом совершенствуется, если намеренно выполняется для кого-то определенно, но этот кто-то необязательно должен на самом деле это читать или отвечать. Наоборот, так даже лучше.

Я делал это, словно писал книгу для воображаемых читателей. Я написал больше десятка черновиков и сжег их все. Мелвилль писал это как книгу с одним большим запутанным черновиком. Некоторые люди адресовались ко мне. Ребенок — настоящий или воображаемый, невидимый друг, идеализируемый наставник, кто-то из прошлого: это помогает почувствовать, что ты на самом деле чему-то учишь и чем-то делишься, и тогда процесс работает намного лучше, чем если бы я просто делал это для себя. Когда ты погружаешься в это, то чувствуешь, что так и должно быть.

— А этот опыт, у деда, был похож на твой? Не такой, как у меня?

— Да, опыт твоего деда был очень усилен обстоятельствами. Возможно, он пережил бурное пробуждение еще до того, как стал писать. Письмо было его попыткой найти смысл по ходу развертывания процесса.

— Звучит так, будто он был его жертвой.

— Так всегда и бывает.

Ее рассказивание противоречит тихому вечеру, огню и вину. Думали, будет буря, а она упорно не приходит. Если бы я мог сделать заставку, как на экране компьютера, то это была бы драма: цифровой Просперо, призывающий бурю.

— Так это просто совпадение, что я прошла через эту свою штуку и появился ты, а теперь мой дед, которого я никогда не видела, — и он каким-то образом... Нет, правда? Это все одно большое совпадение?

— Я не случайность, как ты предполагаешь, я не кто-то незаконномерный или неправдоподобный. Я, скорее, паттерн.

— В смысле?

— Для меня, с моей перспективы, все является совпадением, все течет вместе. Это гармония, энергетическое равновесие, узор.

— Хорошо, хорошо, и это касается всего? Бог ты мой, а еще что есть?

— Присядь, пожалуйста.

— Что?

— Может, тебе будет удобнее присесть? — говорю я.

Она снова упирается в меня своим взглядом и не садится. Я все равно продолжаю.

— Ладно, у меня действительно слабая память, как мышца, которая больше не используется. Моя еще та память, как ты ее назвала, из тех времен, когда я был ребенком, и тогда она не была настолько странной. Поэзия теснит музыку в моей голове, и я оставляю ее. В основном, когда я был молод, но и позже тоже, как в последнем письме твоего деда, которое я запомнил, наверное, потому, что оно не было частью процесса, это было прощание с кем-то очень важным для него, в его мыслях, в его самые тяжелые времена.

Теперь она села.

— Ты помнишь его последнее письмо?

— Сделал копию. Я носил его с собой и прочитал всего один раз. Оно застряло у меня в голове.

— По-английски или по-испански?

— По-испански. Я не помню точно, но основной смысл ясен. Думаю, он знал, что достиг конца процесса и в принципе понял, что покончил со своей жизнью. Такое у меня ощущение.

— Хорошо. Боже. Можешь его мне пересказать?

— Возможно, что-то забылось или изменилось со временем, но я могу попытаться.

Я пробегаю по своим мыслям, чтобы убедиться, что оно на месте. Откидываюсь, закрываю глаза и читаю по своей странной памяти, а она переводит с помощью своего посредственного испанского.

— *Querida Izzie*, — говорю я.

— Моя дорогая маленькая Изабель, — вторит она.

— *Ma temo que esta debe ser la última carta que te escriba.*

— Боюсь, что письмо, которое я тебе пишу, последнее.

— *Has sido para mí fuente de gran felicidad en vida y de gran tristeza ahora que tengo que dejarla.*

— Ты была в моей жизни источником огромного счастья, а теперь великой печали, потому что я должен уйти.

— *Te ruego no te estrictezcas por mí, sino que atesores mi recuerdo y pienses en mí en los momentos tranquilos.*

— Я прошу тебя не печалиться обо мне, но помнить меня и думать обо мне в самые безмятежные твои минуты.

— *He cambiado y ahora soy distinto a la última vez que te besé las mejillas y la frente.*

— Я изменился и теперь уже не тот, что был в последний раз, когда я целовал твои щечки и лобик.

— *Ojalá pudiera decir que he ganado algo de sabiduría para poder dejarte en herencia, pero soy menos sabio ahora de lo que lo he sido nunca.*

— Жаль, нельзя сказать, что мне удалось достичь какой-нибудь мудрости, чтобы оставить ее тебе в наследство, но я теперь менее мудр, чем был когда-либо.

— *Vive tu vida, ángel mío, sé valiente y feliz y recuerda reír y bailar y confiar siempre en tu corazón.*

— Живи своей жизнью, мой ангел, будь храброй и счастливой, не забывай смеяться и танцевать и всегда доверяй своему сердцу.

— *Algún día tendrás un bebé y entonces conocerás la alegría que trajiste a mi corazón.*

— Однажды у тебя родится ребенок, и ты познаешь радость, которую подарила моему сердцу.

— *Adiós, mi hija querida. Tu padre que te quiere.*

— Прощай, мое дорогое дитя. Любящий тебя отец.

* * *

Лиза сидит несколько мгновений, перед тем как вскочить и уйти в дом. Вот и буря, на несколько минут задержавшая свою реплику. Я повторяю про себя испанский текст, словно песню.

ИНОСКАЗАНИЕ О КОЙОТЕ

Разве может койот выбраться наружу, не пробив стену насквозь? По-моему, подsunутая мне кукушка и есть та стена. Иногда я думаю, что там, за ее пределами, ничего нет, но и довольно на этом.

Она ставит передо мной задачу, она делает меня цельным, я вглядываюсь в ее невероятную силу и непостижимое ехидство, укрепляющее эту силу.

Эта непостижимая вещь — то, что я больше всего ненавижу. И будь кукушка агентом зла или будь она самым злом, я обрушу на нее эту ненависть.

Вайл И. Койот, гений

Сидишь ты в один прекрасный день в том состоянии, что мы называем спящий-в-сновидении, в недоосознанном, обычном дневном сознании. Что с ним не так? Ничего с ним не так. Что может быть не так, если это просто видимость? Нет более высоких или более низких состояний, только различные состояния. Нет никакого лучшего места, чем то, где ты есть. Пока ты думаешь, что оно есть. Тогда оно есть.

А сейчас по какой-то причине ты думаешь, что оно есть.

И вот что-то меняется. Обнаруживается, что твоя так называемая нормальная жизнь — на самом деле какая-то странноватая, не совсем такая, как тебе казалось. Пока не случилось это маленькое пробуждение,

ты жил обычной повседневной жизнью, но теперь она уже не кажется такой нормальной, да и сам ты тоже. Теперь ты должен отступить от своей жизни на шаг, один маленький шаг, и вот ты в замешательстве от того, что тебе открылось.

Во-первых, кажется, ты провел непомерно много времени, гоняясь за нелетающей птицей. Во-вторых, сдается, ты живешь в бескрайней пустыне, которую населяют только ты, эта птица, грузовик и время от времени неуместный локомотив. По мере исследования своего положения обнаруживается, что ты прямоходящий койот и что еще более странно — мультяшка. И вот ты смотришь свежим взглядом и видишь, что вся твоя жизнь целиком — это мультик, что довольно необычно. Как ты *этого* раньше не замечал? На самом деле сейчас, когда ты *видишь*, ты не можешь поверить, что это можно было не замечать. Ты провел всю жизнь, не обращая внимания на то, что ты мультяшный койот в мультяшной пустыне, гоняющийся за мультяшной птицей, и тебе в достижении твоей цели помогает мультяшная фирма, предоставляющая по первому требованию любые птицеубийственные приспособления, какие только пожелает твое коварное сердце.

* * *

Все, что сильнее всего сводит с ума и терзает, все, что взбалтывает муть вещей, вся истина с ехидством в ней, все, что рвет сухожилия и поджаривает мозг, вся утонченная чертовщина жизни и мысли, все зло для безумного Койота было зримо воплощено и очевидно уязвимо в кукушке-подорожнике. Он направляет на птицу с фиолетовым оперением всю сумму ярости и ненависти, пережитой в ходе этой гонки. А потом, будто его грудь стала мортирой, он выстреливает в нее Птичьим Зарядом АСМЕ.

* * *

Что приводит к другому вопросу: почему ты вообще преследуешь эту птицу? Почему все твое существование вращается вокруг такого смехотворного предприятия? Тобой движет явно не голод. Если ты можешь заказать роликовые коньки на ракетной тяге, то сможешь позволить себе и курицу-гриль с салатом из капусты, жареной картошкой и немножко десерта. Что движет тобой в этом безумном необъяснимом влечении? Ненависть? Любовь? Похоть? Это? Почему здесь нет миссис Койот? И когда именно ты решил сделать преследование птицы с бибикающей задницей делом всей своей жизни? Ты не помнишь такого решения, это просто то, что ты делаешь. Сдается, ты заметил, как много тут принято всяких решений, а ты не тот, кто их принимал.

«Если я не решал, что мне делать со своей жизнью, — кумекаешь ты, сидя на скале в позе мыслителя, — тогда чья это жизнь? Я воображаю, что обладаю свободной волей, но кто этот я, о котором я говорю? Это Койот, Койот? Это я, Бог, или тот, кто поднял эту лапу?»

Ты поднимаешь лапу, но не получаешь ответа.

«И что, — продолжаешь ты в том же духе только что проснувшегося любопытства, — если весь этот мультик дерьмо собачье? Невозможно, чтобы это было верно. Действительно ли существует только восемь цветов и два измерения? Есть во всем этом что-то некошерное».

Возможно, ты не видишь, что реально, но начинаешь видеть, что нереально, и это нереальное практически везде.

«На самом деле, — осознаешь ты, — меня как минимум нужно было накачать наркотиками или как-то вывести из строя или обмануть, чтобы я думал, что эта смехотворная мультяшная вселенная реальна».

Если вдуматься, тебе всегда казалось странным, что птица может забежать в нарисованный туннель, а ты врезаешься в него, как в стену, причем за секунду до того, как оттуда появляется целый поезд с цистернами и размазывает твою уже размазанную задницу. И что с гравитацией каждый раз, когда ты летишь с обрыва? А способность вытаскивать уже готовые и соответствующие ситуации знаки из своей задницы? Ах, *ох!* А что насчет всех этих капканов, которые не срабатывают на птице, зато отлично срабатывают на тебе? Сколько раз тебя размазывало, взрывало или сжигало до угольков? Это происходит каждый раз, и каждый раз, когда это происходит, ты собираешься, отряхиваешься от пыли и начинаешь заново.

«Бред собачий! — кричишь ты наконец, — бред собачий!»

И правда бред собачий. Может, ты и не знаешь еще, что реально, но теперь знаешь, что нереально, и вся эта штука, которые ты всегда считал своей жизнью, определенно ей не является. Ты всегда считал себя обманщиком, но вечно оказывался обманут.

«Здесь должно быть что-то еще, кроме того, что видно глазу, — рассуждаешь ты, поскольку впервые воспользовался своим мозгом для чего-то не запрограммированного заранее. — Здесь должно быть что-то еще, — продолжаешь ты, — создатель, проектировщик, великий дизайнер, высший разум... что-то за пределами этого. Должно быть что-то *большее*».

* * *

Ты еще не знаешь что, и, возможно, тебе потребуются больше времени для обработки информации, но ты уже разрушил вселенную. Вот так просто, так легко, ты сделал один маленький шаг, и это все, что понадобилось. Ты откинул завесу, заглянул за кулисы и увидел свой мир как плоскую неубедительную иллюзию, какой

он и является. Единственное, что делало его реальным, — эмоциональная энергия твоей веры, но теперь ты лишен этой жизненной силы, ты видишь свою реальность такой, какая она была всегда — «Безумными Мелодиями продакшн» [Looney Tunes].

* * *

Откуда — удивляешься ты — в тебе взялась эта мания ловить глупую птицу? Вот оно, это желание, горит в груди, как факел, но кто его туда поместил? Единственный ответ, который имеет значение — осознаешь ты, — что это был не ты. Ты минутку поразмыслил и обнаружил, что, не считая горячего желания, у тебя вообще нет особых чувств к кукушке. Так в чем, — спрашиваешь ты себя, — суть всего этого? *Cui bono?* Кому выгодно?

Хороший вопрос.

Кстати, — спрашиваешь ты, — а птица-то вообще существует? Что-нибудь реальное тут есть? Теперь, когда ты выбрался из персонажа, ты изучаешь все заново, и нет ничего, что означало бы то же самое, что и раньше.

Итак, на следующий день ты не гонишься за птицей, которая, пребывая в замешательстве из-за такого разрыва шаблонов, приходит к тебе сама. Ты ее игнорируешь. Грузовик корпорации АСМЕ доставляет гигантскую резиновую ленту и футбольный шлем, заказанные тобой, но ты не обращаешь на это внимания.

«Похоже, я проспал целую жизнь, — рассуждаешь ты, пока птица долбит клювом твою голову. — Я умный парень, я могу думать, по крайней мере, я *думаю*, что могу думать, так почему я не понимал всего этого раньше? Не надо быть гением, чтобы заметить бессмысленность всего этого. Похоже, я должен быть сильно пьян или одержим или заколдован, чтобы вынужденно гоняться за этой птицей и никогда ни в чем

не сомневаться, но как только я начинаю сомневаться, даже чуть-чуть, все разваливается, словно карточный домик».

Над твоей головой вспыхивает лампочка.

«Бог ты мой, — думаешь ты. — Могу поспорить, я вообще никакой не койот!»

Что же тогда, интересно, ты такое?

«Пожалуй, это любопытная мысль, — размышляешь ты. — Если я не то, что я думаю, то что я? *Кто я?* Что за всей этой видимостью? Если мои глаза рассказывают одну историю, а ум другую, кому из них доверять? Если я продолжаю верить видимости, то должен разыгрывать этот дурацкий персонаж в абсурдном фарсе, который зовется моей жизнью, но что если я просто позволяю мыслям взять верх над чувствами? Что если я думаю, вместо того чтобы чувствовать? Что если я следую указаниям ума, вместо того чтобы прислушаться к сердцу? Что тогда?»

* * *

Что ж, поздравления уместны, или как? Ты сделал большой шаг к освобождению, или нет? Ты рад, что сделал его, или жалеешь? В твоей прежней жизни не было особого смысла, но пока ты пребывал в неведении, это не имело значения. Но теперь ты знаешь, теперь это имеет значение. Где ты собираешься жить, коль скоро ты разрушил свой мультяшный мир? Кем ты будешь, коль скоро ты разрушил свой мультяшный персонаж? Что ты будешь делать теперь, коль скоро ты увидел тщетность действия? Эта пустыня, может, и фальшивая, но это место, где ты находишься. Твой персонаж, может, и фальшивка, но он тот, кто ты есть. Преследование птицы, может, и сизифов труд, но он придает твоей жизни драматический контекст, а твой персонаж именно для этого контекста и создан. Так какие у тебя есть варианты? Ты можешь усесться

в теньке и отказываться разыгрывать свою партию или можешь влезть обратно в персонаж и гоняться за птицей, разбиваясь и поджариваясь каждый божий день.

Если это две альтернативы твоей дилеммы — скушать в истине или отдаться лжи, то вот тебе *tertium quid*, третий вариант. Иди. Беги от лжи. Собери всю ту эмоциональную энергию, которую тратил на птицу, и направь ее на новую цель. Разрушь персонаж или умри, пытаясь. Расстегни свой костюм койота и выйди из него, выломай угол рамы и иди наружу, куда бы это ни привело. Иногда ты думаешь, что там, снаружи, ничего нет, но даже если ничего, то, по крайней мере, ты покинешь эту дурацкую пустыню и окажешься подалее от этой засранки птицы. Если твоя жизнь ложь, то тебе нечего терять.

Но куда тебе идти теперь? Что ты можешь?

Ты можешь сосредоточиться на одном вопросе, который оставил без ответа: *cui bono?* Кому выгодно? Где-то там есть аниматор, который и определяет тебя, и ограничивает тебя. Это и есть твоя настоящая кукушка-подорожник. Этого ублюдка следует грохнуть, и ты, койот, просто создан для этой работы.

Или кто бы ты там ни был, черт побери.

БАЛЛАДА О КЕНЕ И БАРБИ

Ни один человек никогда не верил, что Библия имеет в виду то, что в ней написано: он убежден, что в ней написано то, что имеет в виду он сам.

Бертран Расселл

Я возвращаюсь в домик и обнаруживаю за обеденным столом Мэгги, выполняющую школьное задание. Как всегда после прогулки, я первым делом пью воду сам и пою Майю, а потом усаживаюсь у очага, чтобы стащить с себя обувь.

— Что там? — спрашиваю я.

— Домашка, — бурчит она. — До возвращения надо сделать разбивку сценария по истории Адама и Евы. Ничего, если я тут поработаю?

— Конечно. Что за разбивка?

— Вроде отчета, наверное. Персонажи, сюжет, фабула и все такое.

— Библейские Адам и Ева?

— Да, миф о творении, что ж еще?

— Может, какое-то кино или книга или еще что-нибудь. Почему это выбрала?

— Не знаю, просматривала список, тема показалась знакомой. Выглядело несложно. Я почти выбрала «Джекила и Хайда» или «Книгу Иова».

— Есть что-нибудь интересное об Адаме и Еве?

— Я как раз вас хотела спросить.

— На меня вряд ли можно положиться насчет библейских штук.

— Я думала, может, есть мнение Джозефа Кэмпбелла или Карла Юнга на эту тему.

— Уверен, что есть, но тебе придется порасспросить их. Читала что-нибудь по теме?

— Да, несколько версий, все почти одинаковые. Адам, Ева, Бог, змей, ябоко, вон отсюда.

Я проваливаюсь в кресло, опускаю спинку для максимального удобства и закрываю глаза, наслаждаясь лучшей частью долгой прогулки. Майя устраивается под подножкой кресла, которая, боюсь, однажды обезглавит ее механическим способом, если я слишком быстро встану. Мое тело тает в этом кресле.

— Не думаю, что от меня будет толк, — мямлю я.

— Я знаю, — говорит она, — но это довольно скучный проект, я просто хотела сделать его чуточку интереснее.

— Так сказал Бог, — произношу я сонно.

— Что?

— Прежде, чем пытаться объяснить творение, — предлагаю я, — попробуй доказать его. Это избавит тебя от кучи хлопот.

— В смысле?

— В том смысле, что если творение — это миф, то тебе не нужен миф о творении.

— Вы говорите, что творение не существует?

— Если только ты знаешь что-то, чего я не знаю.

— Ну тогда, — спрашивает она, — как вы объясните все это?

Мне не видно, на что она указывает, потому что мои глаза закрыты.

— Попробуй подумать, в чем суть этой истории, — говорю я. — Персонажи и сюжет по большей части не имеют отношения к делу, это просто средства донести основную идею.

— А какая тут основная идея?
 — Что? — спрашиваю я.
 — Что что? — переспрашивает она.
 — Основная идея.
 — Это было час назад. Вы заснули.
 — А, ну ладно.
 — Так что за основная идея у Адама с Евой? — снова спрашивает она.
 — Ах да. Я бы еще поразмыслил над этим, но можно сказать, что все сводится к перерождению, которое с ними происходит.
 — Это когда они съели яблоко?
 — Что на самом деле называют яблоком?
 — Конкретно, это плод древа познания добра и зла.
 — Ладно, полагаю, вопрос вот в чем: что означают добро и зло? Звучит как что-то плохое и что-то хорошее вообще, но на самом деле это не подходит.
 — Ну, я не знаю. После того, как они съели яблоко, они осознали свою наготу и устыдились и могли страдать, болеть и умирать.
 — Что ж, если так, то это не миф о творении, а скорее миф о несчастьи, который уже не так интересен.
 — Дурдом.
 — Кажется, припоминаю: если ты прочтешь притчу о свете под спудом в качестве примера, то сможешь убедиться, что добро означает пробужденность, а зло — пребывание во сне.
 — Вы имеете в виду пробужденность и сон, как вы их понимаете?
 — Возможно. Поищи.
 В домике нет интернета, так что она ищет по старинке. На это уходит несколько минут, а я в это время думаю о том, как же добра вселенная, что дала мне это кресло.
 — Ага, — говорит она, — нашла. Иисус сказал: *«Светильник тела есть око; итак, если око твоё будет чисто, то и все тело твоё будет светло; а если*

оно будет худо, то и тело твоё будет темно. Итак, смотри: свет, который в тебе, не есть ли тьма? Если же тело твоё все светло и не имеет ни одной темной части, то будет светло все так, как бы светильник освещал тебя сиянием». Итак, здесь говорится, что добро и зло — это свет и тьма.
 — Давай по частям. Читай снова.
 — *Светильник тела есть око...*
 — Восприятие. Мы суть осознанность. Дальше.
 — *...Итак, если око твоё будет чисто, то и все тело твоё будет светло...*
 — Когда осознанность не искажена эго, ты свободен от заблуждений. Дальше.
 — *...А если оно будет худо, то и тело твоё будет темно.*
 — Если свет полной осознанности затемнен эго, то это тьма, которую они называют злом.
 — *...Итак, смотри: свет, который в тебе, не есть ли тьма?..*
 — Не фальшиво ли твоё знание: заблуждения, искажения, верования и так далее.
 — *...Если же тело твоё все светло...*
 — Глаза открыты, взор ясный.
 — *...и не имеет ни одной темной части...*
 — Нет искажений эго, которые заставляют тебя видеть то, чего нет, и не видеть то, что есть. Здесь говорится, что эго — источник всякого зла, а это глупость. Точка зрения, что Брахман хороший, а Атман плохой означала бы, что эго — первородный грех, что имеет смысл в библейском контексте, но такие слова, как добро, зло и грех, делают неправильным то, что задумано быть неправильным. Эго — это суть царства сновидения, без него ничего не было бы. Нельзя сделать Атмана и Майю плохими. Эта притча — пример тьмы, о которой в ней рассказывается. Читай остальное.
 — *...то будет светло все так, как бы светильник освещал тебя сиянием.*

— Светло означает пробуждение ото сна, просветление.

— Ого, серьезно?

— Не знаю, но это любопытно. Толковать Библию — это как отправлять в суд в качестве свидетельства детские каляки-маляки, но если мы просто рассматриваем это как миф, как архетипическую историю, то происхождение рисунка не имеет значения. Важен только тот факт, что рисунок прошел через множество фильтров в течение многих веков и сохранился в своем теперешнем виде. Ни одно из основных религиозных писаний нельзя рассматривать всерьез, но размышлять над ними забавно, так что и они пригодятся.

— Так что, не брать эту штуку со светом?

— Лучше займись перерождением, яблоком, это ключ. Как ты и сказала, Адам и Ева — это миф о творении, но нам не надо налегать на детали. В общих чертах все очень просто. В Книге Бытия Бог скучает и создает царство сновидений. Но Богу все еще скучно, поэтому на втором и третьем этапе он создает эго, которое представляет собой иллюзию обособленного я. Он достает голых Кена и Барби из упаковки и вдыхает в них толику собственного осознания вместе со способностью неверного понимания. Короче говоря, он создает набор аватаров — инь мини-я и ян мини-я, а потом стреноживает их эмоциями.

По мере того, как я излагаю это, во мне пробуждается интерес к теме. Получается на удивление любопытно. Я встаю и раздуваю огонь, продолжая рассуждать.

— Осознание не может творить ошибочно, но может ошибочно воспринимать. Создав эго, Брахман вводит видимость несовершенства в свою скучно совершенную вселенную. Отсюда возникает драма и конфликт, и теперь вселенная больше не скучна, что и является целью. Кто ж захочет смотреть скучный сон.

— Интересно, — говорит Мэгги. — Это можно пустить в дело.

— Конечно, поскольку кинематограф, которым ты увлечена, это то же самое предприятие: проецирование чего-то интересного на пустой экран, видимость развлечения для сознания, шум и страсть, не означающие ничего.

— Итак, Адам и Ева были первыми персонажами.

— Согласно мифу, однако их мотивы неверно трактуются. Не то чтобы они осознали свою наготу и почувствовали стыд — они осознали свою бессмысленность и почувствовали страх. Вот реальный уровень их обнаженности: быть раздетым — это метафора. Итак, у нас есть эмоциональный источник страха вкупе со способностью неверного толкования, то есть эго, и сцена для драматической вселенной готова. У нас есть все элементы для нашей игры: театр, подмости, персонажи, страсть, невежество, конфликт и публика. Теперь вся эта штука оживает и устраивает представление. Кен и Барби оживляются силой страха, который попадает на снабженную изъянами призму эго и преломляется в полный спектр эмоций.

— Ога, — говорит она в удивлении, — в этом почти есть смысл.

— Да, — соглашаюсь я в таком же удивлении, — почти.

* * *

Она делает заметки, пока я расхаживаю перед очагом и пытаюсь все осмыслить.

— Итак, — говорю я, — теперь можно сравнить этот и другой миф о творении — Большой Взрыв. До Взрыва нет ничего: ни пространства, ни времени, ни энергии, ни материи — ничего. А потом внезапно — *бабах!* Бытие. Вся вселенная возникает из ничего. *Ex nihilo*, что-то из ничего.

— Разве Большой Взрыв не научный факт?

— Религия — это система верований, а Бог — это их магическое объяснение. Наука тоже система

верований, и Большой Взрыв — их магическое объяснение. Что предшествовало Богу? Что предшествовало Большому Взрыву? Бездна, ничто, тьма. Вот здесь и призывается магия, как раз в той точке, где разум пасует.

— Да, но как можно *не* спасовать в этой точке? — спрашивает она задумчиво. — Как может что-то возникнуть из ничего?

— Очень хорошо. Очевидно, что не может. *Ex nihilo nihil fit*, ничто не возникает из ничего: значит, вопрос неверен. Разум никогда не пасует, он только находит ошибки в наших рассуждениях. Творение из ничего опровергнуто по существу, так что нам придется проверить наши допущения и начать заново. Поскольку никто не хочет этого делать, им приходится прибегнуть к магическим объяснениям. Теория Большого Взрыва, Книга Бытия и другие мифы о творении дают фальшивые ответы, но когда мы на самом деле доберемся до вопроса, мы не ответим на него, мы его уничтожим.

— Но что происходит, когда мы проверяем наши допущения и начинаем заново? — спрашивает она. — Разве мы не будем приходить к тому же выводу снова и снова?

— Истина никогда не бывает тайной и всегда проста, нужно только задать правильный вопрос.

— Какой правильный вопрос?

— Правильный вопрос всегда похож на стену, препятствующую твоему дальнейшему продвижению. Разрушь препятствие и сделай шаг.

— О боже, это уже чересчур для моей домашки.

— Теперь ты помогаешь мне с моей. Записывай, пожалуйста. Вопрос, как что-то может произойти из ничего — фальшивый, потому что исходит из допущения существования ничто.

— А ничто невозможно?

— Точно. Ничто буквально невозможно.

Доказательство тому — опровержение нуля. Как только ты устанавливаешь истину бесконечного сознания, ты устанавливаешь истину единицы. Если есть единица, то нуля нет. Единица — это сознание, и сознание есть все.

— Итак, ничто не существует, а что-то существует.

— Единственное что-то — это сознание. Наука и религия прибегают не к разуму, а к магии, чтобы объяснить существование физической вселенной, потому что для них смертельно опасно признать то, что менее ангажированные мыслители поняли еще много тысяч лет назад. Физической вселенной нет. Реальность нереальна.

— Да, теперь это полностью ваша теория. Я даже не поняла, что вы только что сказали.

— Хорошо, давай вернемся к твоей. Миф о творении на самом деле не требует осмысления, он и так хорош. Причина, по которой ты не видишь перед церквями и университетами обозленных толп, требующих менее смехотворных объяснений, в том, что все мы плывем в одной лодке. У нас у всех внутри одна и та же черная дыра, и мы все экзистенциально заинтересованы в том, чтобы и дальше покрывать эту историю. Вот что делают мифы: они помогают нам спокойно не замечать эти большие мигающие табло, где говорится, что в наших историях нет смысла.

— Погодите, говорит она. — Большие мигающие знаки это как... постойте, — она копается в куче записей. *«И выслал его Господь Бог из сада Эдемского, чтобы возделывать землю, из которой он взят. И изгнал Адама, и поставил на востоке у сада Эдемского Херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни».*

Я остановился.

— Пламенный меч?

— Так здесь сказано.

— Похоже на шлагбаум на переезде, который

оберегает нас от опасности. В этом есть смысл. Эдем — это внутренняя черная дыра, из которой мы появляемся и в которую возвращаемся, но весь драматический элемент сновидения зависит от того, насколько мы осознанны. Если Кен и Барби осознают тот факт, что они просто полые пластиковые куклы, то перестанут разыгрывать представление и зрелищу конец, так что пламенный меч — это предупреждение держаться подальше от истины, подальше от осознания бессмысленности, оставаться в безопасности, которая обеспечена им внутри драматической постановки, для обслуживания которой они и существуют.

— Что похоже на то, о чем вы говорили.

— Возможно. Итак, теперь мы утверждаем, что Эдем — это черная дыра внутри каждого человека, внутренняя бездна. Так и есть на самом деле. Эдем — это безграничная бездна безличного сознания. Мы появляемся из бездны, чтобы поучаствовать в сновидении, и возвращаемся в бездну, когда оно заканчивается. Мы входим через закулисную дверь, отрабатываем свое время, кривляемся на сцене и больше о нас ничего не слышно. Эдем — это бездна.

— Черт побери, — говорит она, — просто отлично.

— Нет, погоди секунду, — я продолжаю шагать и размышлять. — Эдем это *осознание* бездны. Чтобы увидеть ее, надо войти в нее, никак иначе, поэтому речь идет не о том, мы не можем *пойти* туда, а о том, что мы защищены от *мыслей*, что она там есть. Ее надо оградить и охранять от силы нашего разума. Эмоциональное стреноживание, которое уже упоминалось, это оно удерживает нас в персонаже. Да, так лучше.

Она молча записывает, а через минуту задает вопрос:

— Но делает ли это что-то из ничего?

— Нет, потому что мы не существуем, и это именно то, что говорит нам осознание черной дыры. Не-я — это истинное я. Сон о чем-то не является чем-то,

это ничто. Есть только сознание.

— Так я не существую?

— Не существуешь, увы.

— Вот отстой, — говорит она, принимая новость спокойно, как и следует ее принимать. — Здесь говорится, что Бог слепил Адама из глины, верно?

— Ага, — говорю я, — пепел к пеплу, прах к праху. Это не о том, что Адам и Ева были изгнаны из рая, это о том, что они родились из бездны. Они появились из ничего в сновидении, где некоторое время болтались, прежде чем вернуться в ничто, откуда пришли, верно? Эдем, черная дыра, бездна, сингулярность, не-я, все это одно. Вот чего им не надо знать: не того, что они раздеты, а того, что они нереальны.

— И пока они живы, есть этот парень херувим с безумным мечом, не подпускающий их к истине.

— Да, можно сказать, что это самосохраняющий аспект эго, удерживающий Кена и Барби от знания об их истинной природе, которое полностью обесмыслило бы драматическое представление. Нельзя допустить, чтобы люди покинули свои персонажи, или все развалится на части. Человеческий опыт требует полного погружения, поэтому от играющих нужно добиться невольной приостановки недоверия.

— Вот и название для моей работы, — говорит она возбужденно. — «*Невольная приостановка недоверия*». Могу поспорить, Юнг и Кэмпбелл ни о чем таком не знали. О боже, мне светит такая пятерка за это!

* * *

Что приходит из ничего и возвращается в ничто? Ничто. Сначала я есть ничто, потом что-то, потом опять ничто, следовательно, истина меня — ничто. Спроси себя: «*Кто я?*» — и ты обнаружишь, что источник жизни не сад, а дыра. Мы созданы из праха-к-праху и оживлены вдохнутым в нас духом в царстве сновидений,

который существует исключительно в развлекательных целях, и шоу должно продолжаться.

CREATIO EX NIHILO

В истине существует только Я. Мир, индивидуальная душа и Бог — видимости в нем.

Рамана Махарши

Есть одно основанное на вере опровержение учения о царстве сновидения [dreamstate-ism]: реальность слишком сложна и огромна, и как раз то, что видится *реальным*, не является реальностью. Однако это возражение — на самом деле перевернутый подтверждающий аргумент. Подумай об этом, как о кино. В чем больше смысла — действительно строить космические корабли, оружие и звезды смерти, нанимать и воспитывать армию из миллиона клонов, чтобы снять батальные сцены в космосе и все взорвать к чертям, или просто подделать эти вещи с помощью компьютера?

При использовании компьютерных спецэффектов эти корабли, пресонажи и батальные сцены не имеют подлинного существования, каким мы его себе представляем. Это просто последовательность единиц и нулей, выстроенная в определенном порядке силой разума и желания, и именно это представляет из себя вселенная — порядок, организованный разумом и желанием, и для этого ей не надо быть *действительной* действительностью. В основе реальности не частицы, а разум.

Возражение, что вселенная слишком велика и сложна как раз для того, чтобы не быть реальной, в действительности оказывается очком в пользу учения о царстве сновидения. Именно физическая вселенная, какой мы ее себе представляем, оказывается ненужной и неправдоподобной, поскольку у нас есть Майя, Богиня Спецэффектов, творящая невозможное и создающая что-то из ничего: *creatio ex nihilo*.

* * *

— Итак, — говорит Мэгги через пару минут, — ничто не существует, потому что видится существующим?

— Или можно сказать, что все существует *исключительно* постольку, поскольку оно видится существующим, но это очень отличается от утверждения, что видящееся существующим *действительно* существует.

— Но погодите, — говорит она, — просто утверждение, что это все сознание, на самом деле не отвечает на вопрос, верно? Ладно, пусть это все просто сновидение, хорошо, нет настоящей вселенной или чего-то, но почему? В чем смысл всего этого?

— Ладно. Помнишь, несколько минут назад, когда ты сказала что-то, я ответил, что так сказал Бог?

— Ага, я не знала, что это значит.

— А перед этим ты что сказала?

— Не помню.

— Ты сказала, что твой домашний проект был скучным и ты хотела сделать его поинтереснее.

— Хорошо, — отвечает она, — и что?

— В этом и смысл всего, это ответ на твой вопрос. Разгадка истории Адама и Евы в том, что Бог заскучал со своим проектом и решил сделать его поинтереснее.

Она морщит лицо.

— Ни за что.

— За что.

— В этом смысл всего? Быть интересным?

— Интересным, увлекательным, удивительным — разумеется. А в чем еще?

— Быть увлекательным для кого? Для нас?

— Для сознания, Брахмана. Осознание и видимость — это черно-белый символ инь-ян, который представляет царство сна, но они не могут просто сесть и сидеть, они должны что-то делать: все должно быть приведено в движение, вращаться. Видимость не может просто существовать, она должна быть динамичной, захватывающей, чарующей. Она должна морочить и услаждать. Брахман должен быть захвачен и перенесен в Атмана.

— Значит, когда я спрашиваю, зачем вообще нужно царство сна, в чем его причина, ваш ответ: «Богу скучно и он желает, чтобы его развлекали?»

— Именно.

— Богу скучно?

— Ну, мы рассказываем мультяшную версию, адаптированную под наше концептуальное понимание, но вообще да. Осознанию требуется видимость, а видимость не может быть скучной. В Книге Бытия Бог сначала создает небо и твердь, вселенную, правильно? Но очевидно, что она не слишком увлекательна. И дальше он делает ее интереснее.

— Очевидно ли это? — спрашивает она. — Я не уверена, что это звучит как что-то очевидное. На самом деле звучит вроде как, ну, глупо...

* * *

Мэгги видит множество чисел, плавающих вокруг, и их можно складывать множеством различных способов. Я вижу только единицу и облачко пара в форме двойки. Я прошел через процесс приведения в порядок универсального уравнения. Много лет я взирал на истину единицы и созерцал видимость двойки. Могу показать, к чему пришел и как понял это. Могу,

хотя и не без длинного перечня оговорок и опровержений, заручиться поддержкой древних восточных учений и нескольких западных мыслителей. Могу писать книги о духовной возгонке и алгебраической редукции персональной реальности. В конце концов, я могу вести людей к истине, но не могу заставить их ее увидеть. Пока мы сами не взглянем, что там, по ту сторону стенок этого волшебного ящика, ни одно объяснение не выйдет за пределы слов. Короче говоря, то, что очевидно для меня с открытыми глазами, невидимо для Мэгги с ее закрытыми глазами.

И откровенно говоря, утверждение, что видимая вселенная — это просто домашний кинотеатр для бесконечного сознания, звучит глупо даже для меня самого, но неизбежный факт в том, что смысл невозможен и, следовательно, любое объяснение будет звучать глупо. Вся эта бесконечная пространственно-временнo-энерго-материальная вселенная на самом деле просто зомбоящик с эффектом полного погружения, и если бы можно было спросить Брахмана, почему он привязан к нему, как какой-нибудь заплывший салом обитатель дивана, его ответ был бы таким же, как твой или мой: *«Я не хочу скучать!»*

Другими словами, одна-единственная причина царства сновидений в том, что это развлечение для осознанности. Независимо от того, насколько удовлетворительным ты сочтешь это объяснение, оно абсолютно и верно, и другого не дано. Если ты хочешь объяснить вещи по-другому, тебе придется обратиться к верованиям, то есть пойти на риск в царстве сна и сконструировать свой аргумент из строительных блоков собственных фантазий. К счастью, нет причин коллекционировать воображаемые кусочки головоломки, потому что те, которые у нас уже есть, образуют вполне ясную и завершенную картину.

Теперь заново взгляни на мир с перспективы Брахмана и поразись тому, что из себя на самом деле

представляет этот волшебный зомбоящик. Взгляни на время и пространство. Попробуй оценить фантастическое разнообразие обширного царства сна, а не только свой крошечный уголок в нем. Может показаться, что называя реальность нереальной, я выставлю реальность в невыгодном свете, однако никто не станет отрицать, что театр сновидения — величайшее творение. Сто миллиардов людей, живущих в среднем по пятьдесят лет, дают сорок четыре квадриллиона часов фантастически разнообразного развлечения на одной только Земле. Разумеется, не все из этого увлекательно, но благодаря брахманическому свойству самоограничения Атмана каждое мгновение твоей жизни так же свежо и ново для Брахмана, как и для тебя, что устраняет проблему повторов.

* * *

Если бы мы собрали все когда-либо состряпанные объяснения вселенной, включая (но не ограничиваясь этим) Божественный План, Большой Взрыв, эволюцию души и «это отличное место для покатушек на роликах», то обнаружили бы, что все они рушатся под тяжестью собственной абсурдности. Любое объяснение, которое исходит из предположения, что вселенная действительно существует, обречено быть дурацким. Объяснение, что, мол, это Брахман развлекается, может показаться слегка разочаровывающим, потому что мы ждем грандиозного откровения о божественном смысле, но подобное откровение невозможно из-за невозможности такого смысла. Вселенная сновидения бессмысленна и служит развлечению единственного зрителя, воплощенного в тебе.

* * *

На самом деле, можно пойти еще дальше, сказав со всей определенностью, что без видимости не может быть осознанности. И наоборот, осознанность *есть*, следовательно, должно быть что-то, что осознается, пусть даже у этого чего-то нет другого существования, помимо видимого, то есть речь идет о сне. Можно сказать, что осознанность истинна, а видимость неистинна, что является истинным утверждением, но лично я могу притязать на Я-Есть/Сознание, и это делает правомерным мое утверждение, что видимость *кажется* существующей. Видимость существует так, как существует сновидящий, и *не* существует так, как не существует снящийся, но она *кажется* существующей, как сон. Я не могу подтвердить содержание видимого, но могу подтвердить саму видимость: не то, о чем я вижу сон, но то, что я вообще вижу сон.

Декартовский Злой Демон может ввести меня в какое угодно заблуждение, кроме единственного факта, — что я существую, а в этом я уверен, потому что я осознаю. Вот в чем разница между всем, во что я верю, и одной вещью, которую знаю, но если видимости, которые обеспечивают основу моего самоосознания иллюзорны, могу ли я все еще притязать на них как на доказательства моего существования? Да. Независимо от того, что я осознаю, я осознаю, и, как верно заметил Декарт, Демон не может обмануть меня в этом.

Брахман — воспринимающий, Атман — процесс восприятия, а Майя — воспринимаемое. Воспринимающий, восприятие и воспринимаемое — не три, а одно — сознание. Сознание, будучи одним без другого, может осознавать только самое себя, как зеркало, отражающее себя в бездне, создавая из ничего видимость всего: *creatio ex nihilo*. Итак, исходя из факта, что есть только сознание, можно заключить,

что вселенная сновидения является, в сущности, бесконечным зеркалом.

И это хорошо.

* * *

Вам весело со всеми этими сновидческими штука-ми? Надеюсь, да, поскольку это все, на что они годятся. Мы просто лепим куличи из грязи и крушим песочные замки, так почему бы не порадоваться этому. Можно так никогда и не смириться с видимостью, как не смиряемся мы со снами, воспоминаниями и чувствами. В конце концов все, что нам остается — это принять тот факт, что царство сновидения такое, какое оно есть, пусть даже оно не такое.

Если ты пойдешь к одному из своих друзей-ученых и сообщишь ему, что посадка на Луне была мистификацией, он высмеет тебя, но основываясь на чем? Просидел ли он несколько месяцев, изучая факты? Исследовал ли он свидетельства обеих сторон? Подверг ли он себя суровому эмоциональному очищению, чтобы подготовиться к вынесению непредвзятого вердикта? Провел ли он исследование своего метода, которое выдержало бы всеобъемлющую экспертную проверку? Нет. Да поразмышлял ли он хоть минутку? Разумеется, нет, он просто женат на своем повествовании, как и все остальное стадо. Но чокнутый конспиролог для него — ты. Конечно, он поглумится над твоей тупостью, но не потому что он рациональный Спок для твоего кретина МакКоя, как ему хотелось бы верить, а потому что он дитя с закрытыми глазками, завернутое в пеленки защищающего свою догму стада, из которого ты дезертировал. Твой ученый приятель — не человек широких взглядов, не исследователь, радующийся новой информации, им движет не любопытство или удивление. Он просто еще одна овца.

Вот почему я люблю подчеркивать, что возраст

по развитию куда показательнее физического возраста. Стоит определить реальный возраст человека, и он покажется тебе простым и понятным, как взавправдашнее дитя. Это вполне применимо ко всем, так что если человек не излучает какую-то необычную отстраненность, можно смело предположить, что он застрял на предпубертатной стадии развития. Способность точно определять настоящий возраст людей приносит удовольствие, но не надо думать, что ограничитель их внутреннего возраста является изъяном, как может показаться. Взрослые попросту не такие потешные, так что единственный способ извлечь веселье из сновидения — ограничивать людей во взрослении.

А теперь попробуй посмотреть на своего окопавшегося ученого друга как на аспект самого себя. Смотри, как машинально ты реагируешь на вещи, которые, возможно, заслуживают большего внимания. Нет, ты должен всматриваться не в сами эти вещи, а в свою машинальную реакцию. Если ты хочешь совершить путешествие, то должен встать и двигаться и делать это с открытыми глазами и всматриваясь. Смотрение и видение — вот к чему все сводится, а вовсе не к уровню понимания, состоянию сознания или глубине страдания. Если ты просто хочешь быть доволен, тогда все равно, но если ты хочешь пробудиться, ты должен открыть глаза.

Я — тот, кому, вероятно, не следует позволять пересекать бойкую улицу без присмотра, — поверг в прах три великие империи мысли — науку, религию и философию, приложив для этого не больше усилий, чем потребовало бы таяние снежинки. Это не отражение моей грандиозности (как и ее недостатка), но подлинный показатель поразительной наготы наших идиотов-имперцев. Здесь, в нашей Стране Сновидческих Чудес, кроличья нора — это реальность, а твердая почва — иллюзия. Я-Есть/Сознание — это знание, а все остальное — верование. Мы путаем описание и понимание,

но то, что понято не до конца, не понято вообще, и ничто не может быть полностью понято, потому что ничто, включая знание, не реально. Спроси своего ученого друга, из чего сделана материя, или что такое время, жизнь или пространство, и смотри, какие он выделывает коленца. И кто тут теперь чокнутый конспиролог? Секрет царства сна — не вглядываться, но ты можешь, если захочешь: следует всего лишь открыть глаза.

* * *

— Миф о творении, который содержит в себе все остальные, — говорю я Мэгги, — это миф о том, что творение не миф. Стоит только принять творение как факт, и вот ты уже заплутала в чаще.

— Предупреждать надо, что сейчас будет спойлер.

— Извини.

— А есть миф о творении, который вам нравится больше, чем этот об Адаме и Еве? — спрашивает она, пока собирает свои вещи перед тем, как уйти.

— Есть один, где говорится, что Брахману было скучно и он создал Майю, чтобы она развлекала его. Затем Майя предложила Брахману создать вселенную и усеять ее людьми. Потом она разрешила Брахмана на миллиарды кусочков и спрятала по кусочку в каждом человеке, и с тех пор они играют в прятки: люди пытаются найти Брахмана, а Майя пытается их остановить.

— Здорово! — она какое-то время молчит и смотрит в пространство. — В этом есть какой-нибудь смысл?

— Это правильно, потому что это работает.

— Что ж, — добавляет она, — если не нравится чей-то смысл, возможно, следует приходить со своим.

— Что ж, — говорю я, — возможно, я так и сделаю.

МИФ О ТВОРЕНИИ

МИФОЛОГИЯ, суш. Мифология — совокупность первоначальных верований народа о его происхождении, древнейшей истории, героях, богах и пр., в отличие от достоверных сведений, выдуманных впоследствии.

Амброз Бирс

Жил-был давным-давно, еще до рождения времен, некий Великий Зритель. Он был не просто великим, он был единственным зрителем.

Великий Зритель мог видеть все и во всех направлениях, от чего он был бы весьма счастлив, будь у него на что смотреть, но во всех направлениях было только Вечное Ничто. Великий Зритель был Чистым Осознанием, однако ему нечего было осознавать.

Это чрезвычайно печалило Великого Зрителя.

* * *

У Великого Зрителя было два качества, которые казались ему очень *хорошими*, но на самом деле это были *плохие* качества. Они были очень плохими, потому что заставляли Великого Зрителя *скучать*.

Первым из этих двух качеств была Бесконечная Бесконечность. Поскольку Великий Зритель был всем,

то не было ничего *иного*, кроме него, так что он не мог завести друга, с которым можно было бы поиграть, или темного уголка, который можно было бы исследовать.

Вторым из этих двух качеств было Совершенное Совершенство. Поскольку Великий Зритель не был способен на ошибку, не могло случиться ничего примечательного или неожиданного, чтобы он мог испытать Удивление и Восторг.

* * *

И вот в один прекрасный день Великого Зрителя осенило! (Это стало бы самой первой идеей, если бы существовала такая вещь, как время, но время — просто идея и в действительности все случается одновременно, что не является проблемой, поскольку на самом деле не случается вообще ничего. Можешь себе вообразить, что тебе пришлось бы делать все одновременно? Благодарю тебя, Время!)

«Я Великий Зритель, — подумал он, — но мне нечего зреть. Я Чистое Осознание, но мне нечего осознавать. Есть только я, так что нечего видеть, но, возможно, я мог бы *вообразить* что-нибудь еще!»

И так родилась Иллюзия Видимости.

* * *

Свершилось! Великий Зритель сказал: «Да будет Что-нибудь еще», и вот стало Что-то еще! И посмотрел он на это и увидел, что это хорошо. Теперь здесь были и Зритель, и Зримое, и хотя зримое виделось лишь в воображении Великого Зрителя, это было *намного* лучше, чем ничего.

Разумеется, Ничего Другого не могло быть *на самом деле*, потому что Великий Зритель был Бесконечной Бесконечностью, но теперь это был *сон* о Чем-то еще,

а у Великого Зрителя была видимость Другого для осознания.

И так родилась Иллюзия Двух.

* * *

А в другой день Великого Зрителя осенила *другая* идея. (Ибо чем ему было еще заняться, кроме как весь день сидеть и осенять себя идеями?)

«Дай-ка я воображу целую кучу Чего-нибудь еще, — подумал он, — и больше не буду скучать!»

Итак, Великий Зритель вообразил бесконечную вселенную и наполнил ее всеми видами Чего-нибудь еще, вроде планет, звезд, рек, деревьев и животных. И назвал он это своим Воображаемым Парком.

И так родилась Иллюзия Пространства-Времени, Энергии-Материи, Дуальности, Причинности и Жизни.

* * *

Но Великому Зрителю было все еще грустно: он скучал, потому что его Воображаемый Парк был Совершенно Совершенным, и в нем не было места для несовершенства. Все обладало Совершенным Смыслом, что было довольно безрадостно.

Великий Зритель созерцал вращающиеся галактики и планеты, но от этого его только подташнивало. Потом он созерцал животных, бегающих вокруг, питающихся, создающих других животных, но от этого он только клевал носом.

Все в Воображаемом Парке работало в точности так, как было задумано, так как же Великий Зритель мог почувствовать Удивление и Восторг?

* * *

И однажды Великого Зрителя осенила *другая* идея. «Что если я воображу Воображаемый Парк, который не так совершенен, — подумал он. — Если во всем не будет Совершенного Смысла, то оно сможет Удивить и Обрадовать меня!»

Увы, но Совершенное Совершенство Великого Зрителя не позволило ему вообразить Несовершенство, и он продолжил грустить.

* * *

И однажды Великого Зрителя осенила *другая* идея. «Может быть, — подумал он, — мне удастся получить удовольствие от моего Воображаемого Парка, если я смогу играть в нем, а не просто наблюдать за ним?»

Но как, черт побери?

«Я не могу вообразить ничего *более* совершенного и не могу вообразить ничего *менее* совершенного, — рассуждал он, — но что если вообразить кого-нибудь, кто сможет!»

Итак, Великий Зритель вообразил ограниченную версию самого себя, *Малого* Зрителя, и поместил то, что получилось, в свой Воображаемый Парк.

И так родилась Иллюзия Самости.

* * *

Но увы, Малый Зритель знал, что на самом деле он Великий Зритель, и знал все обо всем, и ему все еще было скучно, так что он загрустил.

«Какой смысл иметь Воображаемый Парк и Малого Зрителя, если я по-прежнему не могу быть

Удивленным и Обрадованным?» — спросил себя Великий Зритель.

«Никакого», — ответил он.

«Вообще никакого», — добавил он с выражением.

* * *

И однажды Великого Зрителя осенила *другая* идея.

«Может быть, — подумал он, — я могу выковырять память из Малого Зрителя, который на самом деле является мной, и тогда я смогу поиграть в своем Воображаемом Парке, не зная, кто я на самом деле. Надо сделать тугую повязку на мозг Малого Зрителя, и тогда я смогу испытать Удивление и Восторг!»

И глянь-ка, это сработало! Малый Зритель гулял, играл и исследовал окружающий его Парк, и все было источником Удивления и Восторга, и его съел лев.

И так родилась Иллюзия Невежества.

* * *

Итак, Великий Зритель вообразил *множество* Малых Зрителей и рассеял их по всему своему Воображаемому Парку и выковырлял у них память и ослепил их разум, чтобы они не могли вспомнить, кто они на самом деле, или узнать, что в действительности происходит. Там, где были их памяти, остались только пугающие дыры, которые заставляли Малых Зрителей дрожать от Невыносимого Страх и отворачиваться.

И так родилась Иллюзия Эмоций.

* * *

Итак, Великий Зритель решил две проблемы,

которые заставляли его чувствовать скуку и грусть.

Одной проблемой, заставлявшей Великого Зрителя скучать и грустить, было Совершенное Совершенство. Для Великого Зрителя все и всегда должно иметь Совершенный Смысл. Один плюс один всегда должно равняться двум. Один плюс один никогда не должно равняться трем или тридцати трем или куску пирога.

Однако для *Малых* Зрителей все по-другому. *Великий* Зритель был Совершенно Совершенным и не мог сделать Воображаемый Парк несовершенным, но он мог заставить Малых Зрителей видеть его несовершенным. Несовершенство не может принадлежать *Видимому*, но *может* принадлежать оку *Видящего*.

Один плюс один должно быть равно двум, однако Великий Зритель мог запутать Малых Зрителей, чтобы они поверили, что один плюс один равно трем или тридцати трем или куску пирога.

Разумеется, на самом деле Малые Зрители были Чистой Осознанностью, как и Великий Зритель, но поскольку они были Воображаемыми Сущностями, их осознанность можно было исказить, коверкать, извращать, объегоривать, да и попросту тяп-ляпить и абракадабрить.

И так родилась Иллюзия Бессмысленности.

* * *

Другой проблемой, навевавшей на Великого Зрителя печаль и скуку, была Бесконечная Бесконечность. Он *видел* все, *знал* все и *был* всем, так что его нельзя было ни Удивить, ни Обрадовать.

Но для Малых Зрителей все было по-другому. *Великий* Зритель не мог быть ничем ограничен, зато *Малые* Зрители *могли*. У них были начало, середина и конец. Они могли быть *здесь*, а не *там*, *сейчас*, а не *тогда*, *этим*, а не *тем*. На самом деле Малые Зрители

были такими же безграничными, как Великий Зритель, потому что они и были Великим Зрителем, но поскольку они были воображаемыми, то их можно было вообразить в виде крошечных делящихся на два лагеря сущностей, которые притягивают и отталкивают друг друга.

И так родилась Иллюзия Гармонии и Конфликта.

* * *

Итак, в Воображаемом Парке Великого Зрителя играет множество Малых Зрителей, и у каждого свои приключения. И хотя никто из них об этом не догадывается, все они на самом деле Великий Зритель инкогнито, и все их приключения — на самом деле его приключения.

«И теперь у меня много друзей, — воскликнул Великий Зритель, — и я никогда больше не буду одинок!»

И так родилась Иллюзия Отношений.

* * *

Это было похоже на супер-шмупер телевизор с миллиардами каналов, которые он мог смотреть все одновременно, быть звездой каждого шоу и переживать все драмы и конфликты, комедии и трагедии. Он мог быть глупым, болтливым, мудрым, придурковатым, безумным, сообразительным, то есть таким, каким никогда бы не смог быть сам по себе.

«О счастье! — воскликнул Великий Зритель. — Мне больше никогда не будет скучно! Теперь я могу улыбаться, петь, танцевать и играть! Я могу совершать акты героизма и трусости, доброты и жестокости! Я могу созидать, порождать, создавать и рассоздавать.

Я могу верить в умные враки и глупые истины! Я могу ошибаться, быть невежественным, испуганным и посредственным! Я могу быть злодеем и героем, сумасшедшим и святым, преступником и жертвой, крестьянином и королем! Я могу создавать величественные города и сокрушать их в прах! Я могу испытывать радость, боль и все эмоции: муки — это не что иное, как восторг, страдание — не что иное, как радость, ненависть — не что иное, как любовь, но давайте полегче с покоем и довольством, потому что это так скучно, серьезно, и зачем оно такое нужно, верно?

* * *

Вот как Великий Зритель преодолел курьезные проблемы Совершенного Совершенства и Бесконечной Бесконечности. А теперь Великий Зритель так счастлив, что хочет хлопать в ладоши вместе, но хлопать он может только в твои ладоши, так что давай, Великий Зритель, хлопай в ладоши вместе в Удивлении и Восторге!

ХВАЛА АБСУРДУ

Встань лицом к факту и ты увидишь, что солнце играет на обеих его гранях, точно на лезвии острого меча, ты почувствуешь, как он пройдет через твое сердце и рассечет костный мозг, и ты счастливо завершишь свое земное существование. Будь то жизнь или смерть — мы жаждем истины. Если мы умираем, пусть нам будет слышен наш предсмертный хрип, пусть мы ощутим смертный холод; если живем, давайте займемся делом.

Генри Дэвид Торо

Торо был неправ. На самом деле, большинство тех исторических мыслителей, что мне нравятся, были неправы на 99%, но 1% правоты — это наивысшая отметка на гауссовой кривой человечества. На самом деле упомянутой Торо истины никто не жаждет. Даже Торо не жаждал истины, он просто испытывал легкое отвращение к абсурду, что едва ли одно и то же. У каждого есть свой порог, которым определяется, сколько абсурда человек может стерпеть, но это просто вопрос уровня комфорта и не делает никого свихнувшимся на истине.

* * *

Нет смысла указывать, что правительство функционирует по Оруэллу или что общество живет

по Оруэллу, потому что все происходит по Оруэллу. Каждый, кого ты видишь, носит маску, и все, что тебе надо сделать, чтобы увидеть брюзжащего старика за хохочущим Сантой, — сорвать его бороду. Диогенов поиск честного человека ни к чему не приводит, потому что все люди лживы по природе, включая человека в поисках честного человека.

За способность видеть то, чего нет, и не видеть то, что есть, отвечает весьма сложный энергетический процесс. Энергия — это эмоция, а процесс — двоемыслие. Двоемыслие — это не то, чем мы заняты время от времени, то там, то тут, это происходит везде и всегда. Даже сказать, что мы персонажи на подмостках, — значит скрыть от себя тот факт, что никаких подмостков нет, и мы разыгрываем наши маленькие фантазии в одиночестве посреди бесплодной вечной пустоты, и даже это все еще абсурд.

* * *

Из практической необходимости мы постоянно должны приостанавливать свое недоверие. Где-то в глубине души ты знаешь, что твой обед из фастфуда скорее вреден, чем питателен. С таким же успехом можно намазать майонезом пачку сигарет и съесть их, но ты продолжаешь есть фастфуд, потому что, если серьезно, дело не в чертовом обеде, а в том, что безумно все. Где тут провести черту? Ты бы никогда не смог есть в ресторане или покупать продукты, если бы не обманывал сам себя по поводу качества, безопасности и происхождения пищи. Мой доктор беспокоится о моем здоровье, мой священник заботится о моей душе, мой банк занят поддержанием моего финансового благополучия, в этом ресторане не халтурят, мои друзья и семья никогда не говорят обо мне так, как я говорю о них, политики стараются для людей, система правосудия заботится о справедливости, система

здравохранения печется о здоровьи, журналисты честные и неподкупные, этой няне можно доверить моих детей, этот полисмен просыпается каждое утро и освежает в памяти строгие моральные принципы, влюбленность — это любовь, органические продукты безопасны, эти таблетки поправят мое здоровье, я не номер, в моей жизни есть смысл, мое мнение имеет значение, мой голос на выборах засчитывается, я еще детей своих переживу, меня будут помнить, я особенный, я настоящий, я имею значение... и так далее и тому подобное. Каждый день тебе приходится обманывать себя, просто чтобы прожить этот день. Это ложка сахара, которой сдабривается реальность.

Возможно, единственные люди, которым ты когда-либо по-настоящему мог довериться, — это твои родители, но черта с два им можно доверять. Ты можешь поверить, что они от чистого сердца блюдут твои интересы и желают тебе самого лучшего, но что это значит? Это значит кушать кашку, делать домашнюю работу, принимать лекарства, получать хорошие оценки, ходить в церковь, пойти в колледж, найти работу, жениться, завести детей и делать с детьми то же, что сделали с тобой. Короче говоря, мозги у папы и мамы полностью промыты и они считают своим долгом промыть мозги тебе тоже. Добро пожаловать в систему.

* * *

Иеремия Джонсон не был любителем природы, он ненавидел абсурд, а его одинокая суровая жизнь в горах был единственной альтернативой абсурду жизни. Возможно, он предпочел бы тропический остров из «Изгоя», с которого так стремился вырваться Чак Ноланд, или осознал бы, как Чак, что не сойти с ума можно только поддерживая хоть *какую-нибудь* связь с людьми. Уединенная жизнь в горах одно, а одиночество на острове — это земной эквивалент вечной

пустоты. Это *ноль* абсурда, и это совсем не то, чего хочет любой человек.

Чак Ноланд обнаружил, что *слишком* одинок и сделал себе Уилсона. Уилсон не просто киношная дружеская штука, которая позволяет Чаку озвучивать свои мысли, это штука, которая позволяет персонажу иметь по крайней мере одну эмоциональную связь. Человеческие отношения не обязательно должны связывать с человеком, но они должны *быть*. Установив всего одну связь, он создал отношения. Мы не должны быть очень *связаны*, но мы не можем совсем не иметь связей. Нам нужна публика, чтобы устроить представление, и это может быть даже гребаный волейбольный мяч, если мы в состоянии заставить себя поверить в него и почувствовать, что на нас смотрят. Пока мы чувствуем, что на нас смотрят, мы чувствуем себя реальными. Без хотя бы одной эмоциональной связи, удерживающей нас в царстве сновидений, у нас не стало бы эмоционального измерения и, следовательно, не было бы нас самих. Пустынный остров, окруженный вечным ничто — это *подлинная* реальность любого человека, но мы должны оставаться глухи к этой истине любой ценой, и мы делаем это, задействуя эмоциональные связи настолько иллюзорные и односторонние, что на худой конец сойдет и неодушевленный предмет. Связь между матерью и ребенком кажется более реальной, чем между Чаком и Уилсоном, но она не более истинна. Любая связь — иллюзия. Пока мы чувствуем связь с кем-то, связь есть.

Лично я чувствую себя комфортно, когда связей совсем мало, но не совсем без них. Причина не в одиночестве или желании, а в необходимости поддержания остаточного следа иллюзии, что я здесь, я реален. Что ты есть, мой воображаемый читатель, если не окровавленный волейбольный мяч, для которого я устраиваю представление? Ты моя цель, мой контекст. Я провожу довольно много времени, ведя что-то вроде

диалога с тобой, и ты — существенная часть моей жизни. Ты мой Уилсон: ты хорош как слушатель, но не так хорош, когда надо говорить, и ты смеешься над моими шутками, и за это ты мне нравишься.

Что есть телевидение или радио, если не электронный Уилсон? Что есть общественные СМИ, если не видимость связи? Нам не нужен настоящий человек во плоти, чтобы взаимодействовать с ним, достаточно графического интерфейса. Мы верим, что на том конце есть человек, и, возможно, это так, а возможно нет. Кому какое дело? Неважно, с чем мы связаны, пока чувствуем связь. Может быть, через несколько лет человеческие отношения сочтут устаревшими благодаря всемирной дружелюбной программе на основе искусственного интеллекта по имени Уилсон, а еще через несколько Уилсон будет проецировать реальность сначала на стену, а потом прямо нам в мозги, и мы будем проводить жизнь, плавая в ящиках. А может, это случилось эоны назад и мы уже плаваем там, видя во сне, что не плаваем. В чем разница между верой в то, что ты поглощаешь стейк в шикарном ресторане, и верой в то, что ты в подземной зоне боевых действий хлебаешь из миски что-то похожее на сопли. Хоть убейте, не знаю, но лично я выбираю стейк.

* * *

Откуда берется решение уйти в отшельники и жить на вершине горы? Это попытка избавиться от окутывающего все абсурда. Зачем он принял обет молчания? Чтобы заглушить внутреннюю фабрику абсурда, заставляющую вдыхать смолянистый черный дым каждый раз, когда встречаешь ближнего своего. Что имеет в виду Иеремия Джонсон, когда презрительно замечает: «Я уже бывал в городе»? Он имеет в виду, что единственная причина его сурового одиночного существования в том, чтобы убраться подальше от абсурда.

Что имеет в виду Торо под «грязным слоем мнений, предрассудков и традиций, заблуждений и иллюзий, наносов», покрывающих весь мир?

Он имел в виду абсурд.

Нам никогда не стать свободными от абсурда, потому что абсурд — это посредник царства сновидения, и мы не просто в нем, мы и *есть* это царство. Можно выловить отбросы с поверхности пруда, но если ты черпаешь воду, то это будет уже не пруд, а пустая яма. Другими словами, стремление к свободе от абсурда представляет собой еще больший абсурд.

* * *

Принял бы ты участие в групповом самоубийстве, стремясь добраться дорая на перекладных с помощью звездолета, спрятанного за пролетающей мимо кометой? Ты согласен с теологами, которые верят, что отсеченная крайняя плоть Иисуса вознеслась с ним на небеса и стала кольцами Сатурна? Ты веришь, что темнокожие люди прокляты Богом, но могут стать «белыми и восхитительными», если станут более храбрыми?

Ты веришь, что семьдесят пять миллионов лет назад существовал галактический правитель, который присматривал за семидесятью шестью планетами, включая Землю, и чтобы справиться с перенаселением своих планет, он созывал людей под предлогом проверки налогов, но вместо этого впрыскивал им парализующее вещество, потом вез их на Землю и складывал вокруг вулканов, в которых детонировали заложенные им водородные бомбы и всех убили? И что этот галактический правитель расставил электронные ловушки наподобие липкой ленты для мух, чтобы уловить летающие вокруг миллиарды душ взорвавшихся людей, а потом поместил их в особые кинотеатры и показывал им учебные фильмы?

Ты носишь освященное исподнее, которое защищает

тебя от огня, пуль, болезней и смерти? Ты веришь, что нужно поводить курицей по голове, чтобы она впитала твои грехи, а потом убить ее и скормить бедным? Отказываешься ли ты от одежды, оставляя себе только павлинье перо и тыкву для воды?

Ты веришь, что следует запретить носить желтое, что зевание — это от сатаны, что всех собак следует убить и что всякого, кто не разделяет твоих верований, следует напоить кипятком, сжечь, заклеить, расчленивать, распять и отправить в преисподнюю?

Мы верим в то, что мы рациональные существа, которые могут себе позволить глумиться над менее рациональными существами, но что если мы спросим себя — а что если? Что если наше понимание каким-то образом искажено или обмануто? Что если мы пребываем под усыпляющим заклятьем, которое говорит нам, что мы пробуждены? Твой кругозор полностью зависит от чувств, но что если свидетельства твоих чувств оказались бы неприемлемыми? Тогда можно выбросить все доводы о существовании вселенной, а пуленепробиваемое исподнее и воскресение Св. Крайней Плоти обрело бы столько же смысла, как и все остальное. Абсурдно не то, что мы верим в вещи, которые удерживают нас в застое царства сновидений, а то, что мы никогда не сомневаемся в них.

* * *

Человек — не остров, но каждый, целиком, — обломок континента, часть простора. И если море смоев глину, Европа станет меньше, как будто смыло мыс, или усадьбу друга, или твою усадьбу. Любая смерть, ты убавляешь и меня — я сросся с остальными. Не посылай слугу узнать, по ком бьют в колокол — бьют по тебе.
(Джон Донн)

Быть — значит быть одному. Каждый человек есть остров, состоящий из себя, и никакое число уилсонов не сможет это изменить. Ложь состоит в том, что колокол звонит по тебе, ведь когда он на самом деле зазвонит по тебе, ты этого не услышишь, потому что будешь мертв. Поэтому давай, посылай узнать, по ком звонит колокол, ведь он звонит по какому-то другому несчастному поцу.

ЗЛОВЕЩАЯ ДОЛИНА

Однако я уже предвижу, что со мной заспорят философы. «Подчиняться глупости, — скажут они, — заблуждаться, обманываться, коснеть в невежестве — все это и значит быть несчастным». Нет, это значит быть человеком.

Эразм Роттердамский, 1466-1536

В «Курсе чудес» говорится, что реальному ничто не может угрожать и ничего нереального не существует. В «Бхагавад Гите» говорится, что нереальное не существует, а реальное никогда не перестает быть. В обоих примерах слово «реальное» используется в относительном смысле, когда нужно сказать «абсолютное», так что мы изменим эти утверждения следующим образом: «Истинному ничто не может угрожать. Ничто неистинное не существует» и «Неистинного никогда не бывает. Истинное никогда не перестает быть». Теперь оба утверждения правильны.

Истина есть. Лжи нет.

Брахман — это осознанность, Майя — видимость. Брахман прост, а Майя какая угодно, но только не простая. Ученые и мудрецы сражаются за понимание Майи и, как правило, приходят к заключению, что ее дворец иллюзий, царство сна — и реально и нереально. Это совершенно верное заключение, пока мы

соглашаемся, что слова «реальное» и «нереальное» на самом деле не значат ничего.

Вопрос в том, реальна ли реальность? Утверждая, что она и реальна и нереальна ученые и мудрецы обращаются со своими учениями, как сводники. Им не хочется пойти и устроиться на нормальную работу, но если они будут ходить кругами, утверждая, что реальность нереальна, то их последователи сожгут их и наймут новых ученых и мудрецов, которые не так склонны нести подобную чепуху. Мне, например, все равно, что за чепуху я несу, так что я продолжу отвечать на вопрос.

Реальность должна быть *реальной*, поскольку даже ее название говорит об этом, но реальное *не* истинно. Не бывает никакой истинеальности [truthful]. Реальность субъективно реальна, а истина объективно реальна. Можно сказать, что вселенная и реальна и нереальна, но нельзя сказать, что она и истинна и неистинна. Это не так. Собственно, можно вполне определенно утверждать, что вселенная нереальна, так же как можно вполне определенно утверждать, что неистинного не существует. Царство сна может быть реальным, но оно не истинно. Оно может *казаться* существующим, но для знания оно не существует.

* * *

Боже правый! Видишь, что мы сделали? Мы дали простой ответ на простой вопрос. Давай это закрепим. *Если* истина неизменна, *и* реальность изменяема, *то* реальность неистинна. Годится, идем дальше. *Если* неистинного не существует, *и* реальность неистинна, *то* реальности не существует. Ага, оба утверждения годятся. Утверждение, что реальность нереальна, может и звучит, как идиотизм, но это *истинный* идиотизм.

Черт, а я хорош в этих ученых и мудреных штуках. Мне полагается исполнение трех желаний! Так, первое:

желаю, чтобы просьбы были лошадьми и попрошайки могли скакать верхом или, по крайней мере, поесть. Второе: желаю, чтобы Берлинский политехнический присвоил мне почетную докторскую степень по философии, которую я отослал бы какой-нибудь супермодели, чтобы она от моего имени ее отвергла и произнесла речь протеста, протестующую против речей протеста. Третье: желаю, чтобы все университеты закрыли свои философские кафедры, а их финансирование было бы перенаправлено на исследования искусственного интеллекта, чтобы роботы могли стереть с лица земли человечества, пока я еще достаточно молод, чтобы наслаждаться этим.

* * *

Майю легко понять, когда мы осознаем, что Майи нет. Это дихотомия реального-но-не-истинного, она ни у кого в голове не укладывается, потому что она контринтуитивна, контрочевидна, контрразумна и просто контр-все, во что верится. Как может реальность не быть истинной? Если это реальность, то она должна быть истинной, но если она не истинна, то она и не реальна, верно? Мы не можем постичь неистинность реальности, потому что там нечего постигать: там нет этого там. Как и во сне, реальность можно наблюдать, участвовать в ней, интерпретировать ее, но не понимать.

Эразм считал, что соотношение страсти к разуму у человека — 25 к 1, так что разум зажат в каком-то тесном уголке головы, а остальным телом правят страсти. Именно поэтому, сколько бы ты ни осмысливал царство сновидения, стоит тебе отвести взгляд от этой книги, как ты заново оказываешься полностью отравлен реальностью реальности. Все верно, ведь реальность и *есть* реальна, и не смысла делать вид, что это не так.

Ученые и мудрецы, описывающие Майю, прибегают к таким словам, как «неописуемая», «таинственная» и «непостижимая», но это просто разные способы сказать то, что они должны были сказать в первую очередь: мы не можем постичь Майю, потому что нет Майи, которую можно постичь. Она не существует. Впрочем, не пытайся сказать это *ей*. Может, она и не существует, но ты живешь в ее доме и, поверь мне, ее чувство юмора здорово отличается от твоего.

Какой бы ни была Майя, она не бессистемна. Она подчиняется незыблемым правилам, которые можно увидеть как паттерны, почувствовать как энергетический поток и понять как механическое устройство царства сновидений. На уровне внешней видимости мы переживаем себя как капли в океане, но на более низких структурных уровнях капля и океан безошибочно являются одним. Стоит тебе открыть глаза, и при соответствующей настройке это объединяющее основание становится более видимым, доступным и реальным, чем поверхностная видимость. Побочный эффект этого в том, что стоит тебе забрести в эти служебные туннели внизу — механическую изнанку, где кончаются истории и сваливаются костюмы, — как волшебная страна наверху утрачивает свой глянец и между тобой и теми, кто все еще зачарован, возникает разрыв, видимый только тебе. Короче говоря, ты становишься взрослым в мире, созданном для детей.

Если уж на то пошло, этот мир невелик.

* * *

Я понимаю паттерн как энергетический поток, на который я едва ощутимо настраиваюсь и с которым могу взаимодействовать. Этот режим усовершенствованного функционирования не единственная область Интегрированного Состояния, но, по моему опыту, все работает намного эффективнее, надежнее и

бесперебойнее после устранения разделяющего влияния ошибочного знания. Это изолирует нас от интегрированной осознанности, как повязка на глазах погружает во тьму посреди солнечного дня. Как только омрачающая маска эго сброшена, открываются совершенно новые способы восприятия, знания и поведения, и известная тебе реальность будет вспоминаться как предрассветные сумерки.

В интегрированном состоянии верное знание, верное действие и верное желание становятся такими же естественными, как видение, слышание и равновесие, и не более или менее чудесными. О правильном бытии можно думать как о духовном чувстве. Люди, в которых духовное чувство еще не проснулось, кажутся рожденными только наполовину — пьяными младенцами в лучшем случае или хрюкающими мутантами в худшем.

В области искусственного интеллекта есть феномен, который называют зловещей долиной: это линия на графике, которая идет вверх, описывая возрастающий уровень комфорта, который мы испытываем рядом с роботом по мере того, как его внешность приближается к человеческой. Линия поднимается до тех пор, пока робот не становится *слишком* похож на человека, *слишком* пугающе реальным, и тут линия драматично ныряет вниз — в зловещую долину — по мере того, как комфортное состояние испытуемого превращается в замешательство и отвращение. Видит око, да зуб неймет. Именно так выглядит тот, в ком духовное чувство еще не пробудилось, для того, в ком пробудилось — пугающе похожим на человека, но не совсем. И не кто-то один, а все и каждый.

Возможно, есть какая-то архетипическая закономерность, которая объясняет, почему мы изображаем сомнамбул, чудовищ и зомби в одной и той же манере: глаза закрыты, руки вытянуты, бредут куда-то не глядя, живые, но бестолковые. Что если ты пробудишься и

обнаружишь, что все остальные выглядят именно так? Что если Страна приключений — это на самом деле Зомбистан? Что если апокалипсис зомби уже случился и мы проиграли? Что если ты зомби прямо сейчас и вера в то, что ты не зомби, — один из симптомов? Что если *настоящий* Первородный Грех — это отделенность, а *настоящее* Грехопадение лишает не милости, а осознанности? И если ты обнаружишь это, захочешь ли пойти обратно в скучный до тошноты сад? Или решишь, что быть зомби не проблема, которую нужно решить, проблема — быть пробужденным?

Забавная штука.

* * *

Очки, через которые ты смотришь кино в 3D, искажают твоё восприятие, зато в 3D появляется какой-то смысл. Их можно снять, но тогда пропадает резкость и ты в общем-то отключен от драматического события, которое пришел посмотреть. Теперь ты единственный посетитель кинотеатра, не замороженный зрелищем, но какой смысл приходить в кино, если не для того, чтобы оказаться замороженным? Итак, теперь ты можешь бродить вокруг и смотреть сверху вниз на всех остальных зрителей, все еще «прикованных» к своим сиденьям, включенных в вымышленную вселенную. Теперь ты можешь исследовать кинотеатр, увидеть, где хранят туалетную бумагу и освежители воздуха, слямзить чупачупс в буфете, изучить все мирские подробности функционирования кинокомплекса, присвоить это место, но вот чего ты не в состоянии сделать, так это насладиться кинофильмом, который является единственной причиной приходить в кинотеатр. Это и была твоя жинь, там, на экране: твои люди, твой контекст, твоя драма. А теперь, к худшему это или к лучшему, у тебя больше нет ничего этого, и ты должен разобраться, что же у тебя есть. Это и означает

быть осознанным в месте, спроектированном для того, чтобы погружать тебя в недоосознанные переживания. Цена пробуждения — быть плотным в призрачном мире. Ты слышишь звук и засекаешь движение, но реальность, в которую погружены все остальные, для тебя не более чем смутная абстракция. Ты пытаешься вернуться на свое место и снова надеть очки, но это пузырь нельзя разлопнуть обратно.

«Это нереально, — напоминаешь ты себе, — кино — это не реальность». Но ты ошибаешься. Люди и кино *реальны*, потому что это то, чем реальность является, и единственная альтернатива этому — темное пустое пространство. В интегрированном состоянии ты все еще в кинотеатре с публикой, но ты больше не один из них. «В мире, но не *от* мира» означает на самом деле в кинотеатре, но не от драматического события. Ты этого хочешь? Здесь я просто играю роль адвоката дьявола, но правда, какой в этом смысл? Вся эта штука объявляется духовным путем, но тут есть кое-что еще, и имеет смысл иногда останавливаться и спрашивать себя: действительно ли я хочу попасть туда, куда стремлюсь?

* * *

Истина тебя лежит в центре твоего бытия подобно сингулярности в центре черной дыры. Твоя вселенная — только твоя, и вращается она вокруг эпицентра твоей осознанности. После потери эго и попадания в сингулярность обнаруживается единство я и не-я, что освобождает тебя от участия в формировании и со-творении твоей личной реальности. Осознанность неизменна, но искажающая оптика эго устранена, и ты оказываешься в измененной версии реальности, где все выглядит знакомо, но работает по-другому.

Но вот какова цена: устранив искажения эго, ты устраняешь третье измерение царства сна так же,

как снятые 3D-очки отделяют тебя от 3D-фильма. Но кинофильм, в первую очередь, это единственный смысл кинотеатра. Он может быть неистинным, но все еще развлекает и, отделившись от своего персонажа, ты отделяешь себя от своей жизни. Это не хорошо и не плохо, но это определено что-то. Сняв магические линзы эго, ты лишаешь мир его эмоциональной глубины и цвета. Цена истины — иллюзия, но иллюзия есть суть царства сновидений, которое является твоим домом. Зачем тебе разрушать чары смысла и пробуждаться в реальности пустого ящика? Да, ты тотальность как Брахман, но помимо этого тебе как Брахману трудно угодить. Увиденное под таким углом избавление от цепей, открывание глаз и принятие красной пилюли внезапно начинает выглядеть как поражение, нанесенное самому себе, а в чем смысл наносить себе поражение? *Cui bono?* Кому выгодно?

* * *

Духовный путь — это не процесс саморазворачивания из сердечного центра, но безжалостное самоуничтожение. Если ты хочешь знать истинную суть чего-то, чего угодно, ты должен крушить это из всех своих сил и посмотреть, что останется. Если что-то остается, ты не готов. Этот процесс самовозгонки в действительности единственная духовная практика, ведущая к пробуждению, а все остальные означают осуществление обратного. Разрушь эго и пробудись в царстве сновидения, разрушь сновидение и проснись от него. Ничто во вселенной видимости не является надежным, ничто не обладает субстанцией, поэтому ничто не выживет в процессе возгонки, за исключением самого сознания. Именно здесь слово *spirit* [дух, спирт] действительно обретает смысл. Спирт — конечный продукт процесса возгонки, и процесс возгонки не заканчивается, пока не остается чистый дух.

* * *

Однако на мой предубежденный взгляд мой предубежденный взгляд неверен. Куда ни отправься, здесь некуда идти, так что любое место не хуже любого другого. Можешь убить Будду и прикончить эго, но ты не сможешь ослабить Брахмана, так что можешь вместо этого отправляться, куда пожелаешь, и делать, что тебе угодно. Делай, что хочешь, гоняйся за своими идиотскими удовольствиями, почему бы и нет? Есть ли лучшая звезда для прокладывания своего курса?

ВЕЛИКАЯ ГОЛОВОЛОМКА

Как сегодня все несуразно! Вчера все шло по обыкновению. Неужели же за ночь меня подменили? Позвольте: была ли я сама собой, когда утром встала? Мне как будто помнится, что я чувствовала себя чуть-чуть другой. Но если я не та же, тогда... тогда... кто же я наконец? Это просто головоломка какая-то!

Льюис Кэрролл

Пока я работал, меня то и дело одолевала легкая дремота, но тут раздался стук в дверь. «Черт-те что и сбоку бантик!» Я снова заимствую выражение, и снова входит та, кто это произнесла. Ожидается, что это опять Мэгги. Кто еще сюда может забраться, кроме нее или Лизы? Но это кто-то еще.

Она входит, быстро осматривается и идет к столу, где при свете свечей сижу я. Она достает из пышного рукава пачку сигарет без фильтра и прикуривает. Задув спичку струйкой дыма изо рта, швыряет ее на пол. Я удивлен, что не удивлен ее видеть.

— Тебе налить чего-нибудь? — спрашиваю я. — Вина?

— Я девочка семи с половиной лет, ты, извращенец.

— Ну, ты выглядишь довольно взрослой для своих семи с половиной, — говорю я вроде бы подходящим для общения с детьми тоном.

— Кончай этот детский лепет, Честер. Я тебе в прапрабабушки гожусь.

— Вот это дааа, — говорю я, — *вампир*.

— Не начинай этого дерьма. Я не в духе.

Она взбирается на кресло напротив.

— А для чего ты в духе? — спрашиваю я.

— Наркота есть? Замутишь с сестренкой?

— Наркота? Вообще ничего. Разве что аспирин.

— Боже мой, эпидемия какая-то.

Она соскакивает с кресла и идет к очагу.

— Я не вполне понимаю, что здесь происходит, — говорю я.

— Все просто, — объясняет она. — Для тебя я один из украденных тобой персонажей, верно?

— Ну я бы сказал *переосмысленных*...

— А для меня ты персонаж в моем сне, который, очевидно, думает, что это он пишет меня.

— Очевидно. И как мы пойдем, кто прав?

— Правых нет. Поверь, я проверяла. Все относительно: чертовски, бесяще, до вздыбливания шерсти на загривке, до закипания крови относительно.

— Боже, какие взрослые слова ты знаешь.

— Захлопни пасть, мудила. Я бьюсь внутри этого ящичка с головомомкой уже полтора года, одетая в проклятый, прости господи, *фартучек*. Ты когда-нибудь надевал чертов *фартучек*?

— Нет.

— Он старит.

— Но ты же *Алиса*! Тебя любят дети всех возрастов.

— Это я и говорю продавцу, когда иду за куревом и чекушкой «Катти Сарк». Не помогает.

— Ты не такая, как я думал.

— Если ты думаешь, что это ты пишешь меня, пиши меня по-другому.

— Как именно?

— Одень меня в подходящую для улицы одежду. Сделай меня восемнадцатилетней, и пусть я

буду реально секси.

— Так это не работает, ты получаешься такой, какой получаешься. Ты Алиса. Тебе семь с половиной, и ты носишь фартук.

— И ругаюсь, как матрос, и дымлю, как паровоз?

— Мда, не понимаю, как так вышло.

— Значит, не столько автор, сколько писарь.

— Мне это часто говорят. Можешь увидеть меня во сне по-другому?

— Может, уже вижу, а ты не знаешь об этом.

— Верно говоришь, со своей точки зрения.

— Она у меня одна.

— Можешь заставить меня сказать что-нибудь странное?

Она садится в кресло рядом с очагом, задирает ноги на каменную плиту и смотрит в огонь.

— Морфеус не помог? — спрашиваю я.

— Черный Шалтай-Болтай? Тот, что поднялся одним уровнем выше и возомнил себя хозяином реальности? Нет, не очень.

— Ну, он, знаешь ли, вымышленный персонаж.

Она долго пялится на меня, потом встряхивает головой и спрашивает:

— Давно этим занимаешься?

— Этим? Где-то тридцать лет.

— Боже, — фыркает она, — у тебя детские мозги.

— Не говори полиции, — отвечаю я.

— Да ну, — говорит она, — полиция, ага. Очень смешно.

— Экая ты неблагодарная публика. Винни Пух бы засмеялся.

— Ага, как он смеялся, когда я вышибла из него набивку за то, что его голова застряла в моем горшке для меда.

— О господи, слишком много информации.

Я беру свой стакан и придвигаюсь к очагу.

— Когда я уйду отсюда, — говорит она, — ты перестанешь существовать, ну, знаешь — *бац!* — как свечка.

— А когда я перестану писать — *хлоп!* — и нет тебя.

— Если.

Я размышляю над ответом, но у меня его нет. Делаю глоток из стакана.

— Да, пей побольше вина, — говорит она, — тебе и правда это на пользу.

— Противный маленький ребенок, не так ли?

— Для ребенка это нормально, — она

громко втягивает воздух через нос и сплевывает крошки табака в огонь.

— Возможно, тебе следует быть противной с м-ром Кэрроллом, — намекаю я.

— С Чарли¹? Ты не знаешь, что он умер?

— Ну да, но...

— До тебя не *доходит*, что я заперта в сновидении? До тебя не *доходит*, что я могу делать *что угодно*, но ничего не могу *изменить*? Я могу привести сюда дядюшку Чарли и станцевать вальс с его собакой, но это все просто сон! Не *доходит* до тебя?

— Уверен, я могу заставить тебя вскочить на стол и...

— *Осторожнее*, меня любят.

— ...и сплясать джигу и спеть непристойную частушку.

— А можешь ли? Правда? Можешь ли ты на самом деле заставить меня это сделать? Можешь ли ты сидеть в своей системе и писать меня вот так?

— Ну, может, и не могу.

— И если ты не можешь даже заставить дядюшку Чарли *казаться* кажушимся, так какой в этом прок? Я не сновидящая моего сна, а ты не автор своей книги. Самое разумное, что мы можем предположить, — самое *осознанное*, твоими словами — это что мы оба все еще торчим в этом адском ящике.

— Думаешь, это правда [true]?

— Ничто не правда [truth], — грубо огрызается она.

— Это не Гитлер сказал?

— Не выплесни с пеной младенца, — отвечает она, выпуская целый поезд дымных колец, каждое из которых изящно проплывает сквозь предыдущее.

— Ну давай, рассказывай, — говорит она, стряхивая пепел на пол.

— Рассказывать что?

¹ Чарльз — настоящее имя Льюиса Кэрролла. —Прим. пер.

— Вьяса, Кришна. Говори начистоту.
— Ты в моей голове?
— Может, ты в моей. Или есть только одна голова, и мы оба в ней. Кто знает, кому до этого есть дело. Давай эту свою чушь.
— Что ж, в самом начале «Махабхараты», в той версии...
— Да, да, в той версии, которую ты предпочитаешь. Итак, Кришна творец вселенной, в которой они оба находятся, а Вьяса автор поэмы, в которой они оба находятся, и когда они собираются вместе, то размышляют, кто из них кого создает. Примерно так?
— Довольно неплохо.
— Две змеи, кусающие друг друга за хвост?
— Или, пожалуй, дающие друг другу рождение.
— Отвратительно. Я через все это прошла с Красным Королем и этими труляхнутыми братьями. Ты бы подумал когда-нибудь, как все это закончить.
— Бесконечное зеркало.
Она задумалась над этим.
— Да ладно, значит, я не проходила сквозь зеркало, а просто попала в него, и все происходящее с тех пор — мой же ум, скачущий туда-сюда?
— Флаг не движется, ветер не движется, ум не движется. Что движется?
Она трет глазки своими пальчиками и издает стон.
— У меня от этого дзенского дерьма башка трещит. Почему ворон похож на письменный стол? Потому что что они оба хорошо воспаляются. Что тут непонятного?
Она перекатывается на одну сторону, чтобы поскрести свою задницу на другой. Резким движением пальчиков отправляет сигарету в очаг, промазав метра на четыре.
— Хорошо, — говорит она, — прикуривая следующую сигарету. — Вино.
— Мммм, я не уверен, что это хорошая...

— Ты в моей голове, я на твоей странице. В чем проблема?
— Видимости, — говорю я.
— Иисусе Христе, — стонет она, выпустив облако дыма и пёрнув, как буйвол, — ёбаные видимости.

БЕЛЫЙ КРОЛИК

Материя — это попросту ум, ослабленный привычками до такой степени, что отказ от этих привычек чрезвычайно труден.

Руперт Шелдрейк

Все эти разговоры о царстве сна прекрасны, конечно, но стоит тебе выбраться из своей головы и вернуться в мир, как они начинают казаться далекими и абсурдными. Но так ли это? Досужие ли это умствования? Даже если в этом есть смысл, то что? Если это не тот мир, в котором мы живем, то что проку?

Но это *тот* мир, в котором мы живем, если у нас *есть* глаза, чтобы видеть. И у нас есть глаза, о которых мы знаем, потому что уже ими пользуемся. Нам просто нужно научиться пользоваться ими еще лучше и больше, и это не так уж трудно сделать.

* * *

Материалист — это человек, который верит, что физическая материя — единственная реальность и что все, включая мысли и эмоции, можно объяснить в понятиях физических феноменов.

Несмотря на суеверность, большинство людей движется по своей повседневной жизни исходя из материалистической перспективы, а это такая реальность,

которая видится с самой низкой и ленивой точки зрения. Это точка зрения, позаимствованная у стада, но если мы хотим больше видеть и лучше понимать, то должны подняться выше. Даже незначительный подъем точки зрения может привести к заметным переменам в мире, но как это сделать на практике?

С помощью сдвоенной силы сосредоточенности и намерения: глядя тверже и видя лучше.

Но на что глядеть? Что видеть? Что есть в этой кажущейся материальной вселенной, на чем можно было бы сосредоточиться, чтобы увидеть сквозь косметический слой то, что лежит глубже, если там что-то есть?

Рад, что ты спросил. Узри же Ежедневное Чудо.

Не чудо рождения или чудо восхода солнца или чудо мобильного, остановившего пулю, и всякого такого, но обычное чудо, которое мы все переживаем постоянно, например, когда звонит телефон и это оказывается человек, о котором ты только что подумал. Это нельзя доказать, это нельзя воспроизвести, но ты знаешь, что это случилось, и знаешь, что это больше, чем простое совпадение, потому что это случается слишком часто и потому что ты достаточно часто переживал подобное и ты знаешь, что есть нечто большее, чем то, что видно глазу. Это ежедневные, будничные чудеса, и именно в эту область тебе следует смотреть. Ты смотришь туда, где, как ты знаешь, есть что-то еще помимо того, что видит глаз.

Необычные маленькие события — это то, что у нас есть, чтобы быть в их отношении более осознанными, если мы хотим подняться выше ментальности стада. Это маленькие проблески за занавесом, который указывает тебе, где ты есть и что ты есть в реальности. Большинство людей умудряются отмахиваться или игнорировать эти микрочудеса и именно таким образом они ухитряются поддерживать свой прозаический взгляд на мир, однако мистическое измерение жизни настолько явно, что приходится активно задействовать

двоемыслие, чтобы его не замечать.

Чудеса случаются. Выводы, сделанные из единственного наблюдения, могут изменить все, если ты сам позволишь. Рассеянный человек может видеть знаки некой связи между его мыслями и его реальностью всего несколько раз в год, если не реже. Внимательный человек может видеть эту связь по нескольку раз в день, если не чаще. Я сам живу исключительно на этом тонком уровне и знаю людей, которые еще более чутки, чем я. Это то, что мы видим каждый день, то, что заслуживает особых усилий и признания, потому что это видимый аспект невидимого мира, где мистическое — это новое нормальное.

Обыденные чудеса — это твое приглашение к более высокому пониманию бытия, и ты принимаешь приглашение, уделяя этому внимание. Нам не нужны большие кричащие чудеса, чтобы подняться над стадом, нужно всего лишь почтение к маленьким, тем, что даже не кажутся чудесными, ну разве что причудливыми, как дежавю, интуиция или твой ежедневный гороскоп. Это как открыть глаза, которыми ты никогда не пользовался. Та часть тебя, которая видит эти крошечные чудеса и знает, что они реальны, — именно та, которую ты хочешь взлелеять.

Возможно, ты уже практиковал какие-то формы ворожбы, например, астрологию, гадание на картах Таро или «Книге перемен», но не останавливайся на этом. Имеет значение не чудо, процесс гадания или чем ты там особенным занимаешься, а только что *далее*. Все дело в том, чтобы следовать за белым кроликом, а не угадывать, кто там звонит или хороший ли сегодня день, чтобы поиграть с пони.

* * *

Если хочешь проникнуть сквозь косметический уровень разделенности к интегрированному

структурному уровню царства сна, ты можешь сделать это так же, как делаешь все остальное. Зажги над этим светильник ума с помощью сосредоточенного намерения. Начни с маленьких чудес и продвигайся к активному наблюдению за паттернами. Смотри, как разворачиваются события вдоль определенных линий. Наблюдай, как соотносятся твои мысли и чувства с твоим окружением, внутреннее с внешним, надежды с результатами, все способы, которые не сработали, с тем, который сработал. Почувствуй собственную энергию внутри более обширной энергетической среды. Твоя отделенность фальшива: препятствие между тобой и интегрированным состоянием — твое собственное творение, и оно подпитывается твоей же эмоциональной энергией. Интеграция происходит вокруг тебя все время, и ты уже осознаешь это, так что остается всего лишь видеть это чаще и глубже. Начни сейчас. Заяви о своем намерении, настрои статью, выложи в блог или добавь в дневник или напиши письмо «дорогой Джед» или собственную книгу: что угодно может помочь тебе собрать в один кулак свою сосредоточенность и намерение. Твое естественное влечение завело тебя уже так далеко, а теперь самое время позволить ему увлечь тебя еще *далее*.

Я вроде как догадываюсь обо все этом, но почему бы и нет? Здесь есть, что увидеть, а ты способен смотреть, верно? И разница между недоосознанным, почти осознанным и осознанным — это уровень осознанности, не так ли? Так почему нет? Все, о чем мы в действительности говорим, это то, что ты можешь пробудиться с помощью пробуждения, верно? Если хочешь пробудиться, так пробудись. По-моему, звучит разумно.

Вот так ты и делаешь это, так ты начинаешь повышать свою перспективу и сам видишь, что отделенный материалистический взгляд на мир несовершенен и ошибочен и что интегрированное состояние сна — это та организационная основа, где все можно увидеть

и понять, но не как множество частей, а как единое целое. Это не истина, но это самая удивительная выдумка.

* * *

Мир прозрачен, и все, что тебе надо сделать, чтобы увидеть его насквозь, — это смотреть. Будничные чудеса — это зримые проявления тонкой сферы, хлебные крошки, за которыми ты идешь, приглашения, которые отвергает большинство людей, а ты можешь принять. Настоящая Страна Чудес не под землей, она на поверхности и ярко освещена, но мы населяем подземную тьму страны снов. Эти приглашения — белые кролики, которые зовут тебя не вглубь, а наверх и наружу.

Один маленький шаг — вот и все, что требуется, чтобы изменить мир. Твой шаг ступается, твой мир меняется. Увидел проблеск, и, значит, это только вопрос времени, когда ты увидишь больше, еще больше, пока не увидишь многое. В результате ты сможешь видеть это во всем вместо всего, будто рентгеновские лучи обнажат скелетную структуру царства сна, будто материальный мир — всего лишь косметический слой, скрывающий куда более реальную реальность. Это путь к осознанности, к пробуждению в царстве сна.

*К чему мне мечтать о том, чтобы увидеть бога
яснее, чем этот день?
В сутках такого нет часа, в каждом часе
такой нет секунды, когда бы не видел я бога,
На лицах мужчин и женщин я вижу бога
и в зеркале у меня на лице,
Я нахожу письма от бога на улице,
и в каждом есть его подпись,
Но пусть они останутся, где они были,
ибо я знаю, что, куда ни пойду,
Мне будут доставлять такие же во веки веков.
(Уолт Уитмен)*

Уитмен был на верном пути, но не Бога он видел за завесами этого многопланового сна, а паттерны, энергию, единство. Это ответ на вопрос, который ты задаешь, читая книги вроде этой, и ты можешь его увидеть, если знаешь, куда смотреть. Если ты спросишь себя: «Кто я?» — ответ вокруг тебя всегда и везде. Настоящие мудрецы твердят это тысячи лет, и это истинно: *тат твам аси*. Это все ты.

КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТР

Мы здесь, на Земле, для того, чтобы бродить, где хотим, не забывая при этом как следует пернуть. Если кто-нибудь будет утверждать что-то иное, пошлите его к дьяволу!

Курт Воннегут

Мысль — великий уравниватель. Любой, кто способен вскрыть банку консервов, может думать. Это не требует ни денег, ни благородного происхождения, ни образования, ни большого ума. Это просто, как математика: если ты можешь сложить несколько чисел, немного вычесть, может, подучить начальную алгебру, значит, можешь думать не хуже остальных. Может, не так быстро, но определенно можешь. Тебе не нужно образование, учителя или генеалогия, хотя некоторые принадлежности для письма и достойная библиотека не помешают. Еще у тебя есть мои книги с наставлениями, которые — я рискую показаться нескромным — дадут тебе фору на твоём пути. Как в любом деле, ты начинаешь отсюда, где ты есть, и идешь туда, куда идешь. Любая серьезная мысль в конце концов приводит в одно и то же место. Любое честное размышление разжигает пламя, а любое пламя приводит в конце концов к обугленной земле.

Так что да, практически любой может думать, и практически все *думают*, что они думают, но практически

никто *не думает*. Можешь увидеть это сам, поразмыслив о чем-нибудь, и поймешь, что делает мышление и почему нет никого, кто думает. Чтобы думать честно, надо вглядываться в бездну, а вглядываться в бездну — значит шагнуть в нее. Одно и то же. Это самая пугающая штука из всех, что ты можешь сделать, но это единственное, что может что-то изменить. Можно завоевывать народы, лечить болезни, писать симфонии, сколачивать состояние, достигать любого рода охрененного величия — и все это ни разу не покидая насиженного места, а можно встать, пойти и открывать с каждым шагом новые миры.

Ты летишь на битком набитом самолете, направляющемся неведомо куда, приземляющемся неведомо где и неведомо почему. Можешь читать журналы и оставаться пристегнутым, есть свою пластиковую еду и быть примерным маленьким пассажиром, а можешь вернуть спинку кресла в вертикальное положение, остановить кино и заняться решением загадок, которые окружают и определяют тебя. Это повлечет за собой повышение твоего статуса с места в проходе с нулевой видимостью до места у окна с бесконечной видимостью, откуда ты можешь оценить более широкую перспективу своего положения, которое, в свою очередь, может вдохновить тебя критически взглянуть на свою вызывающую судороги тюрьму, что, в свою очередь, может вдохновить тебя вышибить дверь запасного выхода и сменить плавную траекторию своего полета в стиле «ой боюсь правды» на свободное падение в стиле «к черту вранье». Нет причин этого не делать, как ты теперь и сам видишь, поскольку пункт прибытия всегда один, но *этот* путь — он по крайней мере *твой*. Мыслью можно многое изменить, но вот тебе слово мудрости: если ты начал думать, перестань болтать. Можешь и сам догадаться, насколько популярны в битком набитых самолетах поджигатели и открыватели запасных выходов.

* * *

Мы смотрим на эти штуки с точки зрения эго, но в этом нет смысла, потому что эго всего лишь кукла, а у кукол не бывает точек зрения. Чтобы действительно понять царство сновидения, мы должны увидеть его с точки зрения сингулярности, так что давай перевернем все целиком с ног на голову и взглянем со стороны Брахмана.

Красотой ли мира, совершенством ли праха, человек наслаждается не мной. Нет, и не женщиной тоже. Меня не слишком развлекают люди, человечество или людские деяния, и если великое кукольное представление не развлекает кретина вроде меня, то как можно рассчитывать, что хоть что-нибудь из этого развлечет Брахмана?

Ответ, *ключ*, в том, что Брахман не наблюдает шоу с расстояния, как это делают кинозрители. Брахман есть Атман, а Атман — он в персонаже в качестве персонажа. Атман не просто *наблюдает*, как Джульетта пронзает себя клинком Ромео, Атман и *есть* Джульетта, закаляющая себя, потому что независимо от того, что думает об этом Джульетта, Атман и *есть* Джульетта. Атман не просто Джульетта, там нет никакой Джульетты, *кроме* Атмана. Брахман, посредством Атмана, верит в то, что он — это ты, именно до такой степени, до какой ты веришь в то, что ты — это ты, так кто прав? Вероятно, Брахман, поскольку он существует, а ты нет.

Атман — это Брахман, который не просто ограничен, он еще связан эго и пребывает в царстве сна. Атман не какой-нибудь отделенный наблюдатель, но сама самость персонажа, в котором она пребывает. Когда ты говоришь Я-Есть/Сознание, говорит Атман. Это не ты заблуждаешься, позабыв, что ты Атман, а скорее Атман заблуждается, позабыв, что он Брахман. Но сначала

Брахман обманывает самого себя, веря в то, что он Атман: вот он, первородный грех, Исконный Обман, так сказать. Твое эго на самом деле не *твое*, потому что нет подлинного *тебя*. Ты не обманут, ты и есть обман. Ты кукла, желающая достичь единства с рукой в своей заднице, но послушай, чувак, это не твоя рука. Ты Пиноккио, мечтающий о том, чтобы Голубая Фея сделала тебя реальным, но ты просто кусок дерева и глубинная реальность тебя заключается в не-я. Настоящее волшебство царства сновидений — заслуга не Майи, обманывающей тебя, но Брахмана, обманывающего *себя*. С нашей перспективы, Атман — это Брахман, но с перспективы Брахмана Атман — это рука с надеждой на нее куклой, а трюк Брахмана состоит в том, чтобы забыть, что он смотрит на собственную руку. Если Брахман не может этого вспомнить, то осознанность может наслаждаться видимостью и у нас есть действующее царство сновидений.

Серьезно, тебе не говорили об этом в младших классах?

Согласно куда лучшему мифу о творении не Адам и Ева преобразуются благодаря яблоку, а Бог/Брахман съедает Плод Древа Ложного Знания Дуальности и ныряет в сновидение отделенной осознанности. В истине нет ни тебя, ни меня, ни Атмана, ни Майи, есть *только* Брахман. Брахман — сновидец, сон и снящийся: воспринимающий, восприятие и воспринимаемое. В царстве сна Брахман искусственно ограничивает себя Атманом, чтобы получилось так, что он видит сон о себе самом, но это не моя самость, потому что меня нет, и это не эго *Атмана*, потому что Атмана нет. Это самость *Брахмана*, потому что есть только сознание.

* * *

Я, по моему собственному мнению, самый бесподобный, самый улетный человек из существовавших

когда-либо, и я надеюсь, что ты, по твоему собственному мнению, тоже самый бесподобный и улетный на свете. Это хорошо. Если бы мне предложили выбрать, с кем бы я хотел пообедать, с кем угодно за всю историю человечества, я бы выбрал себя, и я делаю это все время посредством направленных внутрь и наружу мыслей. Мышление для меня подобно решению головоломки, а что может быть лучше такой головоломки, как реальность? Что есть этот волшебный ящик, в котором мы находим себя, если не ящик с головоломками? Поначалу я набросился на ящик со страстью маньяка, а после решения головоломки продолжаю играть с ней, восхищаться ей и делиться тем, что узнал.

Почему бы тебе не быть самым бесподобным, самым улетным человеком на свете по твоему собственному мнению? Ты вселенная, ты тотальность. Это твердый факт, который не зависит от того, один ты или тебя миллиарды. Это не какая-то история про красивую снежинку, в которой говорится, что ты особенный, потому что мы все особенные, это буквальная истина, которая говорит, что ты самоосознан, а значит ты есть Атман, который есть Брахман, который есть все.

Скажу это еще раз: если ты самоосознан, значит, ты есть Атман, который есть Брахман, который есть все. Это не какая-то квазимистическая нью-эйджевская ерунда, это предельная суть бытия. Ты можешь предпечать историю о красивой снежинке, но вот эта история — истинна. Как бы то ни было, ты — Избранный, а это уже кое-что.

ПРИЛОЖЕНИЯ

12 СПОСОБОВ СКАЗАТЬ ТО ЖЕ САМОЕ

— Я бы хотела, чтобы вы побольше написали о молитве, самовнушении [affirmations] и всяких таких штуках, — сказала Мэгги как бы невзначай. Я не меньше минуты пытаюсь понять, что она имеет в виду.

— Об этом много не скажешь, — отвечаю я. Я расположился в своем удобном кресле перед гаснущим очагом, она немного позади на диване.

— Об этом написано много книг, — говорит она. — Фильмов тоже много. Этим действительно интересуется множество людей.

— Ладно, — говорю я, — а какое это имеет отношение ко мне?

— Только такое, что вам следует сказать об этом побольше, — отвечает она.

— В книге, что ли? — спрашиваю я.

— В книге, над которой вы работаете, «Во сне», так? Разве воплощение желаний не относится к царству сновидения? Разве вам нечего об этом сказать?

Согласен.

— Об этом можно многое сказать, если не знаешь, что это, — говорю я, — но единственное, что имеет значение — перерождение из человеческой формы в я-форму и самостоятельное исследование. Забота о достижении осознанности и все, что связано с воплощением, позаботятся о себе сами. Книги, о которых ты говоришь, предназначены для тех, кто этого не понимает: они пытаются танцевать, не зная, как стоять на ногах. Естественно, что результат слегка комичный.

Мэгги делает усилие, чтобы добиться понимания, а я делаю усилие, чтобы ей это не удалось, потому что, — осознаю я, — именно этого мне и не хотелось бы.

— У меня была соседка по комнате, которая читала «Курс чудес». А вы читали?

Я не даю внутреннему стону вырваться наружу, но не без нотки ностальгии, потому что уже давно не стонал по этому поводу. Насколько я помню, моя строгая нетерпимость к подобного рода пустой болтовне выработалась еще в ту пору, когда я чувствовал себя обязанным выводить людей из увитых цветами лавушек, но Мэгги не моя ученица, а я не какой-нибудь наставник. Я просто почтенный дядюшка, а она задала вопрос о чем-то, что я знаю. Если бы тема действительно ее волновала, я бы устроил так, чтобы она провела несколько месяцев с Сонайей, которая живет и дышит на уровне паттерна и воплощения, но Мэгги не настолько заинтересована. Ее интерес расположен где-то между вежливым интересом и личной заинтересованностью, что вообще не интересно.

— Я когда-то провел некоторое время с этим «Курсом» и связанными с ним текстами, — говорю я. — Насколько я помню, он написан довольно властным тоном, но я предпочитаю власть, которая происходит от правоты, а не от властного тона голоса. То же различие актуально для любого события. Чудеса и воплощение — это естественные свойства взрослости. Имеет значение лишь взрослость, а способность формировать реальность и влиять на нее — это полдела. Прежде чем пробудится осознанность, единственное стоящее воплощение — это то, которое способствует пробуждению осознанности.

* * *

Она сообщает, что интересуется не только «Курсом чудес», и упоминает свежий урожай книг

и псевдодокументальных фильмов, рекламирующих подобные вещи для оболваненных масс: типичная духовная ярмарка, где достоинство определяется популярностью, которая основывается на сладеньком содержании. Как не стать популярной идеей о том, что все мы маленькие гарри и гермионы, а жизнь это просто огромный Хогвартс? Они вновь и вновь приводят с собой передовых попов и физиков, чтобы они поддерживали их в общем-то правильные открытия, хотя и предназначенные, скорее, для начинающих, что в жизни есть что-то еще помимо того, что видно глазу. Иными словами, предмет, который в средней школе по-хорошему изучался бы в виде коротенького курса, преподносится как полумистическая псевдонаука, достаточно заманчивая для того, чтобы очаровать максимально обширную и минимально требовательную аудиторию.

Само собой, я должен прочесть книги и посмотреть фильмы, если собираюсь критиковать их, но на самом деле в этом нет необходимости, да мне и не хочется. Если бы книги и фильмы, на которые ссылается Мэгги, действительно приводили к изменениям и улучшениям, если бы каждый реагировал на них сменой направления с самозакапывания на продвижение вперед, я бы обязательно заинтересовался, но они тянут на мимолетную прихоть, занимают на пятнадцать минут и исчезают. Эта тема сама по себе вечная, а «Курс чудес», возможно, лучше других книг ее раскрывает, так что я рад, что она заинтересовалась именно им, а не каким-нибудь коммерческим набором из трех CD о чудесах ведьмовства.

Я допускаю, что Мэгги хочется провести со мной побольше времени, но она уже поняла, что меня не так легко разговорить. Не потому что я недружелюбен, просто я не умею поддерживать нормальный разговор. Мы провели какое-то время, обсуждая фильмы, но наши вкусы и уровень интересов не совпадают: я

как раз пристрастился к Бела Тарру, а она к низкобюджетным лентам независимых студий. В музыке меня пока занимает Арво Пярт, а когда она говорит, что занимается ее, я даже не понимаю, что имеется в виду. Я как раз увлечен экономикой и мировыми событиями, потому что люблю бури и вижу, как собираются темные тучи, но это мой личный интерес и тут нечего обсуждать. Мы пытались поговорить о чем-нибудь интересном для нее, но непонимание было слишком глубоко. Она все вспоминала события из нашего прошлого, пытаясь втиснуться в мою крохотную область интересов. Я высоко оцениваю ее усилия и хочу вознаграждать их, если смогу. Я напоминаю себе, что она приходит ко мне в эту хижину не потому что я остроумен или очарователен, а потому что она юная девушка на самом верху одинокой вершины и я для нее хоть какое-то развлечение. Уверен, живи мы на Манхэттене, мы бы больше никогда не увиделись.

— Но это возможно, да? — спрашивает она. — Необязательно же быть взрослым в вашем смысле? Разве не любой может заниматься этими штуками с чудесами?

— До некоторой степени, естественно, — говорю я. — Каждый может заниматься и все время заниматься, хм, штуками с чудесами, и, возможно, отделенный человек может делать это даже лучше, чем интегрированный, если соблюдает указания из этих книг, не знаю. Возможно, это больше зависит от правильной сонастройки, чем от степени пробужденности. Полагаю, чем больше прилагается усилий, тем вернее результат. Будь осторожен, желая чего-либо, — вот неизменно хороший совет.

1-3 — Степень сложности

— Я сделала копию перечня пятидесяти принципов чудес из начала «Курса», — говорит она. — Мне

показалось, будет забавно поспрашивать вас о них.

Я могу придумать две или три причины, по которым ей хотелось бы сделать это для себя самой. Единственная причина для меня, не считая того, что это умеренно интересная тема для обсуждения с Мэгги, состоит в том, что это может пригодиться для книги.

— Разумеется, можно попробовать, если ты будешь записывать. Да?

— Да.

— Хорошо, какой первый принцип? Степеней сложности нет?

Одна достает из заднего кармана несколько листов и разворачивает их.

— Степеней сложности нет, — говорит она, — правильно.

— Все верно.

Она встает, берет ручку и бумагу и снова занимает угол дивана, откуда может видеть меня, а я ее, если поверну голову. Майя добровольно берет на себя обязанность греть ее ногу. Я смотрю на огонь и размышляю, хочу ли я видеть это в книге и годятся ли для этого пятьдесят принципов «Курса чудес». Возможно. Иногда я пишу материал для книги и полирую его почти до степени полной готовности, прежде чем решу отказать от него, а иногда, к моему удивлению, лучше всего получаются именно те вещи, на которые я уже почти не надеялся, так что я склонен игнорировать возможное первоначальное сопротивление материалу, особенно если кто-то еще выражает желание участвовать в его разработке. Мое время не настолько ценно, чтобы не потакать маленьким вылазкам в область воображения, и я не так сильно поглощен вопросами целесообразности поддержания нужных отношений, чтобы пренебречь кем-то столь же приятным и азартным, как Мэгги.

— Хорошо, — говорю я, — прежде чем мы начнем, давай кое-что уточним. Все, что я скажу, основано на

моем личном понимании, и все. Я не эксперт. У меня не так уж много знаний, только разум и опыт, и я уверен, что есть факторы и особенности, о которых я не знаю ничего. Есть темы, о которых я могу говорить с полной уверенностью, и это не одна из них.

— Покончили со своими маленькими отговорками? — спрашивает она.

— Я оставляю за собой право...

— Принято к сведению. Так вы согласны, что здесь нет степеней сложности.

— Да. Здесь нет проблемы масштаба. Размер и сложность не имеют значения, не считая, возможно, случаев, когда они загуманивают разум сомнением. Если элементы расположены на своих местах и нет препятствий, все работает. Также здесь не места оценочным суждениям, на случай, если они возникнут позднее. Здесь не возникают вопросы ценности.

— Итак, это похоже на магию.

— Похоже на спецэффекты. Нет разницы между созданием молекулы, дерева, леса, планет или галактики. Один и тот же уровень сложности.

— Следующий принцип, второй, гласит, что чудеса не имеют значения.

— Чудо это неудачно выбранное слово.

— Какое слово правильное? Воплощение?

— Нет, оно все еще отражает детский взгляд на вещи. Поток, интеграция, сонастройка, со-творение, в таком роде. Это естественный побочный продукт сонастройки. Приведи себя в порядок, и эти штуки сами устроятся.

— Может, вам стоит изобрести слово, — предлагает она.

— Мне на ум не приходит идея, а не слово. Это не то, что можно выделить, не потеряв его: все равно что ловить солнечный свет ладонями. Интегрированное состояние, как подсказывает само его название, не состоит из частей. Чудо это не подпрограмма какой-то большей

программы, как может показаться с отделенной точки зрения, и оно не упаковано фабричным способом. Человек — это снявшийся персонаж во вселенной сновидения, но эти два — я и окружающее — на самом деле одно.

— Звучит очень мистически.

— Надо полагать.

— Можете вы пользоваться словом чудо, просто ради удобства?

— Умеренно неохотно, — ворчу я. — Я бы предпочел со-творение.

— Принято к сведению. Итак, имеют ли значение чудеса?

— Нет, — говорю я, — ни сами по себе, ни их последствия. Попросту вещи так работают.

— Что насчет Иисуса, гуляющего по воде, или превращения воды в вино и прочего?

— Да, или волшебных бобов Джека, или удлиняющего носа Пиноккио.

Она делает пометки.

— Библия в качестве свидетельства не принимается, полагаю.

— Полагаю, что нет.

— Так, — говорит она, — номер три. Чудеса происходят из любви. Любовь есть источник...

— Нет, извини, мы не можем так перегибать палку. Нам пришлось бы дать новое определение любви, чтобы она подошла. В этом нет ни необходимости, ни интереса, слишком много сил надо потратить, и все напрасу. «Курс чудес» переиначивает предмет, чтобы он подошел для его собственной структуры, но любовь прекрасно обойдется без этого. Следующий.

— Так это неправильно? — спрашивает она.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты говоришь, что «Курс» ошибается?

— Не столько ошибается, сколько искажает. Почему, как ты думаешь?

— Ну, мне кажется, я думаю... Я не знаю.

— Он написан с отделенной точки зрения и для нее. «Курс» — это не что-то вроде мудрости или истины, это просто современный христианский ремикс, но нельзя смешивать бессмыслицу со смыслом. Если цифры не сходятся, им не делают массаж, их стирают с доски и начинают заново.

— Но что насчет молитвы и всего такого?

— Я, конечно, могу понять, где тут религиозные системы хотят предъявить права на процесс со-творения, трактовать его как Божью силу или милость, объявить его своей собственностью и использовать для поддержания своих верований, но религиозный элемент уводит нас в неверном направлении и служит лишь усилению незрелого понимания. Нет необходимости обряжать со-творение в религиозные одежды: это предполагает, что тут возможно оценочное суждение или фактор ценности, а это не так. Нечестивец воплощает желания так же, как праведный, а может и лучше, поскольку более страстные эмоции сильнее.

— Правда? Звучит как-то неправильно.

— Неправильно или несправедливо?

— Не знаю, и то и другое, полагаю.

— Закрой глаза.

— Хорошо.

— Представь себе счастливых, добродушных людей.

— Хорошо.

— Что они делают?

— Ничего, — говорит она. — Просто сидят.

— Хочешь снять о них кино?

— Не могу, — отвечает она, — тут ничего не происходит.

— Точно. Они довольны. Ими не движет желание изменить, улучшить или создать что-нибудь. Без неудовлетворенности нет драмы или конфликта. Режиссер кричит: «Мотор!», — и ничего не происходит. Если хочешь сделать их интересными, разбомби их счастье,

подними их и подвигай, как поступил Бог с Кеном и Барби. Потом несфокусированную эмоциональную энергию можно на чем-нибудь сфокусировать и начнется история. Создатели и разрушители безумны наполовину или более того, и именно это безумие подпитывает перемены и воплощает реальность. Я знаю, что я совершенно безумен.

Пока она записывает, стоит тишина.

— Я не думаю, что в «Курсе» говорится о чем-нибудь подобном, — говорит она.

— И не может. Это книга для людей с невыразительными эмоциями, порождающими невыразительные результаты. Молитва — это процесс эмоционально подкрепленного желания, и если он не работает, что-то не так либо с процессом, либо с его восприятием.

Я помолчал, размышляя над точкой зрения Мэгги.

— Полагаю, ты считала этот текст более веским в смысле духовности, — говорю я.

— Не знаю, — отзывается она. — Я думала, он будет проще.

— Он и есть проще, в этом все дело. Он замусорен немалым количеством ложных знаний, но если достать его из грязи, он будет прост, как солнечный свет. Можем не продолжать, если не хочешь.

— Хочу продолжить.

— Я тоже. Пусть этот текст не безошибочен, но это не значит, что у него нет достоинств. Все ценное нужно подслащивать, чтобы оно выжило и благоденствовало на духовном базаре, так что нам остается только очистить его от внешних наслоений, чтобы заглянуть глубже и обнаружить, что «Курс», собственно говоря, не так уж плох. Не могу придумать, что бы ты могла принести с собой лучшего.

— Ого, — говорит она радостно, — ура.

4, 5 — Духовный смысл

— Четыре: чудеса означают жизнь. Бог есть

дающий...

— Следующий.

— Погодите, — говорит она, — здесь говорится, что голос Бога направит тебя, тебе будет сообщено все, что нужно знать.

— Ладно, я понимаю, что это значит. Маскировать такой простой процесс в сказочных западнях — только воду мутить, но общая идея верная. Проснувшись в царстве сновидений, ты узнаешь новые способы знания, понимания и прокладывания курса. Называть это голосом Бога — лишь укреплять отделенную перспективу, тем более что вещь, к которой ты пытаешься пробиться, является более обширным измерением самого тебя. Вселенная — это ум, и ты ум, так что любое различие между этими двумя с необходимостью является искусственным.

— Голос Бога на самом деле не голос?

— Нет, это чувство, духовное чувство: верно-знание, верно-действие, такого рода вещи.

— Интуиция?

— Разумеется, внутренний голос. Когда все соностроено, нет энергетической статики и внутренний голос может звучать ясно. Как только духовное чувство пробудилось, старые способы забываются, и люди, которые действуют по-старому, кажутся калекками.

— Как я?

— И да и нет. Ты хороший пример человека, который собран и сосредоточен. На шкале недоосознанности я бы поместил тебя довольно высоко, ближе к осознанности, и, возможно, это результат твоего собственного саморазвития и влияния твоей матери. Ты делаешь в точности то, что тебе следует делать. Ты играешь на игровой площадке, ходишь в школу, живешь в городе, поддерживаешь отношения, учишься снимать кино. У тебя ясное чувство идентичности и направления. Знаю, мои слова звучат так, будто пробуждение — это хорошо, а непробужденность плохо, но это не так.

Мне бы понравилось быть в твоём положении. Не закливайся на оценочных суждениях, просто делай, что пожелаешь, и пусть все случается. Как говорят телемиты: «Твори свою волю, таков да будет весь закон».

— Что за телемиты?

— Хотел бы я сам знать, но вот так они говорят.

— Но лучше бы я оказалась в интегрированном состоянии, верно? Тогда я могла бы...

— Может быть, в один прекрасный день, спешить не надо. За это придется заплатить. Играй, твори, веселись. Сочетание сосредоточения и намерения — это все, что тебе надо. Возьми эти две вещи с собой и в любом предприятии на твоей стороне будет больше магии, чем можно вытрясти из волшебной палочки. В твердых стенах появятся двери, вселенная будет принимать форму, соответствующую твоему желанию. Это правда. Чего бы ты ни захотела, рецепт всегда один и тот же. Сосредоточенность и намерение. Сосредоточенность — это ментальный аспект, а намерение — эмоциональный.

— А сонастройка?

— Сонастройка — это чувство, которому учишься. Можно сравнить его с равновесием, которое достигается на ходу с помощью микрокоррекций на невидимом уровне, и, следовательно, то, что выглядит как положительное равновесие, представляет собой на самом деле негативное неравновесие. Сонастройка работает так же. Ты корректируешь свой курс на основе тонких возмущений неправильности.

— То есть сонастройка это важная вещь?

— Если твоя сонастройка не искажена эго, если ты не плывешь против течения, то можно ожидать, что твои подлинные желания будут разворачиваться естественным образом. Это как колеса у машины. Если они слегка разбалансированы, вибрация возникнет во всем автомобиле и твое тело будет регистрировать ее как неправильность. Некоторые люди разъезжают в старых

колымагах и обладают высоким порогом терпимости к тряске, другие чувствительны даже к небольшой дрожи. Если хочешь наслаждаться четким доступом к своим внутренним возможностям, легко увидеть, что тихое средство передвижения облегчит твою задачу, а громкое заглушит ее.

— Хорошо, — говорит она, записывая, — что за внутренние возможности?

— Ну, вибрацию можно понимать как эмоцию, а внутренние ресурсы как мысль, но даже эти понятия на самом деле метафоры. Представь, что тебе нужно решить уравнение в уме, пока твой надоедливый приятель выкрикивает случайные числа.

— Вы выставляете эмоцию очень плохой штукой.

— Только до тех пор, пока она вступает в противоречие с ясностью ума. Океан, в котором мы плывем, это ум, не сердце. Возможно, мы есть сердце, возможно, мы сердце в океане ума. Полагаю, не стоит сбрасывать этот вариант со счетов...

— Вроде как вселенная представляет собой ум, но ей недостает сердца, так что Бог создал нас, — говорит она. — Так хорошо, мне нравится.

Она записывает это и еще обводит, так что я не забуду, что ей это нравится.

— В любом случае, — продолжаю я, — да, сонастройка намного важнее чудес. Чудо — оно как крутая способность, которой ребенок, само собой, хотел бы обладать, но это всего лишь видимый аспект чего-то, что больше и лучше. Намного любопытнее самих чудес их источник. Вот где все становится интересным.

Она записывает, перечитывает и задает следующий вопрос:

— И не нужно быть в интегрированном состоянии, чтобы чудеса работали, верно? Эта штука работает для кого угодно?

— Да, — говорю я, — но опять же, какой смысл улучшать место своего заточения, если можно его покинуть?

Вопрос был риторический, но я забыл сказать ей об этом.

— Счастье? — предполагает она. — Лучшая жизнь? Может, и имеет смысл оставаться в том состоянии, которое вы называете недоосозанным и иметь больше возможностей вроде интуиции, или более глубокого знания, или со-творения и так далее.

Я издаю ворчливый звук.

— Да, — говорю я с неохотой. — Согласен. Я обычно не обращаюсь к такой точке зрения, но она определенно имеет право на жизнь. По сравнению с моей предполагаемой аудиторией, читателем, как я его себе представляю, ты похожа на штатского, гражданское лицо. Обычно я исхожу из предположения, что говорю с людьми, которые желают конкретного продвижения вперед, но если ты просто хочешь улучшить свой опыт в царстве сновидений, как ты говоришь, то я бы сказал — конечно, почему бы и нет. Вселенная — это твой инструмент, играй с ним, как тебе хочется.

— Но это не тот совет, который вы обычно даете?

— Обычно я не вижу никакого резона человеку оставаться в темнице, если он может ее запросто покинуть. Цепи не замкнуты, двери не заварены, так зачем оставаться? Целью должен быть выход из темницы, а не желание выжать из нее побольше.

— Но это не то, чем мне следует заниматься?

— На самом деле нет, не сейчас, но только до тех пор, пока не увидишь темницу вместо карнавала. Когда придет время, ты не станешь задавать вопросов. Ты в отличном месте, не сходи со своего пути, чтобы не ошибиться. Следующий?

— Пять. Чудеса должны быть произвольными. Полагаю, это значит, что они должны происходить естественно.

— Да, это становится естественным: это не то, что нужно выполнять согласно правилам вроде магической формулы из книги заклинаний или

чего-то подобного. Здесь не нужны процедуры, нужна только некоторая ясность и позволение событиям разворачиваться.

— Здесь говорится, что сознательные чудеса могут завести не туда.

— Если сознательные означает эгоистические в противоположность естественным, то, конечно, они обязательно заведут не туда. И позволь еще раз повторить: все это целиком, реальность, вселенная — все это ум и ничто иное. Царство сновидений — это ум, и ты ум. Эмоции формируют барьер, который позволяет нам жить в искусственно отделенном состоянии, но отделенность — это искусственное подсостояние большего искусственного состояния, которое мы называем реальностью. Они не делают ее плохой, отрицательной или злой, просто городят стену, отделяющую тебя от универсального разума. К слову сказать, это стена, которую, по словам Ахава, заключенный должен пробить насквозь, стена, представленная белым китом. Когда стена снесена и происходит воссоединение с универсальным разумом, ты действуешь на уровне эмоционально усиленной мысли, которую мы называем сосредоточенностью и намерением.

— Вот это правда хорошо, — говорит она и еще минуту молча записывает.

— Как могут чудеса завести не туда? — спрашивает она.

— Под эгоистичным вместо естественного имеется в виду, что процесс неверно понят или возникает страх или как-то еще пропадает соностройка. Слова «не туда» ведут немного не туда. Гораздо правильнее думать об этом как об уровнях соностройки.

— Хорошо, — говорит она, — следующий...

— Сколько еще осталось, — спрашиваю я.

— Сорок пять.

— Не может быть. Дай глянуть.

Она передает мне страницы. Я просматриваю

перечень, с облегчением понимая, что тут можно выбросить целые куски. Возвращаю страницы, и она забирается обратно на диван.

— И зачем мы это делаем? — спрашиваю я.

— Не знаю. Для меня, для вас, для книги, над которой вы работаете? Может, просто чтобы было о чем поговорить. Вас же нелегко разговорить, знаете ли.

— Хорошенько конспектируй.

— Это мне знакомо.

— И попробуй обходить все, что связано с Богом и любовью.

— Даже если это может оказаться правильной идеей с неправильным названием?

— Ты настоящая дочь своей матери, — говорю я. — Следующий.

6, 7 — Капитуляция [surrender] и отпускание [release]

— Шесть, — говорит она. — Чудеса естественны...

— Да.

— Если они не происходят... — продолжает она.

— Что-то пошло не так, — заканчиваю за нее я. — Человек утратил равновесие, возможно, из-за эмоций. Это случается. Ты ждешь, дышишь, сосредоточиваешься, пока все не встанет обратно на рельсы. Следующий?

— Седьмой. Чудеса по праву принадлежат каждому, но ты должен пройти через очищение.

— Слова «по праву» здесь не подходят, а сама идея правильная. Очищение будет означать отбрасывание эго и трансформацию в состояние с открытыми глазами. Очищение не совсем подходящее слово: капитуляция и отпускание подошли бы лучше. Ты отпускаешь иллюзию контроля, которая и есть эго, и расслабляешься в энергетической среде, которой является царство сновидения.

— А потом узнаешь, каков твой путь?

— Путь? Этого нет в перечне.

— Я спрашиваю.

— Под путем ты имеешь в виду направление к цели в жизни или что-то такое?

— Ага, что человек предполагает делать в своей жизни, вот как вы и ваши книги.

— Хорошо, тогда я скажу да. Как только ты позволяешь эго убраться с пути, ты естественным образом находишь направление пути, и у тебя есть это со-творение, так что все само собой становится лучше.

Она перестала писать.

— Лучше?

— Гладко, без усилий, без издержек. Возникает что-то вроде внутренней одаренности: это снова духовное чувство. Ты естественным образом начинаешь функционировать на уровне паттерна и все работает по-другому. Ты постепенно учишься отказываться от старых путей и позволяешь открываться новым, и так прорастаешь в этот улучшенный способ бытия.

— Но необходимы ли очищение или капитуляция?

— Нет, любой сам может воплощать желания и видеть, как это работает. Это происходит само по себе все время при обычном течении жизни. Именно потому, что у каждого есть такой непосредственный опыт, так много людей интересуется молитвой, воплощением и самовнушением. Люди видят это в своей жизни, знают, что это работает и хотят, чтобы работало еще лучше.

— Так это работает?

— Кажется, да.

— Что если тебе не нравится твой путь?

— Значит, это не твой путь.

Я сомневаюсь в ее уровне интереса.

— Тебе нравится все это? — спрашиваю я. — Разговор и все остальное?

Она на мгновение задумывается.

— Да, — отвечает она, — пока да. Я так понимаю, что если кто-то хочет поговорить с вами, он должен говорить именно так. Я бы не смогла заставить

вас обсуждать мои интересы.

— Но тебе-то зачем хотеть поговорить со мной? Впрочем, отзываю вопрос. Я рад, что ты здесь. Мне очень приятно. Продолжай. Скажи, когда устанешь.

— Я же в колледже учусь, я так целый день могу. Это вы старик, вы и скажите, когда устанете.

* * *

А вот то, что я не говорю Мэгги, потому что у нее много вопросов, а я не хотел бы рассказывать ей все.

У меня есть личный опыт со-творения, который настолько больше всего, о чем я когда-либо слышал или читал, что почти не верю самому себе. Взаимодействуя с другими — в основном, с Сонайей, которую я упоминал в первой книге, — пребывая в царстве сновидений, я был вовлечен в акты со-творения такой глубины, сложности и своеобразности, что рядом с ними обычные штуки вроде получи-что-пожелаешь кажутся не сложнее заказа пиццы на дом. Сказать еще немного больше — все равно что сказать слишком много, но я скажу, что понятия не имею, есть ли пределы тому, что можно со-творить.

Следует добавить, что эти конкретные ситуации не имеют ничего общего с любого рода специальным знанием или изощренными техниками. Да, участники были на редкость глубоко погружены в интегрированное состояние, но задействованные процессы не отличались по масштабу, касалось ли это больших событий или малых. И как всегда в подобных случаях, результаты и их скорость далеко превосходили любые надежды.

Мое основанное на опыте мнение таково, что изменение курса планет или уничтожение звезд в основном потребовало бы столько же усилий, сколько нужно потратить на поиски хорошего парковочного места или правильного щенка. Применяются те же правила. Если элементы на месте — если желание подлинно и эмоция

сфокусирована — то процесс неизбежно будет работать. Со-творение — это естественный феномен, который подчиняется законам природы, а если ты самосознающее существо в самоосознающей вселенной, ты способен на такое, во что и поверить трудно.

* * *

Мэгги продолжает, не ведая о моем длинном отступлении.

— Один человек сказал, что ключ к счастью — это принятие неизбежного, — сообщает она мне.

— Один человек?

— Один духовный наставник. Является ли принятие неизбежного тем же, что и капитуляция?

Один духовный наставник сказал, что ключ к счастью в принятии неизбежного? О боже, с чего начать-то...

— До какой-то степени это могло бы сработать, но несопротивление — это полумера, и если несопротивлением все еще занимается эго, то это просто самосохраняющая тактика эго, обман, который может обмануть только обманщика. В пассивности нет смысла.

— Для Ганди это работало, — язвительно замечает она.

— Ну, не хотелось бы дурно отзываться о Махатме, но то, что срывает против цивилизованной страны, плохо ведущей себя на международной арене, вряд ли является универсальным решением. Попробуй пассивное сопротивление Сталину или Мао и увидишь, куда это тебя заведет.

— Никогда не думала об этом.

— Главное — это баланс между динамически переплетенными энергиями. Единственное, что имеет значение...

— ...Это статья по-настоящему взрослым, — заканчивает она. — Ага, хорошо. Готовы?

— Да.

- Еще не время вздремнуть?
- Не стоит подтрунивать над дремой, дорогуша.

8, 9 — Исцеление и настройка

— Вот восьмой принцип. Исцеляют ли чудеса? Дают ли они удачу? Исполняются ли они теми, кому дано больше, для тех, кому дано меньше?

Я разбираю эти слова, чтобы почувствовать хоть какой-нибудь резонанс. Совсем небольшой возникает, но мы должны придерживаться разумного уровня связности или она и правда лишит меня сиесты.

- Здесь не с чем работать.
- Не с чем?
- Нужно приложить больше усилий, чем оно того стоит.
- Хорошо, девятый: являются ли чудеса разнообразностью обмена?
- Между кем и кем?
- Э, — читает она с несчастным видом, — любовь, обратные физические законы, дающий и получатель.
- Мысль неясна, и мне не хочется ее прояснять. Следующий.
- Удивляюсь, как вы это терпите. В ваших книгах вам эта тема не нравилась.
- Я думал, что раскрыл ее более чем полностью, но не вижу причины не сказать побольше о том, как работает творческий процесс. Может, еще случайно бестселлер напишу.
- О, это было бы круто.
- Да, круто, — соглашаюсь я. — Я бы мог попасть на популярное утреннее шоу и рассказать ведущим о забавных способах попросить о повышении зарплаты или как найти родственную душу, а может даже выболтал бы свой секретный рецепт приготовления лапши.
- Вы не большой любитель ТВ, как я посмотрю.
- Сидеть на высоком табурете рядом с парнем из «Как стать миллионером» и еще какой-нибудь звездой,

обсуждать реальность и давать советы, как сбросить десяток лет.

— Вы сделали это для моей мамы. Два десятка лет. Люди думают, она моя сестра.

— Она сделала это для себя, и это не чудо, это исправление ошибки, устранение искусственного препятствия. Затвор расчищен, и правильность восстанавливается. Это все, о чем мы на самом деле разговариваем, об исправлении ошибки, а источник ошибки — это эго, которое, между прочим, не какой-нибудь архизлодей, но ключевой элемент царства сновидений. Если бы было где-то лучшее место и эго удерживало бы нас подальше от него, это было бы плохо, но такого места нет. Я заболтался. Где мы?

— Так она сама сделала это? Моя мама сделала себя моложе, здоровее, счастливее и так далее?

— Линии могут быть слегка размыты, но да, ее омоложение это ее заслуга, не моя. Я видел такое много раз.

— Так вы не ее ангел-хранитель?

Мне приходится задуматься на минуту.

— Я чувствую искушение использовать это понятие, когда правильный человек приходит в правильный момент, — отвечаю я. — Кто-то, кто может показаться маловероятным во всех отношениях, но он соответствует конкретной необходимости в конкретной ситуации, как ключ замку, и потом исчезает. Если понимать это таким образом, любой может быть чьим угодно ангелом-хранителем в какой-то момент. Однажды, когда я был маленьким, меня выручил из очень опасной ситуации какой-то опустившийся бомж. Его появление и его помощь были крайне неожиданными. Когда я думаю об ангелах-хранителях, то вспоминаю его. В паттерне нет пустот или разрывов, но иногда в его ткани слегка выделяются заплаты.

— Хорошо, — говорит она, — но то, что случилось с мамой, было больше похоже на исцеление. Это был восьмой принцип. Чудеса исцеляют?

— Исцеляет процесс настройки, — говорю я. — Это может деформировать нас, но когда влияние деформации исчезает, мы обретаем гибкость, позволяющую нам принять нашу подлинную форму. Вот это и сделала твоя мама, она исправила настройку, вроде как выполнила духовную хиропрактику. Мое появление в жизни твоей мамы в правильном месте и в правильное время было ее чудом, не моим, и точно так же ты, твои мать и дед появились как раз тогда, когда это требовалось для книги, над которой я работал, а я служу этим книгам, так что, полагаю, это уравнивание взаимно или что-то вроде того, на случай если это есть в твоём перечне.

— Так это был обмен?

— Это было уравнивание.

Она несколько минут делает записи, которые я позже вычеркну, чтобы проверить, что я чувствую по этому поводу. Я использую это время, чтобы спросить самого себя, почему я не оставляю бокал с вином ближе к тому месту, где я его пью. Звучит как неплохая идея, думаю я, а может и нет.

— Это похоже на историческую запись, — говорит Мэгги, пока записывает. — Как будто я служу цели привести вас к ответам на все эти вопросы, пока вы с нами.

— Пока я с вами? Боже мой, это же не интервью на смертном одре.

— Когда мне будет столько же, сколько вам, вы будете мертвы, а я, черт возьми, я же была рядом с этим парнем. Мне надо было вытащить из него все.

— Так вот чем мы занимаемся. Снимаем урожай плодов моих размышлений?

— Я имею в виду, что вот есть эта книга, верно? «Курс чудес», очень популярная, проданы миллионы экземпляров, но на самом деле она не слишком хороша, разве нет?

— Ты спрашиваешь?

— Да.

— Я припоминаю мысль, что это был довольно впечатляющий текст в ту пору, когда я имел с ним дело. Я бы не сказал, что он плох, просто он написан с точки зрения ребенка, который хочет играть во взрослые игры, не взрослея. Зачем заигрывать с этой демографической проблемой?

— Хорошо, зачем?

— Зачем что?

— Зачем заигрывать с этой демографической проблемой?

— Ах да, верно. Хороший вопрос. Причина заигрывать с детским чтивом заключается в том, что недоосознанность — это официальный статус царства сновидения, оптимальное состояние в этом царстве. Наше существование на диапазоне осознанности соответствует положению сказочной героини вроде Златовласки: не слишком умная, не слишком глупая.

— Видите, — говорит она. — Сколько людей, по-вашему, знают об этом? Сколько людей могут вот так вот сидеть здесь и узнавать об этой проблеме вот так и прояснять ее?

— Так я теперь твой проект? Это для твоего сценария?

— Возможно, не знаю. Вы всегда знаете, что и зачем вы делаете?

10 — Злоупотребление чудесами

— Следующий принцип номер десять, это о чудесах как зрелищах.

— Это было бы неверной интерпретацией.

— Ага, неверная интерпретация, здесь так и говорится.

— Делать что-то напоказ или чтобы доказать что-то для меня невыносимо. Мой разум отшатывается от этой идеи. Уверен, я бы даже не смог этого сделать. Я могу указать на собственные переживания и проиллюстрировать, как все работает, но идея, что я

могу заниматься трюками или чем-то таким... Я не понимаю этого. Эта штука по-настоящему утонченна, с ней нельзя просто баловаться. Я бы не смог, во всяком случае. Если бы у кого-то было такое подлинное желание, если бы все было так сонастроено, если бы было достигнуто именно такое равновесие, возможно, но я правда не знаю. Не могу со всей решительностью сказать, что в царстве сновидения что-то невозможно, если речь не идет о злоупотреблении чудесами. В этом нет смысла.

— Хорошо, — сказала она. — Это как капитуляция перед высшей силой?

— Так я об этом не думаю. Это больше похоже на то, что ты перестаешь плыть против течения, перестаешь бороться с океаном, вот и все. Если бы ты была рыбой, думала бы ты об океане как о высшей силе? Или как об энергетической среде, в которой ты плывешь и играешь? Ты можешь даже не осознавать со всей ясностью, где кончаешься ты и начинается океан. Для меня это больше похоже на направленную энергию. Ты расслабляешься в ней и позволяешь себе плыть с течением, а делая это, ты открываешь, что место, куда все движется, и место, куда ты хочешь попасть, — это в точности одно и то же место. Вот где ты познаешь разницу между эгоистическим и подлинным желанием.

— Разве это не то же, что я перед этим сказала? Принятие неизбежного?

— Хорошо, два замечания. Во-первых, в том, что ты сказала, кажется, недоставало компонента взаимодействия: это больше похоже на отказ, чем на участие в со-творении. То, что я описываю, похоже на плавание по течению, а то, что ты сказала, звучит, будто кто-то захромал и его несут. Для меня это чувствительное различие, потому что это выглядит как западня, в которую легко попасться. Во-вторых, ты это не сказала от себя, а повторила за кем-то. Если бы идея действительно исходила от тебя, я бы придал ей больший вес.

Она делала записи, а я спрашивал себя, не слишком ли неделикатно высказался, что водится за мной, пусть я и не придаю этому особого значения. Когда она заговаривает, я понимаю, что у нее полный иммунитет к моему недостатку обаяния.

— Итак, — повторяет она, — не напоказ?

— У проблемы зрелищности нет соответствия в интегрированном состоянии. Это я и имею в виду, когда говорю, что это невысказано для меня. Я допускаю, что эгоистичный человек может думать подобным образом, и что именно для него «Курс чудес» и написан. Зрелище не нужно.

— Чтобы пробудить веру, сказано тут.

— Я знаю, что сказано, но зачем пробуждать веру? Я не помню, предполагалось ли, что автор книги Иисус, но не был ли Иисус тем, кто творил чудеса, чтобы пробудить веру? Неважно, я в это не полезу. Человек, пробуждаемый эго, может, и захочет делать фокусы, чтобы впечатлить других, но никто из тех, кто пробужден в царстве сна, даже не думает подобным образом, так что можно сказать, что это обращено к незрелому уровню понимания.

— Что вполне разумно.

— Конечно. Мы не пытаемся осуждать этот перечень, просто стараемся выделить значение.

— Итак, это верно, что использование чудес ради показухи — это неверное понимание?

— Это незрелое понимание. Все к этому ведет. Следующий, если ты не слишком заскучала.

11, 12 — Посредник чудес

— Одиннадцатый принцип. Я его сокращаю. Является ли молитва посредником чудес?

— Под посредником подразумевается интерфейс пользователя, я полагаю. На начальном уровне так и есть, но это похоже на дополнительные колеса для детского велосипеда. Стоит научиться держать

равновесие, и они больше не нужны. Сфокусированная эмоциональная энергия — вот подлинный со-творческий интерфейс: что-то среднее между ясным видением и полным осознанием. Процесс органичный, его не нужно преобразовывать в слова. Для него не требуется даже осознанное волеизъявление. Когда учишься танцевать, нужно считать шаги в уме и сосредоточиваться на ногах, но по мере обучения этот дополнительный слой вовлеченности ума за ненадобностью отпадает. Можно начать с использования какой-нибудь техники вроде молитвы или самовнушения, но потом, когда втягиваешься, слова становятся лишними. Думаю, так звучит правильно.

— Так вы не молитесь? И не используете слова?

— Я не очень хороший пример. Так проблема станет только запутаннее.

— Почему?

— Ответить для тебя или для книги?

— Не знаю. Перестаньте спрашивать.

— Хорошо, давай посмотрим. Во мне нет желаний. Я не хочу ничего и за исключением отращения к боли и скуке я действительно не беспокоюсь о происходящем. Для любого, кто укоренен в интегрированном состоянии, процесс перестает быть грубым, как при использовании сознательных желаний и молитв, и становится утонченным, так что больше не возникает ничего похожего на острые желания: никаких пиковых значений, одни только гладкие волны. Не знаю, насколько полезно слушать об этом.

— Кажется интересным, если все к этому идет. Если это предел, скажем, цель или состояние или что-то вроде.

— Надеюсь, ты и свои мысли записываешь?

— Да, — говорит она.

— Хорошо, полагаю, нет причин не говорить об этом.

Итак, в моем конкретном случае нет эго, нет желания. Поэтому то, чего хочет вселенная, и то, чего хочу я,

пребывает в полной гармонии, и даже не требуется моего участия. Я плыву, но не рулю. Я могу понять, почему сила молитвы или самовнушения так привлекает людей, но для меня это было бы похоже на жизнь в погремушке. Мой опыт — это жизнь в безуильном потоке. Я наслаждаюсь разворачивающимся процессом. Я восхищаюсь им, но не принимаю активного участия. Моя жизнь — это позволение: направление, в котором я движусь — это направление, которое мистически открывается передо мной.

— Могу я кое-что сказать...?

— Давай.

— Ваша жизнь совсем не такая, о которой мечтают люди. Вы живете один в старой хижине, без семьи, у вас, кажется, нет собственности, у вас немного дел. Я не пытаюсь обидеть вас, но...

— Не беспокойся за меня. Я понимаю, о чем ты. Как уже было сказано, я не очень хороший пример. Начиная говорить обо мне, мы пересекаем границу парадигм, и это только все запутывает. Моя жизнь совершенна. Да, у меня есть все, чего я хочу, но, с другой стороны, я не хочу многого. Здесь я должен добавить, что по общепринятым стандартам я очень мощный колдун: не могу представить, что хочу чего-то и не получаю этого.

— Поэтому у вас нет микроволновки? — спрашивает она.

— Микроволновки?

— Ну не знаю, хороших колонок? Новой машины? Вайфая?

— Я простой, но не бедный. Если я хочу чего-нибудь, я это получаю. Если я хочу отправиться куда-то, я отправляюсь туда. Если я хочу сделать что-нибудь, я это делаю. Я не затворник.

— Думаю, что, возможно, все же затворник.

— Я предпочитаю слово отшельник, — говорю я, — может, подвижник. Ладно, еще один принцип.

— Думаю, мы справились с одиннадцатым. Двенадцатый. Являются ли чудеса мыслями?

— Конечно, в том смысле, что царство сновидений — это мысль. Это ключ ко всему сразу. Мысль — это посредник царств сновидений — посредник как среда, не как интерфейс, — если это не слишком противоречит моему последнему ответу.

— Ладно, поправим это позже.

— Чем бы ни были царство сновидений и мысль, они при правильном понимании одно и то же. Так же, как царство сновидений — это ум, а твой интерфейс к нему — это ум, подкрепленный эмоциями, как-то так. Мы закончили с этим вопросом?

— Здесь говорится, что есть телесный уровень мысли и духовный уровень и они создают материальные и духовные миры.

— Нет никаких разных миров, потому что миров нет вообще, есть только царство сновидения. Где бы ты ни была, ты всегда там. Кроме как здесь, больше нигде быть. Ты можешь по-разному это переживать в зависимости от изменений уровня восприятия — глядя через фильтр Бог-Иисус-Любовь, как это делается в «Курсе», например, или с помощью разных инструментов исследования сознания, — но ты всегда в центре своей я-вселенной. Ладно, ты добила меня. Мы можем к этому вернуться, но сейчас я готов.

ЕЩЕ 38 СПОСОБОВ СКАЗАТЬ ТО ЖЕ САМОЕ

Люди говорят о библейских чудесах, потому что в их собственных жизнях недостает чудес. Перестань глотать эту корку. Спелый плод висит прямо у тебя над головой.

Генри Дэвид Торо

Спустя несколько дней Мэгги, Майя и я исследуем старую лесовозную дорогу на другой стороне горы. Во время прогулки я рассказываю Мэгги о подъездном пути, который расположен наверху у близлежащего водопада и еще не исследован. Большая ошибка. Путь был в паре трудных для ходьбы километров, а последние пятьсот метров оказались взаправду тяжелыми. Обратная дорога тоже была не сахар.

— Знаешь, что такое ориентирование? — спрашиваю я Мэгги во время спуска.

— Конечно, — говорит она к моему удивлению, — беготня по лесам с картой и компасом, вроде военной игры. Мы занимались чем-то таким, когда я была в «Индийских Девчонках».

— «Индийские Девчонки»? Это расизм или сексизм?

— Возможно, и то и другое. Это было что-то вроде скаутского лагеря для девочек, но не такое дурацкое. А вы интересуетесь ориентированием?

— Интересовался когда-то. А теперь любопытно, слышала ли ты о чем-нибудь подобном в здешней округе.

— Нет, но я уверена, вы можете бегать в окрестных лесах сами по себе. Когда я была в «Индийских Девчонках», то всегда думала, как глупо заниматься этим в лесу. Лучше бы бегали по Вашингтону или Атланте с настоящими томогавками и набирались каких-нибудь настоящих навыков.

— Что ж, — говорю я, — вот и твое кино.

* * *

Мы возвращаемся в хижину, и я валюсь на диван, как будто кто-то включил гравитацию. Майя прошла только полпути до своей лежанки. Мэгги осталась свежей и энергичной.

— Хотите еще позаниматься этим перечнем? — спрашивает она спустя несколько минут.

— Можно попробовать, — мямлю я и с трудом прихожу в движение. Мне удается стащить обувь, носки и напоить нас с Майей водой. Достāju хумус и питу, но слишком устал, чтобы жевать. В доме тепло, так что огонь разводить не требуется, но я все равно его развожу, чтобы было больше света. Мэгги кладет на стол свой рюкзак и выкладывает оттуда что-то. Через десять минут мы устраиваемся поудобнее: я в своем счастливом кресле, Мэгги на диване с лаптопом, а Майя все еще на полпути к лежанке.

13-33 — Чудеса вне времени

— Готовы? — спрашивает Мэгги.

— Погнали.

— Хорошо, — говорит она, — мы остановились на тринадцатом принципе. Здесь говорится, что чудеса — это и начала и концы.

Она оставляет этот вопрос висеть в воздухе, как будто я знаю, что это значит.

— Я должен знать, что это значит?

— А, — продолжает она, — они суть подтверждения

нового рождения, они изменяют временной порядок. Они искореняют прошлое, чтобы изменить будущее, я полагаю.

— Покажи, пожалуйста.

Она приносит страницу и показывает тринадцатый пункт. Я пробегаю абзац глазами и отдаю страницу обратно.

— Да, хорошо, все правильно, но опять же либо говорящий слабо схватывает, либо все специально оглушается в угоду определенной аудитории.

— Вот поэтому и хорошо, что вы это толкуете, — говорит она.

— Я не совершаю этот прыжок, — говорю я, — но ладно. Это означает, что чудеса случаются вне времени. Время подчинено мысли, что, как я полагаю, не так уж очевидно. Например, даже если ты думаешь, что чему-то уже поздно случаться, оно все еще может случиться. Универсальный разум не задерживают фальшивые ограничения, определяющие эго. Не налегай на детали, возможно, есть и лучший способ все устроить. Просто играй свою роль и позволь вещам работать. Не беспокойся о том, что возможно, потому что ты и понятия не имеешь.

— Ладно, так неплохо. Следующий принцип, четырнадцатый: приводят ли чудеса к истине?

— Еще что-нибудь есть?

— Тут говорится, что чудеса убедительны, потому что приходят из убежденности.

— Покажи, пожалуйста.

Она снова приносит листки, и я читаю четырнадцатый пункт, а потом просматриваю, что там дальше.

— Похоже, что с этого места перечень может начать осыпаться. Четырнадцатый не слишком хорош, пятнадцатый плох, с шестнадцатого по девятнадцатый — слабые. Двадцатый нехорош, двадцать первый и двадцать второй плохи. Может, я просто ленив, но они слишком запутаны, чтобы связываться с ними.

Двадцать третий, посмотрим-ка: чудеса перестраивают восприятие, что это значит? Звучит как неверное знание. Помещают уровни в перспективу... недуг приходит от смешения уровней... а, это уже почти что-то, но не совсем.

— Двадцать четвертый об исцелении недужных и воскрешении мертвых, — говорит Мэгги. Я читаю этот пункт несколько раз, и мне хочется, чтобы он мне понравился больше, чем он мне позволяет. Ты творец, говорится здесь, и все остальное — сон. Наверное, что-то в этом роде.

— Весь этот перечень взывает к крайне незрелому пониманию, — говорю я. — И опять же, зачем валяться в навозе, если из него можно выкарабкаться? Зачем валяться на кровати, мечтая о пробуждении, если ты можешь просто открыть глаза? А если ты не хочешь пробудиться, то зачем вообще все это? Дальше, двадцать пятый — это слишком, чтобы выпутаться, но это первый раз, когда в перечне упоминается искупление. Я не уверен, что это значит. Давай посмотрим двадцать шестой, может, здесь есть что-нибудь.

— Свобода от страха?

— Вероятно, в том смысле, что состояние сна можно назвать Парадигмой Страх, а пробужденное состояние — Парадигмой Любви [Agapé]. Здесь говорится, что искупление означает отмену созданного, а отмена страха — это существенная составляющая ценности чудес, что может означать только отмену эго, так что искупление может означать рождение заново. В таком свете кое-что здесь обретает больше смысла, но все еще слишком затянато.

— Я думала, весь перечень будет хорош, — говорит она.

— Он вполне хорош, если ты хочешь понять, как люди обманывают сами себя, чтобы остаться в детском состоянии, но тебе нужна взрослая перспектива, чтобы понять это. Продолжим.

Мэгги садится на ручку моего кресла и мы читаем список вместе.

— В двадцать седьмом автор впервые претендует на то, что он Иисус, но на самом деле не говорит ничего. Двадцать восьмой неплох: свобода от страха, опять же. Открой глаза и кошмар закончится.

— Чудеса — это средство, а откровение — цель, — читает Мэгги.

— Слабо, но не неправильно, — говорю я. — Использование сосредоточенного намерения, чтобы осуществить переход во взрослость, определенно правильно, имелось ли это в виду или нет.

— Тогда довольно неплохо.

— Ладно, мы не сортируем перечень, мы просто хотим посмотреть, какова его ценность для путешествия. Мы вроде как прочесываем набитый рюкзак и оставляем только то, что жизненно важно. Если этот список и есть то, чего требует путешествие, то он полезен, но многое в нем избыточно. Нам нужна небольшая фляга, а они вручают нам тяжеленный глинобитный кувшин, украшенный рунами.

— Ваши комментарии облагораживают его, — замечает она.

— Ты не записываешь, — замечаю я.

— На лаптопе включена запись, как во время лекций в колледже. Я все перенесу на бумагу. Не беспокойтесь, продолжаем.

— Ладно, последняя часть двадцать девятого принципа хороша: чудеса исцеляют, потому что отвергают отождествление с телом в пользу отождествления с духом. Тридцатый, то же самое: дух, восприятие, соответствующий порядок, помещение духа в центр... Не знаю, это похоже на отделение унции сахара от фунта соли. Тридцать первый начинается хорошо, чудеса должны внушать благодарность, а не благоговение. Я бы даже предпочел переводить Любовь (Агапе) как благодарность, так что мне нравится. Все остальное в тридцать

первом смахивает на психическое расстройство, при том что здесь вроде нет ничего явно неправильного. В тридцать втором, я полагаю, автор говорит от имени Бога или Иисуса и связываться с этим неохота, хотя утверждение о помещении тебя выше физических законов в состоянии совершенства вполне сносно. Тридцать третий начинается плохо, но дальше исправляется. Здесь говорится, что при высвобождении твоего разума из плена иллюзий возрождается здравомыслие, что является почти ясным и немногословным утверждением.

— Звучит неплохо, верно?

— Кое-что из этого очень хорошо, но продираться трудновато.

Она забирает страницы и в течение нескольких минут делает записи.

34, 35 — Симптомы слепоты

— Рыться отверткой, — говорит Мэгги, — полюса запрещают ражему всего прямоу. Где-то совы сокращают вожделение?

— Боже, — говорю я, — что?

— Тридцать четвертый, — повторяет она, — чудеса возвращают разуму его полноту. Это снова означает пробуждение?

— А, — говорю я, протирая глаза и встряхивая головой. — Конечно, поскольку для них сущностно необходимы открытые глаза, они обнажают уровень бытия, где доступен паттерн. Когда все лучше и лучше видишь эту изнанку реальности, физическая реальность кажется все менее и менее плотной.

— Здесь также говорится, что разум, которому возвращена его полнота, защищен от вторжений.

— Звучит, как что-то даосское: у того, кто знает, как жить, нет места, куда могла бы войти смерть, что-то вроде этого. Мы использовали это в одной из книг. В «Гите» тоже это есть: меч не рассечет этого, огонь не

сожжет и ветер не иссушит, та же общая идея.

— Я думала, у вас хорошая память.

— Только для того, что я помню.

— Мы это в процессе поправим.

— «Курс» рекламирует идею личной бессмертной души, которой не существует, так что здесь придется срезать еще больше религиозного жира. Как там говорится в тридцать третьем? Освободи свой разум от плена иллюзий и возроди здравомыслие. Это хорошо. Автору следовало бы последовать собственному совету.

— Ладно, в тридцать пятом сказано, что результаты чудес не всегда видимы.

— Не всегда видимы для нас, да, это очень важно. Это значит, что мы не должны считать себя вправе судить. Это работа эго, а мышление само по себе способно видеть и понимать больше, чем эго. В более узком смысле, нет, ты не всегда видишь все, что происходит, или не всегда понимаешь, что ты видишь, но в более широком смысле это доверие к процессу, который освобождает тебя от сомнения и недоверия. На самом деле это центральная идея. Твои глаза или открыты, или закрыты, либо одно, либо другое. Капитуляция и доверие возникают благодаря не вере или верованиям, а ясному видению. Состояние с закрытыми глазами естественно вызывает панику и недоверие и буквально требует слепой веры, но когда глаза открываются и ты видишь, как все работает, недоверие исчезает, а вера забывается. Беспокойство о результатах — симптом слепоты, которая заставляет тебя думать, что ты знаешь лучше, что твоя воля должна исполняться, что ты возникший. Но важно обратиться к причине, а не к симптомам. Открой глаза, и симптомы слепоты исчезнут все сразу.

— Интересно то, — сказала она, — что это не вопрос веры.

— Правильно, здесь не требуется вера или верования.

Ничто не прячется и не утаивается. Если ты можешь видеть, где ты и как работают вещи, тебе не нужно верить ни во что.

36, 37 — Настройка восприятия

— Тридцать шестой хороший, — говорит Мэгги, — вам понравится. Чудеса возникают из верного мышления, из приведения восприятия в согласие с истиной, так тут говорится. Это же верно?

— Не считая неверного использования слова «истина», довольно неплохо. Единственная подлинная цель духовного путешествия в том, чтобы сонастроить тебя со вселенной, так что верное мышление и сонастройка — это ключевые идеи. Следующий?

— Батюшки, — говорит она и передает мне страницу. Я просматриваю тридцать седьмой и понимаю, в чем дело. Слишком оброс ракушками, чтобы тратить время на его очистку.

— Я просто перефразирую последнюю часть, — говорю я, — где, в сущности, говорится, что пока не откроешь глаза, ты не обнаружишь то, что я называю паттерном, а они божественным порядком. Еще скажу, что с их стороны довольно странно так демонизировать ложное. Это показывает критически неверное понимание цели и совершенства царства сновидения. Неверное понимание выставляет царство сновидения плохим, а Атмана хорошим, но это очень распространенное заблуждение.

Я просматриваю все остальное в перечне и решаю устроить финальный забег до финишной черты.

— Я просто пробежусь через все остальное, — говорю я. — Ты готова?

— Вперед.

Я держу лист бумаги, чтобы на него падал свет и просматриваю перечень до конца. Чтобы разобрать каждый пункт, требуется некоторое время, я играю с возможными интерпретациями и сравниваю, сколько усилий

нужно вложить, чтобы извлечь смысл из любого данного утверждения, и какая от этого польза.

38-50 — Правильность в целом

Ладно, в тридцать восьмом вводится новый персонаж, который мне не ведом. В тридцать девятом говорится, что с восприятием света сама собой исчезает тьма, что на удивление прямолинейно. Сороковой — это поздравительная открытка. В сорок первом, вероятно, сказано, что когда ты открываешь глаза, то воспринимаешь правильность в целом вместо частей, так что годится. В сорок втором говорится что-то похожее: освободи себя и симптомы пленения исчезнут. Кажется, теперь мы интерпретируем чудо как пробуждение, я не заметил, когда это произошло. Возможно, с тридцать пятого, где появилось искупление.

— Искупление означает стать осознанным? — спрашивает она.

— По мнению того, кто это написал, вероятно. В сорок третьем сказано, что ты получаешь, если восприимчив. В сорок четвертом что-то непереводаемое о Христе. Сорок пятый основан на фальшивом знании, так что его исключаем. Сорок шестой, хм, действительно заслуживает некоторых усилий. Здесь сказано, что чудеса это дополнительные колесики на велосипеде и когда ты научишься на нем ездить, они больше не нужны. Это значит, что когда ты развил духовное чувство, или, как они это называют, духовное откровение, тебе больше не нужны неуклюжие интерфейсные методы. Это очень хорошо.

Я медлю, пока она пишет, и продолжаю, как только она поднимает голову.

— Сорок седьмой плохо сформулирован, но идея, что чудеса не подвержены нашей концепции времени, правильная, о чем, полагаю, мы уже говорили. В сорок восьмом сказано, что чудеса — это единственное в нашем распоряжении средство управления временем,

и это странная формулировка, но довольно точная. Потом говорится, что откровение, духовное чувство, превосходит чудеса, потому что не имеет ничего общего со временем. Хочу согласиться с этим, но не думаю, что соглашусь. Сорок девятый можно прочесть двумя способами: один неправильный, а второй мог бы быть правильным, если бы не основывался на неверном знании. Здесь можно завязнуть в трясине, но мы не станем. И наконец пятидесятый имеет отношение к творению и соностройке, в чем, возможно, есть смысл, а возможно нет, как и во всем остальном перечне.

— Ого, мы закончили!

— Что ж, я уверен, что мы промчались по перечню слишком быстро и не истолковали материал с тем уважением, которого он заслуживает, но это похоже на попытку перевода искаженной передачи: можно извлечь какие-то кусочки и обрывки, но в основном это белый шум.

— Возможно, канал передачи был неважный, — предполагает Мэгги. — А может, все смазалось уже после передачи, и никто не понял значения достаточно хорошо, чтобы восстановить его.

— Возможно, я не рассматривал текст в этом свете и сомневаюсь, что когда-нибудь еще стану рассматривать. Важно помнить, что нет никого выше нас: ни у кого нет большего знания, чем у нас, никто не думает лучше, чем думаем мы. Был ли Иисус или еще кто-то предположительно вознесшейся сущностью, не имеет значения: авторство не дарует авторитета. Единственный подлинный авторитет возникает из правоты, и насколько бы правильным ни был этот перечень, по большей части он ошибочен.

— Полагаю, в этом есть смысл.

— У меня было такое впечатление, что список развивается по мере его продолжения, будто чем больше в нем говорится, тем больше речь идет о том, что основная цель чудес — это перерождение в интегрированное

состояние. Это началось с двадцать восьмого принципа, где сказано, что чудеса — это средства, а откровение — конец. Если так, то я согласен. Интеграция — не единственное, чему служит процесс со-творения, но я бы сказал, что для любого человека в отделенном состоянии лучше и не придумаешь.

— Думаете, людям он служит для этого?

— Нет, скорее для всего, что связано со здоровьем и благополучием, страхом недостатка, страхом смерти.

— Стоило ли проходить этот перечень со мной? Думаете ли включить это в свою книгу?

— Еще не уверен. Я напишу и посмотрю. Это очень затянутый способ сказать то, что можно сказать куда короче, но еще это неплохой взгляд на утонченные обманы царства сна и эго, на то, как и почему все запутывается и искажается. В этом списке ровно столько правды, чтобы вызвать к нему доверие, подманить к западне, а потом завалить слоями религиозного барахла, сделав правду совершенно недоступной для любого, кто мог бы извлечь из нее пользу. Этот перечень можно приравнять к буддизму по степени обманчивости и цепкости. В контексте царства сновидения это критически важная функция. Представь себе, как трудно ограничивать здоровых, разумных людей в их развитии на предпубертатной стадии. Это действительно гениальное произведение.

* * *

— Я тут подумала кое о чем, — говорит Мэгги.

— Вот так оно и начинается, — замечаю я.

— Джедвайта! — торжественно произносит она.

— Джед снова что?

— Джедвайта. Как Джедвайта Веданта. Вот что на самом деле представляют собой эта книга и «Теория всего», верно? Будто вы берете адвайту и сдираете с нее все лишнее. Вот что такое на самом деле Алетеология,

верно? Джедвайта.

— Нет.

— Вы написали первые три книги, и это была трилогия о просветлении. Теперь вы пишете «Теорию», «Пьесу» и «Во сне», и это вроде как трилогия о царстве сновидений, верно? Итак, из обеих трилогий складывается Джедвайта, верно?

— Нет.

— Мне приобрести доменное имя? Джедвайта точка ком?

— Нет.

— Не бойтесь, что кто-то другой приобретет домен и прикинется вами?

— Нет.

— Не бойтесь, что кто-нибудь украдет ваше учение и запутает его?

— Нет.

— Расскажите ли вы в этой книге, что я подумала о Джедвайте? Вы вообще слушаете меня? Джед? Джед? Вы не умерли? О боже, Джед умер. Хорошо, что мы успели собрать урожай. Ладно, Майя, дорогая, можешь съесть его. Начни с лодыжек и переходи выше, но оставь мозг на завтра. Помни, дорогая, правило: мозг завтра и мозг вчера, но никогда не мозг сегодня.

СМЫСЛ ТВОРЕНИЯ

Вся материя рождается и существует исключительно благодаря некой силе. Мы должны исходить из того, что за этой силой стоит сознательный Разум. Этот Разум является матрицей всякой материи.

Макс Планк

Следующие полчаса Мэгги записывает, потом начинает говорить, обращаясь отчасти ко мне, отчасти к себе.

— Все это довольно странно. Я имею в виду эту книгу, «Курс чудес», ведь с ней так носятся и столько умных людей относятся к ней с почтением, но для вас это просто пыльный артефакт какой-то древней цивилизации, и вы объясняете, насколько причудлива эта система верований и как примитивны и суеверны ее почитатели. Но это не древняя цивилизация, это нынешняя цивилизация, и я ее часть. А ведь мне нужно обратиться к системе верований, даже чтобы сказать нынешняя, верно?

Я осознаю, что между ее матерью и мной Мэгги, должно быть, чувствует себя третьей лишней. Ее мать для нее нечто вроде инопланетной сущности, а я в глазах Мэгги, вероятно, инопланетный похититель ее матери. Вслух об этом не говорится. Я наблюдаю их отношения и нахожу, что они довольно крепкие, но что я знаю? Мэгги пытается понять, кто она, и проводит лето со своей матерью, которая является кем-то иным,

и другом семьи, который тоже некто иной. Я понимаю, что для молодой девушки это может быть чересчур, но она не выглядит растерянной.

— Ну, и да и нет, — отвечаю я на ее полуриторический вопрос. — Когда перестаешь навешивать ярлыки плохо, хорошо, правильно, неправильно, то все начинает оцениваться по степени увлекательности.

— Не могу с уверенностью определить, насколько это все увлекательно для меня, — говорит она.

— Возможно, все это касается нас как, скорее, творений, чем творцов. С перспективы Брахмана мы сами и есть элементы творения. Наши собственные творения — искусство, технология, цивилизации, системы верований и так далее — всего лишь развлечения для Брахмана, пока они воспаляют в нас страсти и делают наблюдение за нами интересным. Короче говоря, Брахман переживает творение как нас, так что наш творческий процесс более увлекателен, чем продукты нашего творчества.

— Откуда вы знаете?

— Я ничего не знаю, я просто пытаюсь сложить части головоломки так, чтобы они совпали, и так они совпадают.

* * *

— Я слегка разочарована этим списком, — говорит она. — Я думала, он будет лучше.

— Если судить по его собственным достоинствам, он на удивление хорош. Если понимать его изнутри царства сновидений, смотреть на него как на своего рода помесь христианства и нью-эйджа, то я бы сказал, что это первоклассное произведение. Если бы я был приверженцем Бога, Иисуса и Любви и захотел бы выжать из этого все, то посвятил бы себя после Библии «Курсу чудес». Немногое в нем явно неправильно, просто для очистки требуется больше терпения, чем

у меня есть.

— Что насчет меня? Меня это заинтересует?

— Можешь попробовать, но ты быстро обнаружишь механическую несовместимость между собой и «Курсом» и бросишь это дело. Но причин не попробовать нет, если ты не прочь.

Она заканчивает писать, открывает чистую страницу и поднимает голову.

— Не хотели бы вы подвести итог?

— Хм, возможно, пока память свежа. «Курс» в некотором роде уникальный продукт на этом духовном базаре, но он абсолютно типичен для базара. Он служит той же цели, что и любой другой товар в этом месте. В царстве сновидений правильное это неправильное, а неправильное это правильное. Это необходимо, а иллюзия существенна. Некоторые люди излишне привязаны к разуму, который может разрушить нейтральное состояние плавучести, и это помогает им оставаться на безопасном расстоянии. Им помогает страх, а страх есть страх эго перед не-я. Вот почему, отстранившись от эго, ты оставляешь страх позади. Эго не желает, чтобы его подвинули из его зоны комфорта, и именно с этой проблемой призваны справляться такие решения, как «Курс чудес»: они обеспечивают нас безопасным способом выразить нашу тягу к свободе. В этой психиатрической лечебнице нет замков, но есть множество способов не покидать ее. Люди заманиваются в ловушки наподобие «Курса» и проводят свои лучшие годы, пытаясь следовать его наставлениям, но когда эти годы проходят, они все там же, сидят на дне ямы, из которой могли бы легко выбраться, но их пороховницы уже пусты, и они довольствуются жизнью в норе.

Я сделал паузу, чтобы Мэгги нагнала меня со своими записями.

— Что-то вроде этого могло подействовать и на меня, — продолжаю я. — Я мог направить всю свою сфокусированную энергию на какое-нибудь похожее

на погоню за своим хвостом пустое развлечение вроде дзена, адвайты или «Курса». То, что я описываю, подобно невидимому силовому полю: оно очень обширно, очень действенно, и это единственная цель любой религии или духовного учения. Довольство есть сдерживание. Недовольство ведет к переменам, которые враждебны состоянию сна. Существует множество линий обороны, удерживающих нас от того, что кажется совершенно естественным для разумного существа — быть разумным.

* * *

— Погодите, — говорит она. — У меня батарея на лаптопе села и руку судорогой свело.

Она массирует руку и трясет ей.

— Теперь хорошо, — говорит она.

— Но есть кое-что еще, — продолжаю я, — что не было упомянуто в перечне. В паттерне нет разрывов. Куда бы ты ни шел, куда бы ни смотрел, он всегда будет совершенным. Возможно, сам акт смотрения есть акт творения, кто знает. Итак, когда мы смотрим, он там, но что происходит, когда мы не смотрим? Вселенная подобна ящику со шредингеровским котом внутри, но реальная проблема не в том, жив кот или мертв, а в том, существует ли кот вообще.

— Думаете, я что-нибудь поняла?

— Положи монетку в ящичек и потряси его. Орел или решка?

— Пока не открою ящик, неизвестно.

— Правильно. Но есть интерпретация квантовой механики, которая гласит, что пока мы не откроем ящик и не посмотрим, монета будет оставаться в суперпозиции и орла и решки, и только когда мы откроем ящик и посмотрим, суперпозиция коллапсирует в положение орла или решки.

— Звучит как-то неправильно.

— Это точка зрения Шредингера. Наша точка зрения такова: откуда нам знать, что в закрытом ящике есть монета? Если мы откроем ящик, мы, конечно, увидим монету, но что внутри ящика, когда мы не смотрим? Это настоящий вопрос из разряда «падающего в лесу дерева»: существует ли что-либо ненаблюдаемое? Исходя из материалистического мировоззрения, ответ, разумеется, да, с точки зрения царства сновидения, конечно, нет, но в обоих случаях явного ответа нет. Если даже мы открываем ящик и видим монету, это не дает ответа на самый фундаментальный вопрос: существует ли творение? Ответ таков, что ответа нет, что не звучит как ответ, но им является. Это ответ на все вопросы. Так должно быть, и так есть.

— Я же не должна что-либо из этого понять, верно?

— Сдается мне, что никто не понимает.

— Хорошо, погодите, я записываю. Готово.

— Итак, вот о чем загадка кота Шредингера — это парафраз простого коана: существует ли реальность, когда ее не наблюдают? А если пойти еще дальше, вопрос станет таким: существует ли реальность, когда она наблюдается? Существует ли реальность вообще?

— Итак, все указывает на объяснение с перспективы царства сновидения.

— Ничто не указывает на иное, а материалистический взгляд подкреплен лишь верованием, основанным на видимостях. Материалистическое мировоззрение — это общеизвестная истина, а царство сновидения — сумасбродная гипотеза, но все следует развернуть наоборот: реальность-как-видимость должна быть в основе, а материализм — это храбрая гипотеза, которую надо защищать или отвергнуть. Материальная реальность — всего лишь гипотеза, пока она не доказана. Любой серьезный ученый был бы на моей стороне.

— Но материальную реальность невозможно доказать, верно?

— Правильно, видимая реальность признана

действительной по общему согласию, но поскольку факты свидетельствуют лишь о реальности как видимости, согласие не принимается в качестве доказательства, что оставляет без всякой поддержки материалистическое мировоззрение в целом. Вот почему консенсусная реальность недопустима, а интерпретация с перспективы царства сновидений — подлинная основа.

— Ого, — говорит она после того, как захлеб записала сказанное, — мы правда сбились с курса.

— Мы как раз оставались на курсе, чтобы посмотреть, куда он нас приведет. Любые разговоры ведут назад к тому же узлу, то есть сингулярности — бесконечному сознанию. К Истине.

— Безумие, — говорит она, записывая. — Я знаю, что записываю все неверно.

— Поправим это в процессе.

* * *

— Эйнштейн однажды спросил какого-то человека, действительно ли тот верит, что луна существует только тогда, когда он на нее смотрит. Вопрос был саркастический, будто ответ слишком очевиден, чтобы заслуживать серьезного отношения, но это единственный серьезный вопрос, который может задать наука, а ответ на него вообще неочевиден. Существует ли существование? Реальна ли реальность? Этот вопрос, который Эйнштейн стремился высмеять, на самом деле убийца всей науки. Эйнштейн пытался защитить несостоятельное утверждение, что наблюдение образует доказательство. Его вопрос обнажает фальшивость основания, на котором покоится наука, и проливает свет на тот факт, что сама наука — это еще одна система верований.

— Даже если все наблюдают одну и ту же луну?

— Существование других людей недоказуемо, так что они не могут свидетельствовать о чем-либо еще. Можно только устранить верование из уравнения и начать заново. Первый вопрос о реальности: реальна ли реальность? Что-нибудь действительно существует? Никто никогда не мог ответить на этот вопрос, поэтому все остальное не может быть ничем иным, нежели верованием.

— Но наука работает. Они делают все эти удивительные штуки.

— Я не оспариваю способность науки описывать и подчинять себе исходное совершенство царства сновидений, я оспариваю их претензии на то, что они понимают его.

— Ой, да вы и правда питаете слабость к науке и религии?

— Если хочешь убедить людей подвергнуть сомнению их религию, тебе придется начать с убийства их богов и священников и осквернения их останков, что на самом деле представляет собой чрезвычайно приятное времяпрепровождение.

* * *

Если бы Эйнштейн спросил меня, верю ли я, что луна существует только тогда, когда я смотрю на нее, я бы поинтересовался, почему он пытается выставить мой аргумент в смешном свете. Почему он предпочитает сделать соломенное чучело и атаковать его, вместо того чтобы обратиться к настоящему вопросу: существует ли такая штука, как объективное знание?

— С моей стороны было бы довольно смешно верить в то, что луна существует только тогда, когда я смотрю на нее, — сказал бы я ему.

— Именно так, — согласился бы он.

— На самом деле, — продолжил бы я, — я верю, что луна существует так же, как я верю, что я человек,

который смотрит на нее. Так же я верю, что существуете вы, существует время и существуют арбузы. У меня нет ни одного доказательства существования всего этого, но я верю в это, потому что это реальность и вот так она работает. Во что я не верю, так это в верование, и я бы никогда не стал обращаться с истиной настолько бесцеремонно, чтобы приводить ее в замешательство с помощью видимостей, герр профессор.

— Пожалуйста, — сказал бы он, — зовите меня Альби.

— Но с другой стороны, — продолжил бы я, — вы говорите, что знаете, что луна существует, потому что видите ее, и это совсем другое дело. Свидетельства ваших чувств могут быть полезны в повседневной жизни, но едва ли соответствуют стандартам серьезной науки. Вот мой вопрос к вам: на основе какого подлинного доказательства вы утверждаете, что луна действительно существует?

— Очевидно, — признался бы Эйнштейн, теребя свою философскую шапочку, — таких доказательств нет.

Он бы засопел и полез обниматься, но я бы сделал шаг назад.

— Разумеется, нет, — сказал бы я. — Только само сознание может достичь этого уровня. Итак, мы видим, что ваш воинственный вопрос о луне предназначался лишь для компенсации того факта, что вся ваша беспристрастная научная система подтверждений основана не на чем ином, как на заскорузлой вере, замаскированной под науку. Верно ли это?

— *Ja, ja*, — забормотал бы он. — *Ich bin ein* неисправимый лжец.

Затем он вручил бы мне Нобелевскую премию и ушел бы к парихмахеру за нормальной стрижкой.

* * *

В ходе нашего обсуждения принципов чудес я

осознал, что Мэгги не так уж сильно интересовалась этой темой, когда пришла с ней ко мне. Она знала, что я буду здесь, когда она приедет на лето домой, и хотела, чтобы нам было чем поделиться и что обсудить. Она полистала книги и пришла к заключению, что «Курс чудес» — как раз такая тема, которая поспособствовала бы нашему общению, как когда-то в Мексике. Однако в «Курсе» примерно сто двадцать страниц текста, поэтому она ограничилась перечнем принципов, которые вручила мне как приемлемый для нас обоих объем.

— Итак, — говорю я ей, — вовсе не соседка по комнате, я полагаю.

— Нет, — говорит она, — ну, отчасти. Мы вместе начинали читать «Курс», но я подумала, что напала на что-то стоящее. Нереальное не существует, реальному ничто не может угрожать, верно? Я думала, это что-то настоящее, что-то, о чем мы могли бы поговорить. Сначала я пыталась обсуждать это с мамой, но она просто смотрела на меня, как будто меня нет.

— Этого нет в книгах, — говорю я.

— Так она и сказала. Этого нет в книгах.

— Что ж, с твоей стороны было очень разумно сделать это усилие. Надеюсь, тебе понравилось.

— Мне правда понравилось зависать тут с вами, — говорит она, — но интересно, что мне следует со всем этим делать.

— По-моему, ты делаешь все правильно. Не беспокойся, ошибки нет. Будь терпелива. Дай себе время, чтобы открыть свое внутреннее видение.

— Мое внутреннее видение?

— Ты прыгаешь с самолета на высоте трех или четырех километров, а твоя зона посадки — пара крохотных линий на огромной площади планеты. Ты прыгаешь и сходишь с ума, ты летишь со скоростью двести километров в час, ветер слепит глаза, ты не испытываешь слишком большой благодарности, наверняка в шоке

от прыжка в бескрайнюю пустоту, но потом справляешься с собой и наслаждаешься полетом, верно? Тебя даже не беспокоит в этот момент, где тебе предстоит приземлиться, ты просто получаешь удовольствие и пытаешься помнить, что не время умирать. У тебя всего пара минут этого полета, а потом ты достигаешь точки, где твой парашют открывается и — бац! — скорость резко падает. Довольно неприятное ощущение, но теперь ты плывешь под куполом в относительной безопасности. Теперь ты видишь, куда тебе надо приземлиться и можешь сама подруливать парашютом. Начало было довольно сумбурное, но еще на изрядной высоте ты примерно понимаешь, куда тебе приземляться, так что теперь можешь покружить и сесть буквально на пяточок. Вот такой путь ты и совершаешь сейчас, но ты все еще на том этапе, где много паники и мало благодарности. Получай от этого удовольствие. Ты можешь позволить себе быть слегка безрассудной. У тебя есть основной парашют и запасной, так что это отличный момент совершить глупость и попробовать что-нибудь новое. Однажды придет момент, когда твой парашют раскроется и ты войдешь в новую фазу этого путешествия. Звучит разумно?

— Не совсем, — хмурится она. — Я думала, у вас в этом больше опыта.

— У меня мало практики, и жизненные советы не мой конек. Суть в том, что ты используешь этот первый этап, где находишься сейчас, чтобы открыть для себя, куда ты вообще собираешься лететь. Под тобой целая планета, и ты можешь приземлиться где угодно. Именно здесь ты развиваешь свое внутреннее видение, и именно глубина и ясность видения приподнимают отдельных людей над стадом. Я хочу сказать — удели внимание этой части, а потом, отвечая на свой вопрос, ты узнаешь, что тебе следует делать со всем этим. Пока ты не обрела видение, которому можно следовать, твоя задача открыть это видение. Большинство людей

никогда этого не достигают, поэтому ходят кругами и умирают с музыкой, звучащей внутри, если можно так сказать. Найди свое видение, а потом каждый шаг будет шагом вперед, к осознанию. Если ты хочешь чего-нибудь, достаточно сфокусироваться на этом и повернуть руль в ту сторону. От этого возникнет разворачивание, и по мере приближения ты начнешь видеть, что есть то, чего ты на самом деле хочешь: твое подлинное желание в противоположность эгоистическому желанию. Вот каковы реальные чудеса — динамическое со-творческое взаимодействие, которое превосходит фальшивые идеи о я и не-я. Именно поэтому они кажутся чудесными с отделенной точки зрения и обычными с интегрированной. Снимай кино, вытаскивай трости, убей папу римского, играй на пианино, это все одно и то же. Ты желаешь, ты действуешь, вселенная отвечает. Попробуй понять, чего ты не хочешь и отпусти это. Это может быть даже более важной частью процесса — достижение правильного путем отказа от неправильного.

— С ваших слов все так просто.

— И да и нет. В людях есть уровни сложности за пределами понимания. Каждая жизнь — это уникальное сочетание препятствий и заторов, но так же, как все мы ощущаем гравитацию и солнечный свет, мы имеем доступ к внутреннему измерению, которое является самой природой самоосознания. Я не могу вывести кого угодно из его персонального лабиринта отождествлений и обстоятельств, но знаю, что он обнаружит, когда выберется.

— Я знаю, что во всем этом есть смысл, — говорит она, но мне трудно думать о реальности как о чем-то нереальном. Ну, как может ничто из этого не существовать? Это довольно странно. Я не спорю с тем, что вы сказали, но я все еще на самом деле не верю в это.

— То же и со мной. Реальностью кажется мне такой

же реальной, как и тебе. Если я врежу ногой по камню, то сломаю палец.

— Но вы же говорите, что все это сон.

— Как говорят более мудрые мудрецы, реальность ни существует, ни не существует. Не думай об этом в понятиях, в которых реальность кажется реальной, подумай о том, каково значение этого. Ты не бессмертна, ты умрешь. Смысла нет, и если нет смысла, тогда что вообще реально? Это не имеет ничего общего с тем, насколько плотной кажется материя, это имеет отношение к пониманию, что вне зависимости от любых соображений жизнь совершенно бесцельна. Ничто не продолжается вечно, ничто из того, что ты делаешь, не имеет значения, и ничто не может этого изменить. Твоя незначительность абсолютна. Не-я — это подлинное я. Это и есть урок мимолетности. Ты начинаешься с чистого места, создаешь свою мандалу, потом смахиваешь ее в пустоту. Я знаю, что мимолетность звучит пугающе, но это истина...

— Истина освободит тебя, так, кажется.

— Хорошо, но что ты хочешь от свободы? Район стадиона Ригли Филд в Чикаго называют «Дружелюбным Местечком» [Friendly Confines]. Царство сновидения и есть дружелюбное местечко. Зачем тебе желать побега из него, и куда ты пойдешь? Ты как персонаж в дружелюбном местечке голографической палубы¹. Ты не можешь уйти, но можешь осознать свою ситуацию: тебе необязательно обманываться и быть двухмерным, как прочие персонажи, которых ты видишь. Ты можешь понять, что ты есть и где находишься, и извлечь все выгоды из всех чудес, предоставленных технологией голографии. Ты создаешь, что желаешь создать, и, делая это, ты создаешь себя. Мы говорим о том, как взломать систему. Ты и корабельный

¹ *Holodeck* — помещение для создания голографической виртуальной реальности в «Стар Треке».

компьютер, вы вместе со-творяете голографическую реальность. Ты проявление компьютера: компьютер есть разум и ты разум. Одно и то же, верно? Во всем этом нет смысла и здесь некуда идти, так что с того? Ты живешь, играешь свою роль, видишь жизнь во сне. Ты возникаешь из ниоткуда, кривляешься отпущенный тебе час на голографической сцене, полной шума и страстей, в которых нет смысла, и навсегда смолкаешь². Или так, или ничего, так что это неплохая сделка. Делай, что на самом деле желаешь, — вот и весь закон. Мечтай красиво и претворяй мечту в реальность. Будь особенной, не превращай это в эгоистическое желание вроде «хочу быть режиссером». Делай, например, так: «я сниму вот этот конкретный фильм или умру, попытаюсь». Сосредоточься на том, чего ты действительно хочешь, затем начни воплощать это изо всех сил и увидишь, как вселенная подстроится под тебя: вот где возникают действительно магические штуки, и в этом на самом деле нет ничего духовного или эзотерического, просто так все и работает. Ясность видения — это оживляющий принцип царства сновидений, семечко в сердце любого усилия. Магия не в том, что что-то появляется по одному твоему кивку, а в том, что ты пропускаешь сфокусированную эмоциональную энергию сквозь идею и проецируешь ее из мысли в своей голове на вещи во вселенной, которые на самом деле просто еще одна мысль в большей голове. Все, что кто-либо когда-либо сделал, было сделано именно так. Иногда этот процесс случаен или неясен, а его результаты поверхностны, а иногда он тщательно выверен, а результаты свидетельствуют о бесконечном потенциале со-творческого царства сновидения. Посмотри вокруг, где ты находишься и частью чего являешься. Это бесконечная машина снов, где ты можешь творить все, что можешь вообразить. Сделай шаг назад, один маленький шаг и

² См. Шекспир, «Макбет», акт V, сцена 5.

увидишь, на что способны люди — в искусстве, науке, религии, политике, спорте, в приключении и войне. Посмотри на общества и цивилизации, города и нации, все это рождено мужской и женской энергиями, разумом и эмоциями, сосредоточенностью и намерением, инем и яном. Эти свершения человека бесконечно прекрасны, и все они достигались под фальшивым предлогом. Все, что когда-либо кем-либо было сделано, сделано ради лжи. Сама ложь не имеет значения — Бог, слава, вечность, небеса, жадность, любовь, ненависть — в основе всегда страх, всегда один и тот же. Единственная вещь, которая имеет значение, — что создается во имя лжи. Что если твоя жизнь — лишь твой автопортрет? Твое собственное шоу одного актера? Вот стоишь ты, готовая начать творческое приключение своей жизни, и не важно, что ты делаешь, твоим величайшим творением всегда будешь ты сама. Сочетание сосредоточенности и намерения — ключ ко всему. Сердце и ум. Ничто никогда не создавалось иначе. Открой свое видение, затем влей в него свою жизнь и ты его материализуешь, но не благодаря какой-то занудной волшебной формуле, а потому что творение — это сущностная функция царства сновидений. Творение само по себе есть смысл творения, и это максимальное приближение к смыслу. Это ложь, но кому какое дело до истины? Веселись, устраивай бардак, не бойся опрокинуть что-нибудь. Это твоя вселенная, делай с ней, что пожелаешь. Разумно?

— Погодите секунду, — говорит она, пытаясь справиться.

— Хорошо, — продолжает она, ставя галочки в своих записях. — Посмотрим. Итак, я сказала: «Истина освободит тебя», — и потом вы сказали повторите еще раз что?

ХОРОШЕГО ХОРОШО ПОНЕМНОГУ

Мир подобен каруселям в парке развлечений, и ты, выбирая карусель, думаешь, что она реальна. Вот какова власть ума над нами. Карусель летит то вверх, то вниз, круг за кругом, то возбуждающе, то успокаивающе, она очень ярко разукрашена, очень громко шумит, и какое-то время это весело. Многие из тех, кто уже давно здесь катается, начинают задаваться вопросом: «Эй, а это все взаправду или просто карусель?» А некоторые уже все вспомнили, они возвращаются к нам и говорят: «Эй, не волнуйтесь, не бойтесь, тут нечего бояться, потому что это просто карусель».

Билл Хикс

Внутри каждого из нас есть и Бог и Брахман, потому что каждый из нас — и актер и зритель. Бог создается по нашему образу и подобию и любит тихую жизнь, но мы созданы по образу и подобию Брахмана, поэтому жаждем драмы и всего, что возбуждает. Мы разделены между нашими ролями наблюдателя, любящего драму, и наблюдаемого, любящего удобство: мы желаем спать безмятежно, но видим мятежные сны.

Наши Боги могут судить о добре и зле, но Брахман судит о весельи и скуке. Так же, как твой аватар в игре или любимый персонаж из мультфильма получает взбучку, чтобы развлечь тебя, так и ты можешь получать тумаки ради развлечения аудитории своей

передачи. Естественно, мы не желаем страдать, но скука для этой аудитории — тяжелейший из грехов, какие только могут быть совершены в театре, и это все, чем является царство сновидений.

* * *

В заключение давай вознесем хвалу эго. Давай посмотрим на работу эго и подивимся необъятному эпосу, который эго ставит на великих подмостках царства сновидений.

Здесь мы найдем живую «Махабхарату» — великую историю человека, историю, включающую в себя все остальные истории, — и эго — это магическая искра, без которой мы все были бы кенами и барби в кукольном домике Майи. Мы скоры на отречение от эго как чего-то неистинного, но этот чудесный дворец был бы без него пустой коробкой. Эго — это магия, вдыхающая жизнь в царство сновидений.

Сравни историю человека на Земле с историей Земли до человека и осознаешь разницу, созданную эго. Эта планетка — родные пенаты непостижимо прекрасного и разнообразного полотна о драме и творчестве, которых крайне недостает остальной части известной вселенной. И если даже где-нибудь еще есть другие театры, то и они основаны на эго, потому что это единственный способ заставить театр ожить. Эго — ложь, которая приводит мир в движение. Благодаря эго мы кривляемся на сцене, и мы должны быть благодарны ему за отпущенный нам на сцене час.

* * *

Хотя ты существуешь в истине, персонаж, которого ты играешь, личность, которой ты себя считаешь, не существует. Не-я — истинное я. Ты нереален, и реальность нереальна: все это представление, за которым

нет ничего, что вне всякого сомнения доказывается невозможностью найти смысл. Но вся логика этого мира не может изменить простой факт, что если ты врежешь ногой по камню, то сломаешь палец, а сломанный палец ощущается ужасно, чертовски реальным. Царство сновидения, может, и не реально в действительности, но оно достаточно реально, и что бы мы ни говорили об этом, оно куда забавнее, чем Истина.

МЫСЛЬ О МЁДЕ

Человек идет через темный, опасный лес, полный диких зверей. Лес опутан необъятными сетями. Человек испуган, он убегает от зверей, падает в темную яму. Каким-то чудом он успевает ухватиться за перепутанные корни. Он чувствует леденящее дыхание огромной змеи, ее пасть широко разверста, она лежит на дне ямы. Он вот-вот упадет в ее челюсти. На краю ямы огромный слон готовится раздавить его. Черная и белая мышки подгрызают корни, за которые держится человек. Над ямой летают смертельно опасные пчелы, роняющие капли мёда... Затем человек распрямляет палец и — медленно, осторожно — тянется пальцем к падающим каплям мёда. Среди столь многих опасностей, на расстоянии одного дыхания от столь многих смертей, он все все еще не достиг безучастности. Мысль о мёде удерживает его в жизни.

«Махабхарата»
Жан-Клод Карьер